

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.

Спасибо.

Стиви Дж. Коул

"Белая пешка"

Серия: вне серии

Автор: Стиви Дж. Коул

Название на русском: Белая пешка

Серия: вне серии

Перевод: Afotoff

Редактор: Екатерина Лигус

Вычитка: Eva_Ber

Обложка: Таня Медведева

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Сначала вы можете подумать, что это история любви, но это не так. Это совсем не так. Это могло бы быть любовной историей. Для этого был потенциал, но *он* все испортил. Я любила его. Я любила его так сильно, что ненавидела. С учетом вышесказанного, возможно, это своего рода все же любовная история, потому что, конечно, чтобы быть настолько одержимым кем-то, должна быть история любви где-то во всем этом безумии.

Я не всегда была сумасшедшей... Клянусь. Это все *его* вина. В моей жизни все плохо только из-за него — Джастина Вайлда...

Обратите внимание на записку со стола Стиви:

Каждому, кто когда-либо пал жертвой игрока или был темным маленьким секретом, просто помните, что #ВсемуСвоёВремя... потому что у всех нас есть маленькая Мариса внутри. И, пожалуйста, просто примите всю драму в этой книге, как она была задумана, чтобы быть забавной формой темного, извращенного юмора. В конце концов, это всего лишь вымысел...

ПРОЛОГ

Сначала вы можете подумать, что это история любви, но это не так. Это совсем не так. Это могло бы быть любовной историей. Для этого был потенциал, но *он* все испортил. Они всегда...

В тот момент, когда наши глаза встретились, между нами пронеслась волна статического электричества. Он был жестоким и всепоглощающим, высасывая каждую последнюю порцию кислорода, как вакуум, угрожая гореть, как «коктейль Молотова».

Джастин Вайлд хотел меня. Я хотела его. И вселенная знала, что мы принадлежим друг другу. Судьба. Я твердо верю в то, что каждый момент нашей жизни управляет каким-то невидимым подводным течением. Я люблю его так сильно, что ненавижу. Я одержима им, поэтому в этом безумии есть любовная история. И где-то внутри скрученных фрагментов, горящих обломков, есть красивая, совершенная, любовная история.

Вы увидите... #ВыПроведетеОтличноВремя

Глава 1

Мариса
«Плохие вещи» — Миеко¹

— Значит, нет суицидальных мыслей, никаких мыслей?

Доктор Хэлмен сидит за столом из красного дерева за кучами больничных листов. Глубокие морщины вокруг его рта делают его похожим на марионетку, и я удивляюсь, как он будет выглядеть с этими маленькими нитями, привязанными к его рукам, и как кто-то будет заставлять его руки и ноги двигаться вверх-вниз. Вдыхая, он складывает руки, и его глаза смотрят на меня.

— Да? Нет?

Я улыбаюсь.

— Нет.

— Значит, лекарство было полезно?

— Я так думаю, я имею в виду, мне лучше, но я не заметила каких-либо побочных эффектов или чего-то в этом роде.

Кондиционер запускается, тик-тик-тик вызывает у меня дискомфорт. Я хочу встать и хлопнуть кулаком по нему.

— Это хорошо.

Он делает заметку в моём файле, скрипя, будто трет бороду солью и перцем. Депрессия. Это боль в заднице. У вас есть моменты, когда вы думаете, что ваша жизнь не стоит того, чтобы жить и готовы перерезать запястья, а затем вас отвезут в больницу и наденут чертовы наручники самоубийцы. Я здесь уже три недели, и я готова продолжить свою жизнь. Закидываю ногу, с тревогой наблюдая, как голубое платье скользит вверх по моему бедру. Доктор Хэлмен отрывается от своих бумаг.

— Санитары сказали, что вы читаете.

— Да.

— Какие книги?

Почему это имеет значение, что я читаю? Если я скажу «Доктор Сон» Стивена Кинга, они подумают, что я сумасшедшая убийца, который хочет убить целую семью?

— Эм, Джастина Вайлда, когда-либо слышали о нем?

— Нет, — он качает головой. — Хороший?

— Да, очень хороший на самом деле. Темный роман, я думаю, так называется этот жанр.

Он не отвечает, просто что-то записывает в своём маленьком блокноте. И затем он поднимает глаза и улыбается. Его тонкие губы, испачканные кофе, произносят.

— Мисс Доусон...

Я съёживаюсь. *Мариса. Пожалуйста, называйте меня Марисой.*

— Я не могу слышать эту фамилию, потому что это был Джон. И Джон — первопричина, по которой я здесь.

Губы доктора Хэлмена слегка подрагивают, когда он стучит своей тяжелой серебряной ручкой по столу.

— Мариса, нервные срывы не так уж и редки, особенно у людей, которые имеют дело с тем, что пережила ты.

Я закрываю глаза, и пот медленно пробирается под воротник моего больничного платья. Я чувствую, как тонкий материал начинает прилипать к моей спине, и я хватаюсь за подлокотники кресла, мои пальцы скрипят по коже. Всё, что я вижу, это Джон, его безжизненное тело перевернулось, кровь разбрзгалась по всей французской масляной живописи за 7000 долларов, которую мы купили на наш медовый месяц. Он

¹ японская детская писательница

вышиб себе мозги, потому что не смог быть с ней — со своей шлюхой. Его светловолосая шлюха.

— Мариса...

Я открываю глаза и смотрю сквозь доктора Хэлмена, моё воспоминание тонет в слезах.

— Извините, — шепчу я, — что вы сказали?

— Вы прошли через многое. Все дело в распутывании клубка лжи Джона, то, что он сделал, кем он был, а затем его смерть, — он закрывает папку с файлами, лежащую перед ним, отталкивает стопку файлов в сторону и наклоняется к столу. — Но с тобой всё будет в порядке.

Я киваю, хотя я ему не верю. Я просто хочу уйти отсюда. Я просто хочу домой. Назад к своей жизни, которую оставила.

— Просто убедимся, что вы не перестанете принимать назначенные лекарства, и вы позвоните нам, если мы вам, когда-нибудь понадобимся. Ладно? — он встаёт из-за стола, и колёса его стула скрипят, когда он откатывается назад. Я считаю, что это моя реплика.

— Когда я смогу вернуться домой? — спрашиваю я.

— Я распоряжусь, чтобы вас выписали сегодня днем. У вас есть кто-то, кто бы смог прийти за вами? — я киваю, когда встаю со стула и направляюсь к двери. Мне не нужно говорить ему, что я позвоню в такси, что у меня нет друзей после того, как Джон изолировал меня от всех. Моя жалкая жизнь больше не являлась его бизнесом.

— Мариса, — говорит он, — постарайся успокоиться, хорошо?

— Ладно, — шепчу я, кладу руку на дверь и выхожу в стерильный коридор психиатрической клиники. Я иду в свою комнату и собираю вещи: зубную щётку и три копии книг Джастина, которые дал мне один санитар. У них есть маленький штрих-код из больничной библиотеки, но я их не возвращаю. Мои слёзы просочились в кремовую бумагу. Слова в каждой главе украла остатки моего разбитого сердца, поэтому я их храню. Медсестра приходит в полдень, и я получаю документы на выписку. Никаких фанфар, никакой прощальной вечеринки. Я просто выхожу и иду через парадные двери. В одиночестве.

Белая Тойота Самгу с надписью такси ждет меня на кольцевой развязке. Я кладу свою сумку в багажник и даю водителю, Адаму из Греции, адрес моего старого дома.

Сельский пейзаж Теннесси мелькает за окном. Сосны и пастбища для коров огорожены проволокой, но всё это размыто, потому что я в трансе, мечтая о Мередите и Лукасе — персонажах книги Джастина. У меня есть три главы, чтобы дойти до последней книги в серии, и я вся на иголках и булавках. Всё это, как воздух в данный момент. Ее похитили, и Лукас пытается найти её, чтобы убить. Я беспокоюсь, как это закончится, но я верю, что Джастин не разлучит их. Я чувствую это. Это как будто... я даже не знаю, как будто я его знаю, чтение его слов, ну, как если бы я читала мои собственные слова. Я чувствую, что произойдет. Я могу закончить следующее предложение.

Машина медленно останавливается перед моим домом — он большой, белый, еще довоенной постройки, с красивой дверью и ставнями. Я влюбилась в этот дом, когда Джон впервые показал его мне. Все было идеально. Здесь было четыре спальни и три ванны, официальная гостиная и столовая. Камин в главной спальне и книжные полки из дорогого вишневого дерева в кабинете. Мой живот скручивается узлом, когда взгляд приземляется на красное дополнение «Под контрактом» к знаку «Продажа». Мы выставили его на продажу после того, как я узнала о его романе. Его роман с той распутной блондинкой, которая работала у него помощником юриста. Знак всё ещё кривоват, я надеялась, что кто-то уже исправил это. Это просто очередное чёртово напоминание. Вид головы вашего дорогого мужа, разлетевшейся на кусочки, — это истинный ужас, и я с криком побежала. Но тут моя голова загудела, мир начал вращаться, и я потеряла сознание, попав в знак и приземлившись на газоне.

Я даю чаевые водителю, хватаю сумку из багажника и стою в конце тротуара, глядя на огромные цветы на дереве Магнолии на переднем дворе. Я ненавижу этот дом сейчас. Я ненавижу все в нем, всё в моей жизни. Не хочу заходить внутрь, поэтому я этого не делаю. Бросаю свою сумку в конце тротуара и сажусь на нее, открываю свою книгу и теряю себя в мире, в котором бы хотела жить.

Мне требуется всего полчаса, чтобы прочитать последние 50 страниц. Сердце стучит и прыгает, мои легкие борются, чтобы втянуть воздух со следующим вздохом, когда я переворачиваю страницу, а затем... Я задыхаюсь, злобно качая головой.

— Нет. Нет! — бормочу я, мое горло напрягается, когда я смотрю на размытые слова. Слёзы падают, оставляя пятна на странице. Слова «*The end*».

Мередит стреляет в себя, потому что не хочет жить без Лукаса. Ну вот. Приставила пистолет к голове и выстрелила. И Лукас остался убитым горем и одиноким, и никогда больше не полюбил ни одну женщину. Где же долго и счастливо? Мое лицо охватывает жар. Ноздри раздуваются.

— Нет! — я поворачиваюсь и бросаю книгу в покосившийся знак «Продаётся», цепь, тянущаяся к «Проданному», скрипит, когда знак качается на ветру. Я смотрю на книгу, лежащую на зеленой лужайке, страницы смялись, переплет развалился, и меня поглощает чувство вины. Я быстро встаю и бегу по двору, чтобы поднять её и отряхнуть. Это не то, что я хотела, но, в конце концов, это не моя история.

Это не моя история. Это Джастина.

Это Джастина...

Глава 2

Мариса

«Книга месяца» — Ловаж

Год спустя...

Сейчас полночь, белый свет от городских огней проникает через окно гостиной и льется по светлым деревянным полам. Вздохнув, я встаю и потягиваюсь. Мои мышцы ноют, шея болит от долгого хоровода вокруг коробок и ящиков. Я провела весь день, распаковывая вещи, расставляя всё по местам в моем новом доме на Уотер-стрит. Страховые деньги пришли месяц назад, спустя двенадцать месяцев с того дня, когда Джон покончил с собой. Очевидно, он продлил срок действия страховки на два года до даты, когда умер, начиная с суммы в один миллион долларов и до двух. Страховая компания оспаривала эти месяцы, хотя в договоре указано, что он заключен за два года до самоубийства, и деньги переходят супругу. Я думаю, они хотят, чтобы это было два года и один день. Идиоты. И он не мог прийти на день раньше. Мой счёт в банке был невелик, и он изжил себя за прошлый год — сбережения мои и Джона. Я никогда не работала, пока жила с Джоном. Он не хотел этого, я, будучи одним из лучших адвокатов защиты на восточном побережье, мне не было необходимости работать, нам не нужны были дополнительные деньги. Мне просто нужно было вырваться из этого дома в город. Всё напоминало мне о нём. Куда бы не направилась, я представляла его и его шлюху. Мне нужно было начать сначала. И вот оно. Манхэттен. ДАМБО (*прим. DUMBO — аббревиатура названия района Бруклина на Манхэттене*). Доверительный счет в банке и возможность начать писать книги с финалами, которых они заслуживают.

Я свернулась калачиком на диване с наполовину пустой бутылкой вина, одеялом и моим многократно прочитанным экземпляром «Реальности», открытым у меня на коленях. Я поклялась, что больше никогда не буду читать эти книги, потому что они буквально

потрошили меня, но, спустя несколько недель, когда я не могла перестать думать о Лукасе... Я обнаружила, что читаю их снова и снова. И каждый раз финал был болезненным так же, как и в первый раз. Я пробегаю пальцем по напечатанным словам, читая их вслух: «И, в конце концов, это всё, что есть. Восприятие. Будь оно глубоко или поверхностно, любовь есть не что иное, как плод нашего воображения. И, о, какой позор был, когда я обнаружил, что всё это, каждый маленький фрагмент этого был бессмысленным. Всё, кроме Мередит, потому что на мгновение она была моей. Она была моей историей, и я был её...»

Я втягиваю воздух. Глубоко дышу. Эти слова не смогли превзойти другие авторы. Я закрываю книгу в твёрдом переплете, переворачиваю её, чтобы посмотреть на его фотографию, и нахожусь практически в обмороке. Лицо Джастина Вайлда так же прекрасно, как его слова. Я просматриваю биографию автора, которую я знаю наизусть: «Джастин Вайлд — многократно публиковавшийся автор всемирно известных бестселлеров «Заблуждение», «Иллюзия» и «Реальность». Он начал писать, будучи аспирантом, изучающим судебную психологию в Университете Эмори, опубликовал свою трилогию через неделю после того, как закончил Университет с отличием. Он живёт на Манхэттене, Нью-Йорк, со своим любимым догом Кобейном (*прим. собака названа в честь величайшего в мире музыканта — Курта Кобейна*).

Закрывая книгу в твердой обложке, я погружаюсь в мягкие диванные подушки. Я думаю, что уже в 77-й раз прочитала эту книгу. Я запомнила основные сюжетные линии. Человек, способный написать такую эпическую историю, должен неизмеримо глубоко понимать то, о чём пишет. Так и есть... Я прочитала каждое интервью, в которых он принимал участие, в блогах и газетах. Я следила за ним во всех социальных сетях, и благодаря своим постам я чувствую, что знаю Джастина. Я знаю, где он бывает, какие его любимые продукты. Я знаю, какие телепередачи он смотрит, о каких актрисах он фантазирует. Он любит брюнеток, и я не могу винить его. Блондинки — это дрянные неряхи. Иногда он пишет о своих снах... своих повседневных мыслях. Самосознание. Развитие. Я знаю, что если я когда-нибудь столкнусь с ним, он поймёт, что мы похожи.

Судьба. Иногда я уверена, что судьба заставила Джона покончить с собой. Если бы он не убил себя, я бы никогда не попала в эту палату, и я бы никогда не нашла прекрасные книги Джастина. Никогда не узнала, что такая совершенная душа была там, блуждала, ждала, искала...

Я положила книгу на журнальный столик и поплелась в спальню, обойдя коробки. Я лежала, закрыв глаза, а сон всё не приходил. Шум уличного движения Нью-Йорка был громким. Не похожим на тишину провинции. Окна в моей квартире старые и тонкие, и каждый звук, кажется, усиливался, когда проходил через стекло, но я любила свою квартиру. ДАМБО — замечательный маленький район, дорогой, но он того стоит. Я понимаю, почему Джастин решил жить здесь. На Уотер-стрит.

Не волнуйтесь, это не имело никакого отношения к тому, почему я переехала на Уотер-стрит, это просто такая комфортная зона с потрясающим видом на город. И я уверена, однажды судьба заставит меня столкнуться с ним.

Глава 3

Джастин
«Резинки» — Боб, 2 цепи

Стук.

— Я ненавижу тебя, ты засранец, — Шэнна рычит через почтовый ящик. Она продолжает стучать кулаками в дверь моей квартиры.

БАМ. БАМ. БАМ.

Для протокола: я обвиняю мою бывшую, Мередит, за то, что превратила меня в урода. Я дал этой девушке чертов мир, а она устроила огромную дымящую свалку прямо на моей груди. Убегая с моим лучшим другом, Мэтью Мэнвором, который, по ее словам, был «лучшим человеком», чем я. После этого я поклялся просто быть уродом. У урода не может быть обид и сердца. Чем бы киски его не завлекали.

— Открой, дверь тебе в зад!

БАМ.

— Я ненавижу тебя, дермо.

БАМ.

Она была у моей двери в течение пятнадцати минут, крича и ругаясь. Дело в том, что я, возможно, ее надул, но все же она теплила надежду, потому что я лучший трахарь, который у нее когда-либо будет. Я знаю это. Она это знает. Я трахал на своем пути множество женщин, обращая внимание на то, как они поджимают пальцы на ногах в миг блаженства, реагируя на мои действия, заставляя их задерживать дыхание в предвкушении освобождения. Моя цель с любой девушкой, с которой я ложился в постель, одна: оставить им лужу блаженства на матраце. Чертовски похоже на искусство, и очень стыдно, что мужчины больше не относятся к нему как к таковому. Это навык, который нужно оттачивать и отрабатывать, потому что, когда вы можете заставить женщину чувствовать, что она создана специально для вас. Когда каждый ее выдох подчинен ударам вашего члена, вы просто делаете это и оставляете позади себя толпы женщин, которые вас хотят.

БАМ. БАМ. БАМ.

— Джастин, — скучит она.

Вздыхая, я хватаю пиво из холодильника и иду к зеркалу у входа. Кобейн рысью следует за мной, его короткий серый мех ощетинивается, когда он лает на дверь. Как только она снова запускает дверь ходить ходуном, он поворачивает свою огромную голову ко мне, низко рычит и поднимает хвост торчком.

— Она чертовски сумасшедшая, — объясняю я, похлопывая его по голове. Он лает снова, как будто соглашается со мной. Даже эта чёртова собака знает, что эта сучка за дверью безумна.

— Шэнна, — говорю я. — Я не знаю, почему ты так зла.

— Ты шутишь, что ли? Ты... ты солгал мне. Ты обманывал меня, ты...

— Нет, я никогда не утверждал, что был только с тобой.

— О, ты мудак.

— Шэнна, скажи, когда я тебе говорил, что мы эксклюзив друг для друга?

— Ты дермо. Ты мог бы уничтожить его вместе со мной, вместо того, чтобы просто опубликовать эту фотографию с тобой и этой девушкой.

Я стону.

— Шэнна, если ты не уйдешь, я просто позвоню в полицию. Иисус, соседи решат, что ты буйная психопатка.

— Пошел ты.

И затем... тишина. Прекрасная тишина. Я слышу, как двери лифта распахнулись, а затем закрылись. Я делаю еще глоток своего пива и провожу рукой по лицу. В этом вся

проблема — быть чёртовым богом и общественным деятелем, и из-за этого никогда не чувствовать себя в безопасности. Я не могу вспомнить ни одной женщины, у которой не было бы планов на серьезные отношения, не было бы постоянных нотаций и требований. Все старо как мир. Я не просил этого дерьма. Я пишу. Я затворник, интроверт. Кто, черт возьми, знал, что написание нескольких книг о моем прошлом превратится в то, что есть здесь и сейчас — издательский контракт на сумму с шестью нулями и №1 в списке бестселлеров по версии «Нью-Йорк Таймс»? И кто знал, что все это может затянуть до самой задницы? Итак, вот я сижу, грёбаный Мик Джаггер от литературного мира. Король и словотворец.

Я иду, чтобы опрокинуть моё пиво, и Кобейн вскакивает на меня, ставит лапы мне на грудь, лишая меня равновесия. Пиво выплескивается из горлышка на мою рубашку.

— Чёрт, — раздраженно бормочу я Кобейну. Я ставлю пенящуюся бутылку на кухонную стойку и направляюсь в свою спальню, чтобы переодеться, потому что я должен сегодня сесть за заметки. Я должен. У меня был самый раздражающий блок для писателя, который когда-либо существовал. Я пробовал медитировать. Я пробовал диету с высоким содержанием белка. Низкобелковую диету. Чёрт, я даже пробовал выпивку, наблюдая за «Порнохубом». Ничего не помогало, кроме как направиться в кафе в конце моей улицы. Клише, я знаю. Я думаю, что я наблюдал за ними. Причудливые клиенты. Мать пятерых детей. Деловой человек на грани болезни коронарных сосудов. Эмо парень, который никогда не заказывает кофе, но сидит в одиночестве за одним из столов, скорее всего, планируя какое-то ужасное преступление. Эта кофейня — единственное спасение для меня как писателя, и поскольку я не хочу сейчас выходить за пределы своей квартиры, потому что я боюсь, что Шэнна будет стоять снаружи, подпирая мой старинный мерседес, а у меня — крайний срок и 25000 слов, или эти издатели прокатятся верхом на моей заднице, словно последние всадники апокалипсиса. Я хватаю чистую футболку из стопки и стягиваю пропитанную пивом футболку через голову. Кобейн трется за углом кровати, голова опущена, когда он поднимает большие голубые глаза на меня.

— Тебе, должно быть, стыдно за себя. Это была моя любимая футболка. Гремлины чертовски эпичны, Кобейн.

Стону, качаю головой и надеваю чистую футболку через голову. Я хватаю телефон, фоткаю себя и делаю несколько быстрых записей, чтобы убедиться, что я заставлю своих последователей лизать свои трусики, прежде чем отправлю их в Facebook с обновлением: #кофе#пишу#этиГрёбаныеСлова

Я беру свой Macbook и прицепляю Кобейна на поводок, прежде чем отправиться в путь. Мы выходим к лифту, и он садится, уставившись на меня, его хвост еле-еле виляет.

— Я должен начать проверять этих девушек, да?

Но он просто сидит там. Чертов счастливый пес.

Глава 4

Мариса

#1Разрушение — чуйь

Facebook звуком уведомляет о сообщении.

Нуждаюсь в пишущем топливе#кофе#пишу#этиГрёбаныеСлова.

Я быстро скользжу в свои «Чак Тайлор» (прим. Чак Тайлор — известный бренд спортивной обуви), хватаю ноутбук, кошелек и бегу к двери. Я спешу вниз по лестнице и выбегаю на тротуар. Кофейня находится в полуквартале, прямо на углу моей улицы и улицы Джастина. Когда я останавливаюсь на пешеходном переходе, моя рубашка прилипает к спине. Жар поднимается от асфальта волнами, и я ненавижу это. Свет

пешеходного перехода меняется, и я мчусь через улицу, наваливаясь всем весом на дверь кофейни. Колокольчики звенят, когда я вхожу, и я вздыхаю с облегчением, когда прохладный воздух обволакивает меня. Я кладу компьютер на стол, заказываю ванильное латте и возвращаюсь на свое место. Открываю Word и пытаюсь начать писать. Джастин Вайлд будет здесь с минуты на минуту, и я хочу, чтобы он увидел, как я пишу. Год назад в *Cosmopolitan* было опубликовано интервью, и Джастин признавался, что девушка его мечты должна обладать умением писать, поэтому я сижу здесь и пишу. Истории с бесшовными концами...

Мое сердце нервно пульсирует в груди, потому что за последние три недели я обошла 13 кофейн. 21 день и 504 часа могли не быть потраченными впустую, но всё должно быть идеально. Чтобы всё это дермо с авторством выглядело правдоподобным, мне нужно показать ему, что я некоторое время работаю над своей книгой. Мне нужно достаточное количество слов, чтобы сделать все это правдоподобным. 60000. Я сказала себе — 60000. Опускаю взгляд и в левой части монитора подмечаю цифру, обозначающую количество слов. 61234. Надо отдать Джастину должное — весь этот процесс написания произведения гораздо сложнее, чем я думала. Не то, чтобы я думала, что это будет обязательно легко, но, Боже мой, все эти разговоры о вечном...

Я делаю глоток своего ванильного латте, звякает колокольчик на дверях, и... вот он. Мой пульс пропускает удары. Я задерживаю дыхание на мгновение. Высокий. Джастин намного выше, чем я думала. Остро очерченный подбородок, скульптурно вылепленный нос, полные губы. Даже его тень идеальна. Скользжу взглядом по его телу. Иисус Христос. Его массивная грудь напряжена под этой черной футболкой. Рукава обтягивают внушительные бицепсы. О, его огромные бицепсы покрыты узором из сплетающихся татуировок. Два рукава чернил! Да у моего литературного гения есть частичка от плохого мальчика, от которой сходят с ума большинство женщин. Боже, я счастливая женщина, Джастин. Мне так повезло. Его собака, Кобейн, рысью бежит за ним, его серая шерсть поблескивает в свете огней.

— Привет Джастин. Привет, Кобейн, — кричит бариста.

Тут же бросаю взгляд на прилавок и рассматриваю ее: обычное лицо, грязные светлые волосы собраны в хвост. Один из клиентов останавливается и чешет Кобейна по голове, прежде чем отправиться дальше.

— Знаешь, что ты единственный человек, которого мы пускаем сюда с собакой... — улыбается блондинка.

— Мы ценим это, не так ли, Кобейн? — Джастин улыбается бариста.

Я продолжаю печатать, а затем поднимаю глаза и наблюдаю, как он играет со своим телефоном, наблюдая за Кобейном. Клац. Клац. Клац. Когда он вручает свою карточку девушке, ее рука прикасается к его руке, и она, конечно же, немедленно краснеет. Он не обращает на нее никакого внимания, только направляется к столику — прямо рядом с моим столом — чтобы подождать свой кофе. Он так близко, что я могу протянуть руку и прикоснуться к нему, если захочу. Я прикусываю губу, репетирую, что я ему скажу, а потом он смотрит на меня. Его глаза такие синие, глубокие и совершенные. Эти глаза — окно в душу, которая подарила мне мою любимую книгу. Это глаза литературного гения.

Джастин улыбается, прежде чем быстро взглянуть на надпись внизу «Побег от судьбы», от чего мои соски напрягаются... правильно, Джастин, я участвую в тех же крутых, не относящихся к основному течению группах, в которых ты участвуешь,... и затем его улыбка становится шире.

— Вот, кофе готов, — раздается голос баристы.

Несмотря на то, что мои нервы буквально пузырятся где-то в районе живота, мне удаётся поддержать зрительный контакт с ним, когда я делаю еще глоток своего напитка. Мне нужно пройти мимо него, поэтому я встаю. Виляя бедрами, я направляюсь к переполненному мусорному баку и выбрасываю картонный стаканчик. Прежде, чем вернуться к своему столу, улыбаюсь, прикусываю губу и поднимаю глаза на него, затем

сажусь и возвращаюсь к работе со своим документом, печатаю, как будто его даже не существует. Потому что я его знаю. Я знаю его, и для него это игра, и, клянусь Богом, я заставлю его играть.

— Джастин, — кричит бариста.

Проходят секунды, прежде чем я смотрю поверх моего компьютера. Он пробирается к моему столу, кофе в руке, Кобейн позади. Моё сердце готово выпрыгнуть из груди. Этот предательский румянец ползет по моим щекам, когда он отодвигает стул напротив меня.

— Не возражаете, если я присяду? — спрашивает он, хотя уже опускается на металлический стул. Собака плюхается возле стола и устраивает голову на коленях Джастина. И тогда он усмехается, и этой улыбки самой по себе достаточно, чтобы женщина исполнила любую его прихоть.

Я пожимаю плечами, и он смеется.

— Я Джастин, — он протягивает руку, и мои глаза опускаются к его открытой ладони. Я хочу прикоснуться к нему, чтобы почувствовать, какова его кожа на ощупь, но я держу пылающие пальцы над клавиатурой компьютера.

— Мариса, — сухо говорю я.

Он делает глоток кофе-арамель маккиато (*прим. Кофе маккиато представляет собой слоистый кофейный коктейль, основой для которого служат крепкий черный кофе, предпочтительно экспрессо, и вспененное молоко. От капучино он отличается прежде всего тем, что молочная пена на него выкладывается небольшими ложками и поэтому ложится пятнами. Название напитка тесно связано с его внешним видом: «маккиато» в переводе с итальянского означает «пятнистый»*). Я должна была догадаться, он любит именно этот напиток. Его глаза слегка прищурены и искрятся любопытством. Воздух между нами густеет, он наполнен электричеством и сравним с мощной электрической статикой, которая висит в воздухе перед летним штурмом. Это означает только одно — мы не просто случайно встретились.

— Вы живете на Уотер-стрит, не так ли? — спрашивает он.

— Ага. Только что переехала, всего неделю назад.

— Мне показалось, ты выглядишь знакомо. Кажется, я видел тебя несколько дней назад, когда гулял с Кобейном, — он похлопал собаку по голове.

— Может быть, у меня просто типичное лицо, — я набираю несколько слов, затем поворачиваюсь.

— Нет, я не думаю, — смеясь, Джастин кладет локти на стол, скрещивая руки, затем наклоняется ко мне, ухмыляясь. — Ты потрясающая, Мариса.

Мой пульс подскакивает, и я борюсь с жаром, угрожающим покрыть всё моё лицо и тем самым выдать меня. Я смеюсь и смотрю ему в глаза.

— Благодарю.

— Что это? — спрашивает он, указывая на мой ноутбук.

— Ну, многие называют это компьютером.

— Ох, ты с чувством юмора, да?

— Хорошо, я пишу, — смеюсь я, — пытаюсь писать.

— Ох, дермо, — на его лице загорается интерес.

— О, Джастин, посмотри, насколько я хороша для тебя.

— Я тоже, — говорит он.

— Когда вы закончите?

— Могу я прочитать? — он тянется к моему ноутбуку, и я отдергиваю его, приподнимая бровь. — Сожалею. Я просто взволнован, когда встречаюсь с другими авторами.

Джастин откидывается на своём стуле, обеими руками крутит чашку с кофе, ждёт, чтобы я посмотрела, но я не смотрю. Я просто смотрю на клавиатуру и набираю текст. Он прочищает горло.

— Джастин Вайлд, когда-нибудь читали его? — я вскидываю взгляд. — Это я, —

поясняет он.

Я жду. Я постукиваю пальцами по столу. Я держу своё невозмутимое выражение лица как можно более эффектно.

— Ох, ну ладно.

Он делает еще глоток кофе. Эта сексуальная ухмылка всё усугубляет, и будь я проклята, если он не похож на льва, затаившегося в африканских зарослях, готового наброситься на ничего не подозревающую добычу.

— Что ты делаешь завтра вечером? — спрашивает он.

— У меня есть планы, — лгу я.

— А в субботу?

Вздохнув, я засовываю свой ноутбук в футляр. Это трудно, поэтому мне приходится подняться, продолжая делать вид, что он меня не интересует, но я знаю, что должна справиться с этой задачей.

— Зависит...

Он толкает свой стул назад, дергает Кобейна за поводок и следует за мной к выходу.

— Я хочу угостить тебя выпивкой. Там действительно крутой бар — «Ленивая игуана».

Я хочу закатить глаза. Приятное ощущение, и я улыбаюсь, потому что знаю, он нравится мне.

— Конечно, — говорю я, открывая дверь.

— Серьёзно? — он смеется, потирая ладонью затылок, ероша свои каштановые волосы.

— Да. Конечно, — мы идем минуту в тишине. Моё сердце стучит в груди, а непослушные губы пытаются растянуться в улыбке, но я не позволяю им.

— Мне нравится твой акцент. Откуда ты? — спрашивает он.

— Тенесси.

— Круто.

Боже, он такой дилетант, чтобы быть таким дамским угодником. Я останавливаюсь на Water Street, 2140.

— Итак, — говорю я, — думаю, спишемся на Facebook детально о нашей выпивке. Мариса Доусон, одна «с», — я поворачиваюсь и, виляя бедрами, иду по тротуару к входу в здание.

Я подглядываю в стеклянные двери, он все еще на тротуаре, смотрит в свой телефон. Улыбка слетает с моих губ, хотя мои внутренности жужжат в эйфории, которую я не ощущала годами. Вскоре после того, как я зашла в квартиру, мой телефон зазвенел с уведомлением: «автор Джастин Вайлд отправил вам запрос о дружбе». Как бы это ни было сложно, я жду добрых три часа, прежде чем принять его просьбу о дружбе. Если и есть одна вещь, которую я узнала за последний год, наблюдая за его Tweets, его общественными обновлениями статуса Facebook, комментариями... Джастин Вайлд — игрок насквозь, бабник. И хотя я знаю, что эта игра опасна, сегодня я доказала, что это так... что мы принадлежим друг другу.

Любовь, как и любая игра, требует стратегии и терпения, а также определенного мастерства. Вы спешите, и всё летит к чертям. А я не могу всё испортить.

Глава 5

*Джастин
«Gucci Coochie» — Die Antwoord²*

Кобейн бежит к своей постели, плюхается на нее и начинает чесаться. Я бросаю компьютер на диван, Word открыт и смотрит на меня. У меня так много работы. *E*ать мою жизнь.* Я падаю лицом на диван и стону. Когда поднимаю голову, я вижу, что Кобейн стоит рядом с кроватью, виляет хвостом, его голова наклонена в бок.

Выдыхаю, сажусь, хватаю телефон и щелкаю по приложению Facebook. Во-первых, я удаляю случайную девушку из моих друзей в Facebook и ищу ту брюнетку, которую я встретил в кафе. Мариса Браун, Мариса Дикон, Мариса Доусон, вот она. Я посылаю ей запрос о дружбе, предлагаю ей желанное место моего пятитысячного друга, хотя я только что познакомился с ней. Конечно, от этого я кажусь отчаявшимся, но, видите ли, женщины, подобные ей, — это сексуальные бомбочки, напоминающие девушек-киновезд 1940-х, знающие чего хотят. Красивые женщины привыкли к мужчинам, которые падают к их ногам, но я буду падать только на столько, насколько нужно мне.

Я пролистываю каналы на телевизоре. Я пью пиво и проверяю, приняла ли она мою просьбу. *Не-а,* смеясь, я бросаю телефон. *Так вот, как мы играем, да?* Проблема в том, что ты не сможешь играть в такие игры, дорогая. На телефон приходит сообщение от моих редакторов:

«Продажи по новой книге отстой. Сроки поджимают. Не водите меня за нос. Мне нужно точное количество слов».

Прежде чем, как набрать текст, я поворачиваю голову на подушке и уточняю нужное количество: 60123,5.

Я смотрю на экран компьютера. При подсчете слов вышло: 50,012. Меня это раздражает, поэтому я убираю компьютер в сторону и хватаю другое пиво, оно выскальзывает из моих рук и падает на пол. Кобейн выползает из своей постели, подходит и обнюхивает, а затем возвращается на место. Этот релиз — чертова катастрофа. Мой последний релиз был ужасным, и я чувствую, что и этот будет таким же. Я оглядываю мою квартиру на Махэттене площадью в 2500 квадратных футов. Смотрю на всё дорогое дерьмо, которое я купил, когда я загребал деньги... и в желудке скручивается узел. Моя самооценка резко падает.

И я беру свой телефон, выбираю случайную цыпочку и отправляю ей текст:
«Я скучаю по тебе».

Танцевальная музыка пронзает меня, когда я вхожу в «Ленивую игуану». Люди тут и там прислоняются к красной кирпичной стене. Девушки бросают мне мимолетные взгляды и улыбки, когда я прохожу мимо. Парни оценивают меня как конкурента. Я кладу руки на талию довольною брюнетки, когда прохожу мимо нее в переполненном помещении. Затем я ступаю в главный зал и вижу Марису у бара. Она прислонилась к стойке, скрестив руки на груди и слегка выставив бедро. Ее красное платье так облегает ее изгибы, что как будто умоляет меня трахнуть ее. Ее длинные каштановые волосы зачесаны на одну сторону. Черт, эта девушка великолепна. Она смотрит на вход, и ее глаза останавливаются на мне. Я поправляю воротник своей рубашки, подхожу и улыбаюсь, когда останавливаюсь рядом с ней.

— Черт, ты выглядишь потрясающе, — говорю я.
— Спасибо, — она улыбается.

Она выглядит совершенно незаинтересованной и скучающей. *Что, черт возьми, не так?*

— Ты когда-нибудь бывала здесь раньше? — спрашиваю я, не в силах оторвать глаз

² музыкальная группа

от ее округлостей, виднеющихся в глубоком вырезе платья.

— Нет, — она выпивает, и красная помада окрашивает ободок стакана. И затем тишина. Она вытаскивает телефон из сумочки и смотрит на экран.

Я простираю горло, наклоняюсь через стойку и щелкаю пальцами. Рыжеволосая стоит позади и смотрит с улыбкой, ее глаза останавливаются на моей груди. Я напрягаю мышцы под плотной рубашкой, и ее усмешка становится шире.

Наблюдаю. *Она здесь по работе? Какова цель Марисы?*

— Что я могу сделать для тебя, горячий парень? — спрашивает она. — Как насчет кислого виски?

— Думаю да.

Она убирает свой хвост с плеча и берет стакан, чтобы наполнить его льдом. Я оборачиваюсь и прислоняюсь к стойке рядом с Марисой, которая всё еще уткнулась в телефоне. Это нелепо. Через несколько секунд бармен ставит стакан передо мной. Я вручаю ей кредитку и отстраняюсь в сторону, обнимаю за тонкую талию Марису и сжимаю ее бок.

— Что случилось, злюка? — я смеюсь.

— Прости?

— Ты выглядишь чертовски злой. Я имею в виду... — я делаю глоток крепкого напитка и пожимаю плечами, — что бы я не делал, я чувствую, что тебе не интересно.

Она сощурила глаза, а маленькая сексуальная ухмылка скользнула по ее изумительным губам.

— Всё в порядке, извини.

— На тебя сложно произвести впечатление?

— Что-то в этом роде, — ее ухмылка становится лукавой, когда она отходит от меня.

— Иметь бестселлер по версии «Нью-Йорк Таймс» — это не совсем то, от чего я готова пуститься во все тяжкие.

— Значит, ты знаешь, кто я?

— Конечно, знаю.

Боже, она маленькая чертовка. Я наблюдаю, как неоновые зеленые и желтые огни клуба отражаются от ее светлой кожи, и думаю, что, возможно, я просто встретил нечто особенное, отличное от всего, с чем я сталкивался раньше. Я забыл, каково это — добиваться внимания. Это дерзко брошено на меня, как дешевое конфетти. Я успешный. Богатый. Я выгляжу лучше, чем половина тех придурков, которые на обложках романов, и я узнал, что даже будучи уродом, я по-прежнему притягиваю таких девочек, о которых большинство мужчин может только мечтать.

И затем появилась эта цыпочка.

Какая-то задорная песня льется из колонок, и я хватаю ее за руку, выводя на танцпол, она сопротивляется пять секунд, затем уступает мне. Я оборачиваю руку вокруг талии, перебираю пальцами, которые скользят по гладкому материалу ее платья. Я блуждаю взглядом по ее лицу, постоянно останавливаясь на ее губах. Красная помада отлично очерчивает их изящные изгибы. Скользжу руками по ее спине, пока ее пальцы сжимают мои бицепсы. Ее грудь поднимается и опускается. Ее язык тела — то, как она прижимается ко мне, как ее пальцы так тонко тянутся к моим мускулам — это говорит, что она хочет меня, но ее лицо, ну, это совсем другая история. Выражение ее лица совершенно нечитаемое, холодное каменное равнодушие. Я убираю ее темные волосы с плеча и наклоняюсь.

— Ты невероятно красива, — шепчу я, касаясь губами ее уха.

Она отстраняется, ее стальные голубые глаза скользят по моим губам с ухмылкой.

— Я не пересплю с тобой.

— Я и не предлагал тебе.

— Ты прав.

И затем она поворачивается, покачивая своим телом в такт музыке. Она собирает

свои волосы в руки и поднимает руки над головой, поворачивая голову в сторону, и опускает волосы. Они каскадом падают на спину, как будто она снимается в рекламе с шампунем. Она виляет бедрами из стороны в сторону, и я наблюдаю за ее попкой. Мой член напрягается при мысли о том, как это будет выглядеть без этого короткого узкого платья. Песня заканчивается, и она возвращается в бар, садясь на один пустой стул. Эта девушка — нечто особенное. Я пересекаю танцпол, втискиваясь между ней и маленьким хипстером, сидящим на соседнем с ней стуле.

— Итак, о чём ты пишешь? — спрашивает она. — Еще одна книга из серии «Восприятие»?

— Нет, кое-что новое, — я подаю знак бармену и заказываю еще два напитка.

— Ты пытаешься меня напоить? — спрашивает она.

— Ни за что. Просто пытаюсь быть джентльменом.

Она откидывает голову и смеется.

— Что?

— Послушай, я знаю таких парней, как ты.

— Прошу прощения... — бармен подает мне два виски. Я беру их, отдаю ей один и делаю глоток из своего бокала.

— Ну, ты знаешь, — она пожимает плечами. — Придурки. Бабники.

— О, это чертовски низко.

— Неужели? — она делает медленный глоток и ставит стакан на стойку, проводя кончиком пальца по ободку стакану.

— Значит, привлекательна, да?

— Абсолютно.

— Хмм... — она подносит стакан к губам и улыбается, пока делает еще один глоток.

— Ты именно так выглядишь со стороны. Довольное лицо плейбоя, обтягивающие рубашки, которые показывают твои мышцы и тату. И ты только что продемонстрировал, как настоящие игроки снимают телок, — она хихикает и продолжает: — И, я уверена, если бы я действительно интересовалась тобой, то ты бы не обратил на меня и половину того внимания, которым одарил меня в той кофейне.

— На самом деле заинтересовалась? — издеваюсь я. — Ладно, ладно. Психоанализируйте меня, дорогая, сколько хотите, но имейте ввиду, я делаю тоже самое с вами.

Ее глаза вспыхивают.

— О, и к какому выводу вы пришли по поводу меня?

Я заглядываю ей в глаза, пытаясь придумать хорошее дермо, я имею в виду, черт возьми, я же писатель, но все, о чём я могу думать, это то, как сильно я хочу трахнуть ее. Как сильно я хочу, чтобы она попросила быть внутри нее. Секс — это все, что у меня на уме...

— Именно, — комментирует она мое молчание. — Я просто невинная женщина.

Взяв стакан, я усмехаюсь и делаю глоток. Невинная моя задница. Это невинное чертова лицо собирается сказать, что я просто роскошный фон. Отвратительный сноб... Она смотрит на меня.

— Ты состоишь из денег, не так ли?

— Поздравляю. Это было моё чертова лицо или Луи Вuitton, которые тебя просветили.

— И то и другое.

И на ее лице появляется гнев.

Мариса подходит, хватает мою рубашку и дергает меня к себе.

— Итак, плейбой и сноб. Общее несоответствие.

— О, пожалуйста.

Она приподнимается на цыпочки, кончики ее пальцев скользят вверх по моей рубашке, по моей шее. Она хватает мой подбородок, приближает свое лицо, наши глаза

смотрят друг на друга.

— Кое-что скажу тебе... — шепчет она.

Ее теплое дыхание обволакивает мои губы, и я почти чувствую ее вкус. Она впивается ногтями в мои предплечья, затем делает шаг назад, давая мне ответ.

— Жаль разочаровывать, но я не сплю с плейбоями, вроде тебя.

Затем она поворачивается и уходит, ее бедра покачиваются с каждым уверенным шагом.

Я не могу удержаться от смеха, когда я смотрю, как она пробивается сквозь толпу в сторону двери. Прошло много времени с тех пор, как я бегал за девушкой, и что же? Мариса Доусон. Она, определенно, будет проблемой.

Глава 6

Мариса

«Так или иначе» — *Until the Ribbon Breaks*³

Как же много людей на этом пешеходном переходе. Их теплые, потные тела лишь в дюймах от моего. Я закрываю глаза и притворяюсь, что их здесь нет. Я ощущаю, как толпа перемещается, открываю глаза и иду. Джастин хотел подобрать меня у моей квартиры, но я не готова к этому, и... я не идиотка. И если он даже окажется в пределах пятнадцати футов от моего жилого дома, то подумает, что может забраться в мою жизнь и трахнуть мне мозг. А сейчас не время для этого.

Мои ноги болят, и к этому времени, когда я достигаю красного тента «У Виктора», то проклинаю себя за ношение этих высоких каблуков. Я беру секундочку, чтобы пригладить свои волосы и поправить помаду, прежде чем иду внутрь переполненного помещения, где ждут мужчины в костюмах и женщины в воскресных платьях. Я иду прямо к стойке администратора и в ярко освещенную обеденную область. Комната шумная: официанты разносят подносы, слышится смех, и там, среди столов, накрытых белыми скатертями, и висящих стеклянных светильников, прямо под массивной фальшивой пальмой я нахожу Джастина, сидящего за столом и просматривающего свой телефон. Я глубоко вздыхаю и успокаиваю моё трепещущее сердце, пока приближаюсь к нему.

Он поднимает взгляд, встаёт, чтобы выдвинуть мой стул, когда я останавливаюсь перед столом. Его глаза осматривают моё тело, и я улыбаюсь, когда сажусь.

— Ты прекрасно выглядишь, — произносит он, пододвигая мой стул к столу.

— Благодарю, — я беру меню и перечитываю пункты — всё по-испански. — Ты ел здесь раньше?

— Постоянно. Это мой любимый ресторан на Манхэттене, — он захватывает между пальцами верх моего меню и опускает его. — Мм... — он указывает на один пункт, — Vaca Frita Al Mojo Agrios — лучшее.

Я приподнимаю брови.

— Я понятия не имею, что ты только что сказал.

— Ты любишь мясо? Типа грудинки?

— Ага...

— Возьми его, доверься мне. Оно чертовски потрясающее.

³ музыкальная группа

Несколько минутами позже — мы сделали заказ: два Vaca Frita Al Mojo Agrios и два бокала мерло. Джастин извиняется, что ему необходимо отлучиться, оставляя свой телефон прямо на краю стола. Я наблюдаю, как он держит свой путь через столы и стулья в атриум ресторана, затем хватаю его телефон. Я не могу помочь себе, мне просто... мне нужно знать, с чем я имею здесь дело. Я быстро нажимаю на иконку сообщений, и мой живот скручивает от тошноты, пока я листаю. Сообщения и сообщения от женщин. Некоторые невинны: «*Я люблю вашу книгу*», в то время как другие — грязные. Еще одни — рискованные изображения. Верхнее сообщение как раз пришло перед тем, как я пришла в ресторан, оно от некой суки по имени Тори Дэвис. Она, несомненно, скучает по нему, говоря и говоря о том, как она не может дождаться, чтобы увидеть его через две недели во время какой-то автограф-сессии. Его ответ — смайлик со счастливо расставленными ручками 😊.

Ладно, это мы ещё посмотрим, не так ли, Тори-*баная-Дэвис? Я закрываю приложение и кладу телефон назад, лицом вниз на стол под углом в 45 градусов, в верхний правый угол поверх его салфетки, точно так же, как он его и оставил, затем делаю глоток вина и жду, когда он вернется. Официант подходит к столу и снова обновляет наше вино. Я пролистываю свой телефон, роясь на странице Джастина. Пост, которой он разместил о том, что направляется на обед с «прекрасной леди», имеет более чем две тысячи лайков и сотни комментариев: «*Удачливая девочка. О, нет, пожалуйста, не говори, что ты пойдёшь. Здесь смайл грустная панда...*» Я закатываю глаза и закрываю приложение, как только Джастин подходит к столу и занимает своё место. Его светло голубая рубашка всё отлично подчеркивает и прозрачная настолько, что я могу разобрать татуировки на его груди. Он — настолько совершенный... ладно, таким он выглядит. Он как олеандр: красивый и вводящий в заблуждение, потому что абсолютно ядовит (*прим. Олеандр — ядовитое растение*). Он — тот, кто разбивает сердца, и если у вас нет иммунитета, так оно и будет. И я потратила своё время, наращивая сопротивление тому виду обаяния, которое он источает. И я уничтожу его.

— Они принесли нам ещё вина, — произношу я, указывая на бокалы.

— Круто.

Я хочу закатить глаза. *Джастин, ты — выдающийся автор. Конечно же, ты можешь подобрать слово лучше, чем просто «крутого».* Я делаю глоток вина, а затем простищаю своё горло.

— Ты знаешь, я надеюсь, что ты не возражаешь, если я спрошу твоего совета, ты же знаешь о том, как писать и работать с материалом?

— Конечно, леди, — улыбается он, и мне хочется растаять, но нет. Я велю своему глупому сердцу успокоиться.

— Хорошо, я знаю, что ты издаешься традиционно, но...

Он поднимает палец вверх.

— Гибрид. Я всё ещё занимаюсь немного инди-культурой.

— О, да, хорошо, ну, в общем, с... инди-культурой, я имею в виду, как ты продаёшь это?

— Это, бл*ть, вопрос на миллион долларов. Это всё — счастливая случайность, если ты спросишь меня об этом. Но лучший совет, который я могу тебе дать, — отправляйся во столько автограф-туров во сколько только сможешь.

— Почему? — симулирую я наивность.

— Автограф-туры. О, Боже, — произносит он, наклоняясь над столом, огромная усмешка, распространяется на его губах. — Есть маленькая фишка. Ты когда-нибудь была на автограф-сессии?

— Нет...

— Дерьмо, это просто... потрясающее. Я люблю их. Встречи с читателями и вечеринки.

— Возможно, я смогу пойти на одну с тобой, — потому что *Тори-баная-Дэвис* не получит тебя снова...

— Я не знаю, — ухмылка украшает его лицо, пока он подносит вино к своим губам.

— Несовместимость и всё такое.

Я закатываю глаза.

— Это не свидание, дебил. Как друг.

— Да, да. Ты же понимаешь, что я не собираюсь просто дружить с такой девочкой, как ты, правда? — белыми зубами он прикусывает нижнюю пухлую губу. — Меня тянет к тебе, и в тот момент, когда ты отпустишь оборону... — он выгибает бровь и подмигивает мне.

— Что бы не тешило твоё эго...

— Автограф-сессия в Хилтоне в городе в эти выходные, — он пожимает плечами и затем приканчивает вино. — Ты хочешь на неё пойти? Я введу тебя в курс дела, представлю некоторым людям.

— Конечно.

Он прищуривается, глядя на меня.

— Я имею в виду, не радуйся или что-то типа того, — я впиваюсь в него взглядом над кромкой моего бокала вина, пока слегка наклоняю его. — Ты, возможно, легко можешь стать первой женщиной, которая выбьет меня из колеи, — произносит он.

— Хорошо, потому что я не обычна девушка.

— Нет, Мариса, абсолютно нет.

Я высоко держу свою голову, в то время как мы идем через лобби гостиницы, где проходит автограф-сессия. Без сомнения, я вызываю зависть у каждой женщины здесь, поскольку Джастин выглядит так совершенно в своей свежей белой рубашке, изодранных джинсах и чаках тэйлорах (*прим. кеды*).

— Срань господня, — произношу я, когда Джастин и я заходим в бальный зал. Вся комната переполнена столами, баннерами и людьми. Женщины кричат и смеются. Кусочек леденца приземляется перед моими ногами, и я склоняюсь над ним, чтобы поднять с пола, морщу лоб, так как держу леденец на палочке в форме члена. — Так...

Джастин выхватывает его, разворачивает и засовывает в свой рот.

— Ммм. Всегда предполагал, что член на вкус подобен арбузу, — произносит он, его глаза закатываются от его мыслей.

Я шлёт ему его.

— Ты такой пошлый, — произношу я, а он улыбается. — Сколько авторов здесь?

— Я не знаю, восемьдесят или около того.

— Боже мой... — я следую за Джастином через переполненную комнату, он маневрирует между людьми, тележками и грудами книг. Каждая женщина глазеет на него. Каждый человек машет или здоровается, а затем их глаза стреляют по мне. *Они хотят быть мной.*

— Почему ты не привез ни одной книги? — спрашиваю я.

— Мой персональный ассистент оставил их здесь, — мы останавливаемся перед столом со сложенным книгами, закладками и футболками. Он гладит стол. — Смотри. Всё здесь, — позади его стола выведен большой баннер: «Джастин Вайлд #1 автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк Таймс»».

Он выдвигает для меня стул, затем шлепается вниз на другой и отклоняется назад, пробегаясь своими пальцами по каштановым волосам. Я сажусь и наблюдаю за другими авторами поблизости, сражающимися с баннерами, складывающими и перекладывающими книги, размещающими на столах леденцы и ручки.

— Ты собираешься выручить меня сегодня? — спрашивает он с улыбкой.

— В чем нужна помощь?

— Ну, знаешь, — он хватает одну из своих книг и просматривает страницы. — Подавать мне книги и всё такое.

Я впиваюсь в него взглядом, барабаня ногтями по столу,

— Как твой помощник?

— Ага, конечно, что-то типа этого.

— Прости, я-то думала, что ты пригласил меня сюда, чтобы продемонстрировать мне независимую сторону издательского мира, а не для того, чтобы быть твоим помощником.

— Называй это как хочешь, — он пожимает плечами, хватает маркер и стучит по краю стола, прежде чем использует его, чтобы указать на девушку-брюнетку через комнату... ту, которую я узнала из моего краткого внимательного изучения его телефона как-то вечером. — Я могу заставить её сделать это, если ты не хочешь, — произносит он.

— Прекрасно, — говорю я без улыбки. Я не могу не заметить, что его взгляд по-прежнему приkleен к грёбаной девке, а его глаза курсируют по её заднице.

Джастин столько мнит о себе. Настолько самоуверен. И именно тогда, когда кто-то настолько самоуверен, тогда проявляются их слабости. Он взглянул обратно на меня, усмехнулся, затем подхватил книгу и просмотрел её. Я уставилась на него, изучая. Я на сто один процент уверена: он лучше трахается, чем большинство мужчин могли бы когда-либо надеяться, что смогут... и он думает, что сыграет свою маленькую игру в кошки мышки со мной, однако в этой игре не такие правила. *Нет, Джастин. Не так. Ты будешь пытаться поймать меня, а я буду убегать. Вместо того, чтобы преследовать тебя, я буду убегать. И, в конце концов, ты полюбишь меня, потому что я думаю, что тебе следует это сделать.*

Он улыбается.

— Боже, ты такая красивая.

И ты совершенен, Джастин. Так оно и есть на самом деле.

— Благодарю.

— И чертовски странная, — смеётся он.

— Пошел ты.

— Боже, ты становишься всё лучше и лучше. Люблю девочек с грязным ротиком.

Брюнетка, на которую он указывал несколько минут назад, уверенной походкой направляется к его столу, сиськи наружу и вся такая улыбающаяся.

— Привет, Джастин, — воркует она — буквально воркует над ним, так как она опирается своей ладонью о стол и наклоняется, полностью демонстрируя своё декольте.

— Кто твоя... — она стреляет глазами в моё направлении — ...подруга.

— Мариса, — он смотрит на меня и кивает в сторону пустышки. — Мариса — это Тори.

О, я знаю, что это «я не могу дождаться, когда снова тебя увижу» Тори-^{*баная}-Дэвис. Она поворачивается, смотрит на меня, протягивает свою руку так, как будто хочет пожать мою.

— Рада познакомиться с Вами, — произносит она. Но она не улыбается и даже не подмигивает. Она отводит своё бедро в сторону, оценивая меня, пока пожимает мою руку. — Джастин — отличный парень.

— Уверена, что так, — говорю я, неуловимо выгибая одну бровь, пока думаю о том, как легко я могла бы утащить эту маленькую карлицу в ванную комнату и утопить её в чертовом унитазе.

— Так ты собираешься ходить *с ним* и на другие автограф-сессии? — её глаза дёргаются, ноздри раздуваются.

— Я не знаю... — я так сладко улыбаюсь, хлопая ресницами, словно маленькая невинная малышка.

— Эй, эй, — щелкает пальцами Джастин, и она поворачивается лицом к нему. — Эмм, этот блоггер, как, бл*дь, её имя, Саманта — «Книга одержимости Саманты» или подобная херня, она здесь?

— Где-то тут.

Джастин хватает ручку и книгу, открывает на первой странице и небрежно карябает что-то на ней, прежде чем вручает её Тори.

— Отдашь ей это от меня, хорошо?

— Окей, — она постукивает пальцами по блестящей обложке. — Я увижу тебя после на вечеринке. Ты остановился в отеле?

— Неа, мой дом слишком близко от этого дерьяма. Мне просто пьяному надо найти метро... с ней, — он дёргает меня за волосы и смеётся. Тори надувается, а я хочу ударить её по лицу стопкой книг много раз до тех пор, пока её грёбаный череп не расколется, но вместо этого я улыбаюсь.

— Ладно, тебе лучше выкроить немного времени специально для меня после вечеринки.

— Да, да, нет проблем, — он подкидывает в воздух маркер и ловит его.

— Приятно было познакомиться, — говорю я, конечно не имея этого в виду. И, конечно, она хочет убить меня, но, правда, насколько жалкой ты можешь быть? Он только что сказал, что поедет домой со мной, а эта девочка дуется. Это, правда, отвратительно. Она не отвечает мне. Я и не ожидаю этого от неё. Она перекидывает волосы через плечо, разворачивается и уходит, *пытаясь* покачиванием добавить сексуальности недостаточному объему бедер. *Разве она не знает, что нужны изгибы, чтобы вскружить голову такому парню, как Джастин?* — Ничего себе, — бормочу я.

— Да, Тори — сука. Не обижайся на неё.

— Сука? И ты такой милый с сукой, потому что...

Джастин пожимает плечами, расцветая для меня улыбкой.

— В этом деле приходится быть милым, детка. Приходится.

Детка. Уже, Джастин? Уже...

Я наблюдаю, как Тори заняла место за столом, а затем к нам важной походкой приближается парень в майке.

— О, Боже, — стонет Джастин. — Бл*дь, я его на дух не переношу.

— Кто он? — спрашиваю я.

— Крис Тэлон. Он — член. Высокомерный и раздражающий. Полностью парень-брата.

Я выгибаю бровь на Джастина.

— Так, как будто ты смотришься в зеркало, не так ли?

Он впивается взглядом в меня.

— Слишком низко, Мариса. Слишком низко.

И так проходит день. Джастин продает более двух сотен книг за первые два часа. И всё же, даже после того, как все книги покинули его стол, около него всё ещё сохраняется очередь.

— Я люблю только вашу историю.

— Вы — гений.

— Я люблю тебя.

Снова и снова это то, что я вынуждена выслушивать. Все эти женщины раболепствуют у его ног. Каждая из них мечтает о возможности попробовать его. Все они хотят видеть его обнаженным... ощутить его горячий член, скользящий между их губ. Не хочу скомпрометировать его талант как автора. Он одарен, но могу поспорить с вами, что у Стивена Кинга нет *таких* заискивающих перед ним женщин. Нет, люди пресмыкаются перед Кингом исключительно из-за его слов. *Джастин, ты бы мог иметь это, но твоё проклятие состоит в том, что ты — довольно симпатичный, а симпатичные вещи никогда не принимаются всерьёз, как должны восприниматься.* К тому времени, когда все другие авторы упаковали свои вещи, всё, что осталось на его столе, — я, он и его маркер. Он тянется под столом, кладя свою тёплую руку на моё бедро и сжимая его.

— Готова к вечеринке?

— Если это так же увлекательно, как была и эта часть происходящего, — произношу я, — то не могу дождаться.

Спустя час вечеринки я опираюсь на стену, поглядывая вниз на мой напиток и наблюдая, как куча женщин собралась вокруг Джастина. После первых пятнадцати минут грызни из-за него, мне пришлось отлучиться. Внимание, казалось, заряжено электричеством, хотя было ясно любому, кто хотя бы в некоторой степени понимает мужчин, что он не заинтересован в любой из этих женщин. Они все прикасаются к нему. Улыбаются. Изливают чувства. А я стою здесь, пью свое вино и усмехаюсь. Он перемещается на два шага вправо. Они перемещают вправо на три. Кривая улыбка растягивает мои губы, когда я представляю, на что это будет похоже — придушить каждую из них.

Танцевальная музыка ревёт из звуковой системы. Я прикончила остатки моего дешёвого вина, оттолкнулась от стены и оставила пустой бокал на столе. Танцпол полностью заброшен, и это позор. В танце заключается то, как ты хорошо проводишь время, если только не присутствует Джастин Вайлд, тогда, я предполагаю, лучшее время состоит в селфи и хихиканье. Я качаю своими бедрами в ритме музыки, поднимая руки вверх. Джастин смотрит на меня над головами своего гарема. Он улыбается. Я смотрю вдаль. Игнорирую его, потому что так вы, несомненно, поймете хищника, действуя как ничего не подозревающая добыча.

Две пьяных женщины наткнулись на танцпол и начали танцевать. Я поворачиваюсь к нему спиной, и как по волшебству, прежде чем я осознаю это, я чувствую руку: очень большую мускулистую руку, оборачивающуюся вокруг меня. Я прекращаю танцевать, когда чувствую жар его дыхания, опаляющий мою шею.

— Мне не нравится, что ты бросила меня, — шепчет он мне в ухо.

— Ай, — я поворачиваюсь и впиваюсь в него взглядом с саркастической улыбкой.
— Задела твои чувства?

Он наклоняется ближе ко мне, свежий аромат его одеколона попадает мне в нос. Я глубоко вдыхаю этот запах в свои легкие. Хочу отложить его в память. Я хочу зафиксировать эту ночь, каждый этот момент в памяти, потому что это история, которую я буду рассказывать нашим детям и внукам, — то, как мы влюбились друг в друга. Рука Джастина скользит к моей талии, и он властно притягивает меня к себе.

— Такая дразнилка, — говорит он, и его теплое дыхание обдувает мою шею. Твердая выпуклость его члена между половинками моей задницы, давление его рук, путешествующих вниз по моим бедрам. — Такая дразнилка, — повторяет он, и в тот момент его руки смещаются на мою спину.

— Просто не фанатка. Всего-то делов.

Глубокий хриплый смех, и ублюдок захватывает прядку моих волос, дергая мою голову назад.

— Держу пари, к концу ночи я изменю твоё мнение об этом.

— Фишка в том, — я выдергиваю свои волосы из его хватки, кружась вокруг и указывая на большую группу женщин, взглядами мечущих кинжалы в моём направлении.
— Я не одна из них. Я не из тех, кто умирает от желания оттрахать тебя, Джастин Вайлд.

Его глаза расширяются на мгновение. Они мерцают, прежде чем широкая улыбка растягивается по всему его лицу.

— Я люблю вызов.

— Спорю, что да.

Его взгляд падает на мои губы.

— Восприятие похоже на красоту в глазах смотрящего... — он дышит, когда придвигается ближе, теперь только в дюйме от моего лица. — Однако превыше всего остального — это только моё восприятие имеет значение, — он цитирует фразу из «Заблуждения», и моё сердце практически взрывается.

— Это моя любимая фраза, — шепчу я.

— Так и думал, — он облокачивается рукой на стену около меня, загоняя меня в клетку. Его глаза опускаются на мой рот снова, и он рычит.

— Давай выбираться отсюда, детка, — он не ждет ответа, он просто хватает мою руку, переплетая свои пальцы с моими, пока выводит меня из комнаты в фойе отеля, где ожидает Uber (*прим. служба такси*). *О, ты хитрый дьявол, ты...*

Мы забираемся на заднее сиденье, и в тот момент, когда дверь закрывается позади нас, Джастин захватывает моё лицо, набрасываясь своими губами на мои. Полные, мягкие губы Джастина Вайлда на моих, его совершенное обертывание языка вокруг моего. Это — только я и он. Он и я, и этот тяжелый туман похоти, желания и абсолютной потребности. Я растворяюсь в поцелуе. Это судьба, и судьба ощущается как блаженство. Руки Джастина обхватывают и отчаянно сжимают мои груди, мои бёдры, мои ляжки. Я никогда не чувствовала такого желания, как в этот момент, но разве так игрок играет в игру? Он заставляет вас ощущать себя желанной, необходимой, красивой и другой. *Но, ох, Джастин, всё по-другому. Мы разные — особенные и совершенные...* Я стону в его рот. Я не могу удержаться. Его зубы погружаются в мою нижнюю губу, болезненно потягивая мою кожу, пока он стонет.

К тому времени, когда водитель Uber останавливается у бордюра, Джастин получил каждый кусочек моей такой сильной душевной боли, что мне кажется, малейшее движение может отправить меня за край. Но я не могу туда пойти. Не могу. Ключевая роль стратегии: я — королева, а он — моя пешка, и я выиграю эту партию. Независимо от того, как сильно я хочу трахнуться с ним прямо сейчас, этого не произойдёт. Он быстро бросает чаевые водителю, открывает дверь и помогает мне выйти. Он всё ещё держит мою руку в своей, когда мы начинаем двигаться по тротуару, ведущему в его квартиру. Я отстраняюсь от него, моё сердце готово разорваться в моей груди. Останавливаясь посередине быстрого шага, он поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Что ты...

— Спасибо, что взял меня с собой сегодня, — улыбаюсь я, хотя хочу плакать, поскольку я не хочу оставлять его. Но делаю это. — Я классно провела время.

— Ты... — он откидывает свою голову назад и смеется. — Ты меня разыгрываешь, правда?

— Позвони мне завтра? — произношу я, затем поворачиваюсь и ухожу, мой пульс нестабильный. Я чувствую себя как Золушка, пытающаяся сбежать, пока часы не пробили полночь, и прежде, чем тайна исчезнет. Поэтому, когда вы покидаете мужчину, окруженному тайной, — он будет слабее... так что вы станете его навязчивой идеей. А я хочу быть его навязчивой идеей, и я хочу, чтобы он был моей собственностью.

Глава 7

Джастин

«Прощальная колыбельная поджигателя» — *Hozier*⁴

Я смотрю, как Мариса удаляется по неярко освещенному тротуару, с каждым сексуальным шагом ее тёмные волосы и бёдра рассекают воздух. Проклятье, эта женщина невероятна. Она — совершенный кусочек идеальной конфетки на лапках. Всё, что я должен сделать, — победить её, и как трудно будет это сделать? Я, в конце концов, пишу романы. Я знаю, как играть на женщине, как на грёбаной скрипке. Тут черкните пару строк, там комплимент, добавьте одно прикосновение привязанности. Объятья, нежные поцелуи. Я вполне уверен, что к концу недели я смогу поиметь Марису обнаженной с разведенными бёдрами-убийцами. Это обычная действительность. Слушайте, любая женщина, даже с мертвыми глазами, реагирует, когда ты глубоко вдыхаешь, потом выдыхаешь, как будто сомневаешься, как будто что-то скрываешь — эдакая неопределенность. Сделайте так, чтобы казаться уязвимым. Затем произнесите: «Есть что-то такое, что отличает тебя от остальных. У меня просто такая... глубокая связь с тобой, мне нравиться твоя... я не знаю, как будто знаю тебя вечность». Я не уверен, что все женщины, которым я вылил эти фразы, верили мне, или они придумывали как раз достаточное количество оправданий, чтобы снять с них одежду. Независимо ни от чего, они любят это дермо.

Когда я захожу в свою квартиру, Кобейн ждет меня у двери. Я гладжу его по голове, затем хватаю бутылку виски со столешницы на кухне, раздеваясь до боксеров по пути в спальню. Бухло внутри бутылки плещется из стороны в сторону, когда я падаю на кровать, всё ещё думая о Марисе. Крышка раскалывается, когда я откручиваю её и бросаю

⁴ музыкальная группа

на пол. Кобейн бежит через всю комнату, преследуя пластмассовую крышку, пока она катиться по полу.

— Брось её, — приказывает я, щёлкая пальцами. Он смотрит на меня, раздражается, а затем бросает на пол покрытую слюнями крышку. Он несётся к моей стороне кровати и кладет свою массивную лошадиную голову на край. Я тру его макушку, пока открываю свой мессенджер.

— Ёб твою мать, Кобейн, — произношу я, закатывая глаза от вида бесчисленных сообщений от Бог знает скольких женщин. — Разве парень не может спокойно вздохнуть? — Кобейн опускает свою задницу на пол, виляя хвостом по древесине. — В наши дни ты не можешь даже флиртовать с женщиной, чтобы она не подумала, что ты хочешь жениться на её заднице. Что произошло с «хорошо потрахаться и разбежаться»? — я трясу головой, просматривая сообщения. Я отвечаю на некоторые из них. В зависимости от того, кто отправитель, я бросаю несколько шустрых смайликов, несколько комментариев «Я тоже скучаю по тебе». Я снова закатываю свои глаза, когда вижу сообщение от Тори:

«Я не могу поверить, что ты лживый кусок деръма. Ты говорил мне, что я другая. То, что я не была одной из тех девочек. Ты — мудак».

— Как эта, — произношу я, разворачивая свой телефон, чтобы показывать Кобейну, как будто это его заботит. — Тори, она такая, что мы называем «членозависимая», — я приподнимаю брови, и низкое ворчание вырывается из его пасти, затем он дерзко поднимает уши. Он смотрит в прихожую, наполовину рыча и лая, а затем уносится, оставляя меня с моим телефоном.

«Детка, — печатаю я, — ты другая. Ты не одна из тех девочек, но я одинокий парень и ни разу не предлагал тебе серьёзных отношений».

«О, правда? Джастин, ты сказал, что любишь меня».

«Нет, я говорил, что полюблю тебя, если смогу. Это разные вещи».

А затем... блокирую ее, поскольку последняя вещь, в которой я нуждаюсь, — ещё одна голодная до члена сука, идущая по мою задницу. Я хватаю бутылку виски и делаю большой глоток, прежде чем беру пульт. Я переключаю каналы. Там нет деръма, что стоит посмотреть, так что я снова проверяю телефон, отвечая ещё на несколько сообщений. Одна девочка, которая, очевидно, отсасывала мне после автограф-сессии в прошлом месяце, прислала мне миленький обнаженный снимок, её розовые волосы заплетены в косички. Это банально, но, тем не менее,ексуально, так что я сохраняю его на потом. Каким-то образом время ускользает от меня, бутылка виски наполовину пуста, моё зрение размыивается, и я вынужден прикрыть один глаз, чтобы видеть слова на экране. Ночная тьма начинает приближаться ко мне, синий туман от телека... и в такие моменты, когда я один в моей кровати с ополовиненной бутылкой бухла, я чувствую себя уязвимым, такое беспомощное чувство, становящееся настолько сильным, что я не могу подавить его. Я делаю ещё один большой глоток, позволяя горячей жидкости обжечь мне глотку и пищевод. Она поражает мой живот злым жаром, а затем я начинаю печатать: *«Мне тебя не хватает»*. Шанне, Саманте, Марисе... я просто спускаюсь по списку контактов и печатаю это, поскольку это не ложь. Мне не хватает грёбаных людей.

А затем ответная смска от Саманты. *«Я тоже скучаю по тебе!»*

«Я просто хочу объятий».

«Аааа... хочешь, чтобы я приехала?»

«Конечно».

Я добиваю бутылку и умудряюсь встать с кровати, только несколько раз спотыкаясь на пути к ванной. Раздаётся стук в дверь, и Кобейн сходит сума, раздается лай и звук царапанья двери. Я мочусь и плачу водой себе в лицо.

— Ты *баный член, — говорю я своему отражению. И это правда. По крайней мере, я это осознаю.

Глава 8

Мариса

«Опасная женщина» — Macy Kate⁵

Я сижу в Старбаксе, уставившись на сообщение, что прислал мне Джастин в час ночи. «Мне тебя не хватает». Не то, что он хочет трахнуть меня... нет, он скучает по мне, потому что влюбляется. Я не ответила ему хотя бы потому, что мне необходимо удерживать его на коротком поводке. Я сидела за этим столом в течение трёх часов. Ожидая. Я выпила четыре порции кофе. Я смотрела, как люди приходили и уходили, и я собираюсь сдаться — Джастин не появится сегодня. Я так близка к тому, чтобы закрыть свой компьютер, когда он заходит прогуливающимся шагом, он без Кобейна, его ноутбук аккуратно зажат под мышкой. Он улыбается, когда он видит меня, и направляется прямо к моему столу. Он опускает вниз свой компьютер и открывает его.

— Подумал, что мы можем увидеться здесь, — смеется он.

— Хорошо, разве это не самое банальное место для начинающего автора, чтобы писать? Я имею в виду, в конце концов, «Гарри Поттер» был написан в кофейне, — улыбаюсь я.

Его брови хмурятся.

— Правда?

Я стискиваю челость и борюсь с нервным тиком левого глаза. Как он может серьезно относиться к письму и не знать этого? Это меня смешит.

— Так и есть, — я барабаню пальцами по столу. — Когда выходит твоя следующая книга?

— В сентябре, — он печатает что-то на своей клавиатуре, затем откидывается назад на спинку стула. — Хочешь быть первой, кто прочитает её?

Я сглатываю. Конечно, я хочу прочитать её. Конечно, я хочу быть *первой*. Я пялюсь на экран своего компьютера, пока потягиваю кофе.

— Конечно.

Смеясь, он трясёт головой.

— Чёрт, ты самый сдержаный человек, кого я когда-либо встречал, — он тянется через стол и гладит пальцами мою щеку, и этот взрывоопасный жар обжигает меня. Борясь с тем, чтобы не прильнуть к его прикосновению, я закрываю глаза и представляю его, трахающего меня прямо здесь, на этом столе. Люди смотрят через окно, и эта проклятая блондинка-бариста рыдает, потому что не она обладает им.

— Проклятье, как я хочу тебя, — произносит он с такой убежденностью, что захватывает моё сердце. — Я хочу закончить то, что мы начали той ночью.

Боже милостивый, я хочу знать, каково это — ощущать его внутри себя. Глубоко внутри, когда он погружается жестко и быстро, его пальцы врезаются в мои бёдра.

— Мы просто друзья, Джастин, — мне удается вытолкнуть эти слова через онемевшее горло. Я лгу. Мы гораздо больше. Намного, много больше, чем были Мередит и Лукас.

⁵ музыкальный исполнитель

— Ох, позволю себе не согласиться, — он наклоняется на своём стуле, обхватывает руками тыльную сторону моей шеи и тянет меня через стол к себе. Его проникновенные глаза ищут мои, в то время как он удерживает моё лицо в дюйме от своего собственного.

— Скажи мне, что ты не чувствуешь этого?

— Чего? — сглатываю я. — Твою руку на моей шее?

Он закатывает глаза.

— Эту связь. Что... — он закрывает глаза, он едва проводит своими губами по моим, и моё предательское тело омыает жаром. — Это напряжение, как будто статическое электричество гудит в воздухе между нами. Это... — он вздыхает напротив моего рта, — скажи мне, что ты не чувствуешь этого, — он отпускает меня, и я падаю обратно на стул — бездыханная и пьяная от его слов. — Но если ты хочешь сыграть в кошки-мышки, — он взмахивает руками и ухмыляется, — я не против.

— Настолько уверен в себе?

— Не с тобой, Мариса. Я понятия не имею, какие мысли посещают твою довольно-таки красивую маленькую головушку.

— Хммм. Позор...

Его телефон звенит, и он смотрит вниз на него, посторонившись, пока печатает в ответ кому бы то ни было.

— Е*ать... — он откидывает голову назад и проводит своими руками вниз по лицу.

— Я должен идти, я забыл о встрече, — он с хлопком закрывает свой ноутбук и подхватывает его, вставая. Жар ползёт по моей шее. — Я позвоню тебе позже, — произносит он, уходя. Колокольчик звенит, когда дверь в кофейню открывается, и он выскакивает. Я хватаюсь за край стола так сильно, что мои костяшки пальцев белеют. Смотрю на пустое место — стул, который он не удосужился придвигнуть к столу. Этот стул — пылающий маяк, знак того, что меня только что бросили. Мой пристальный взгляд обращается к баристе. Она не смотрит на меня, но я знаю, что она видела, как он ушёл. Держу пари, она смеется про себя, называя меня глупой шлюхой. Ну а я нет!

Я делаю глоток моего кофе. И притворяюсь, что меня ни чуточки не беспокоит, что он вот так ушёл. Это не должно беспокоить меня, потому что у нас есть эта связь, это напряжение, это притяжение, которое лишь малое число людей когда-либо испытывали. Я могу чувствовать это. Он может чувствовать это. *Мы — статическое электричество...* Моё сердце сейчас выпрыгнет, гнев пытается вырваться на поверхность, но я не могу позволить себе этого, так что я продолжаю писать: *«Гнев бьет из меня, подобно неуправляемой волне, что бьёт по тирсу. Снова и снова, непрестанные фунты прибоя, разрушающие всё вдребезги до деревянных щепок. И иногда единственное искупление приходит через кровопролитие...»*. Мои пальцы замирают над клавиатурой. Я открываю одну из множества фотографий Джастина, которые сохранила на моём жестком диске в течение прошлого года, и глазею на неё. Я говорю себе, что не имеет значения, с кем он пошёл встречаться. Что не имеет значение, если он пошёл встретиться с Тори или другой чёртовой девкой, поскольку достаточно скоро это буду только я.

Глава 9

Джастин

«Жить ради» — The Weeknd, Drake⁶

Я шиплю, мои пальцы подрагивают на бёдрах Саманты. Тёмный каскад её волос разметался вокруг моего лица как водопад ванили и амбры — аромат шампуня, и я наблюдаю, как её лицо морщится, глаза закатываются.

⁶ музыкальный исполнитель

— Боже, как же я люблю заниматься с тобой сексом, — произносит она, прежде чем сползает с меня и шлётся на кровать. Она наклоняется и захватывает небольшую синюю стеклянную трубочку с моей тумбочки, затем зажигалку. Кремень зажигалки щёлкает и потрескивает, оранжевое пламя облизывает поверхность травки. Она втягивает полные лёгкие дыма, прежде чем передает трубочку мне. Я делаю быструю затяжку и отдаю обратно. Густое облако едкого дыма выползает между её губами, когда она смеётся и встаёт с кровати, спотыкаясь по пути к двери в ванную.

Я стягиваю презерватив и бросаю его на пол. Мой взгляд падает на тлеющую трубочку. Угольки исчезают, превращаясь в серую золу. Саманта — красотка, истинный идеал секс-партнерши без взаимных обязательств, и я ценю это больше, чем все остальные, я могу гарантировать вам это. Дело в том, что не так уж и много веселья за пределами траханья девочки, как она... я подхватываю свой телефон с тумбочки и отправляю Марисе быстрое сообщение.

«Я хочу тебя увидеть».

«Ты...»

Улыбаясь, я подскакиваю с кровати.

«Могу я зайти, чтобы увидеть тебя?»

«Я занята».

Да, конечно...

«Как насчет пятницы? Поедешь со мной в Коннектикут на автограф-сессию?»

Саманта выходит из ванной обнаженная, её щеки всё ещё пылают. Мой телефон гудит, и я бросаю взгляд вниз на сообщение от Марисы:

«Я подумаю об этом».

«Ты же знаешь, что поедешь. Прекрати играть».

— Чему ухмыляешься? — спрашивает Саманта, в то время как скользит в кровать позади меня. Я открываю приложение Facebook на моём телефоне.

— О, над одним постом в Facebook, — она целует меня и царапает ногтями мою спину. — Разве ты не должна идти на встречу с Луизой? — спрашиваю я, возвращая своё внимание к телефону, просматривая сообщения. Я хочу, чтобы она ушла. Я не хочу её, пытающуюся оставаться здесь.

— Так подразумевалось... я должна, однако... — её губы прижимаются к моему горлу, а руки путешествуют вниз по моему животу.

— Ах, не будь такой. Она — твоя подруга, — я оборачиваюсь и целую её, прижимаясь своим лбом к её, пока смотрю в её зеленые глаза. — У нас уже был потрясающий секс.

— Ты ведь не пытаешься от меня избавиться, не так ли, Джастин Вайлд?

— Никогда. Ты божественна. Совершенна, — я снова целую её. — Но не веди себя так со своими друзьями.

Мне нет равных в искусстве заставить женщину поверить, когда в моих интересах лгать им, поскольку всё, что я пытаюсь сделать, — заставить их съе*ать отсюда. Секс-партнёрша она или нет, я не позволю ей думать, что я полный мудак.

Постанывая, она скатывается с кровати, подхватывает своё платье и натягивает через голову.

— Я скажу ей, что ты передавал привет.

— Обязательно, — произношу я, не отрываясь от своего телефона.

— У тебя автограф-сессия на этих выходных, не так ли?

— Ага.

— Тебе нужен помощник? Я бы с удовольствием поехала. Ты же знаешь, мне нравится сидеть там рядом с тобой и наблюдать, как все эти девушки западают на тебя.

— Не-а, малыш. Я прикрыт.

Она дуется, пока подхватывает свои сандалии и пихает в них свои ноги.

— Я ненавижу тебя.

— Поверь, я ненавижу себя тоже, — смеюсь я.

— Позвонишь мне позже? — спрашивает она, когда направляется к двери.

— Конечно.

Как только она выходит из комнаты, я печатаю Марисе ответ:

«Ты же знаешь, что ты хочешь поехать со мной».

«Да, да...»

Мариса чертовски мила, правда, она такая — думает, что может обвести меня вокруг пальца.

Глава 10

Мариса

«*Останься со мной*» — *Ki Theory*⁷

Удерживай себя константой в их сознании. Сообщение здесь. Звонок там. Избитая цитата на Facebook. Я сегодня опубликовала свою книгу, но даже не запостила это, поскольку переписывалась с Джастином. Пошлыми смсами. Очень пошлыми, непристойными смсами. Я подсознательно держу его мысли сосредоточенными на мне, и через некоторое время он начнёт верить, что за всем этим скрывается намного большее. До тех пор, пока он интересуется, какого чёрта он не может выкинуть меня из головы, ну, в общем, я побеждаю, он — пешка.

Мой телефон звонит.

«Я не могу ждать до завтра, чтобы увидеть тебя. Какой номер твоей квартиры?»

«311»

«Я подхожу».

Я слатываю. Темп моего сердца неуклонно ускоряется, в то время как я окидываю взглядом свою квартиру. Я пока к этому не готова. Я собираюсь написать ему ответ, но останавливаю себя. Иногда незапланированные ситуации типа таких — лучше всего. Это не подстроено, так что он никогда не додумается расспрашивать об этом. Как он может? Он просто подумает, что я люблю Джеймса Паттерсона и Стивена Кинга так же, как и он. Он найдет очаровательным, что у меня такой же Ансельм Адам (*прим. легенда мировой фотографии*) висит в раме на стене и такие же полотенца в ванной. Случайные селфи на Facebook проделывают такую замечательную работу, демонстрируя вам крошечные детали чьей-то жизни. Знание этих небольших деталей делают ещё более простым заставить кого-то поверить, что вы — их точная копия. Те же самые интересы и хобби, тот же вкус в декоре и, если вы счастливчик, в конечном итоге, вы можете даже оказаться с такой же зубной пастой, как и у них. Я убеждаю себя, что не имеет значения, если у меня не было подходящего шанса зайти в «Мейси» и забрать такой же диван, на который он бросит меня.

Я быстро натягиваю на себя старую футболку с логотипом «Нирваны», одну из тех с глупым улыбающимся лицом. В конце концов, собака Джастина названа в честь солиста. Я наношу ровно столько макияжа, чтобы выглядело так, как будто его на мне нет. Я запихиваю Lorde в стерео, а затем сажусь и жду. Пятнадцатью минутами позже звенит мой дверной звонок. Мой взбудораженный пульс гудит в ушах с каждым шагом, который

⁷ музыкальный исполнитель

я делаю к входу. Звонок звенит снова, и я подскакиваю, а затем мягкая улыбка появляется на моих губах. Я снимаю цепочку, и она падает на дверь в замедленном движении. Моя рука прикасается к прохладной ручке двери, и я воспользовалась моментом, чтобы успокоить свои взвинченные нервы. Медленно тяну ручку, открывая дверь. Джастин прислонился к стене, лодыжки скрещены, голова слегка наклонена. Его синие глаза поднимаются, следя по всему моему телу. Этот взгляд заставит воспламениться ад, и его жар поглотил меня. С ухмылкой он отталкивается от стены и направляется ко мне без единственного слова, его пальцы рвутся к моему плечу. Я сильно сглатываю и, прежде чем у меня появляется шанс подумать о какой-либо возможности, Джастин хватает меня за плечи и впечатывает в стену, прижимая своё беспощадное тело к моему, в то время как он скрепляет руки над моей головой.

— Е*ать... — произносит он с глухим стоном, и каждая женская частичка меня таёт, умоляя потакать всем его прихотям. Его пальцы подрагивают вокруг моих запястий, когда он проводит своими губами по моим. Он твердый. Он такой твердый для меня. Одна из его кистей опускает мою руку. Нежное, плавное движение его пальцев отправляет мурashki mchatsya po moyey kozhe. Я закрываю глаза, когда его пальцы запутываются в моих волосах. Я борюсь со стоном, когда он проводит своим носом по моему горлу, его тёплые губы едва задеваю мою плоть. Каждое горячее дыхание, сбежавшее из его рта, разогревает мою кожу, создавая блаженное тепло, которое пожирает меня шаг за шагом.

— Я хочу тебя, — произносит он, прежде чем целует мою шею. — Позволь мне взять тебя...

Я сглатываю. Я ёрзаю напротив стены — напротив него. Моя единственная свободная рука скользит по рельефным мускулам его спины, и знакомая тяга усиливается между моими ногами. Я хочу поддаться ему...

Его губы путешествуют по моему горлу, под моим подбородком, и он освобождает моё запястье, опуская свою руку к моей челюсти и обхватывая её. Он приподнимает моё лицо. Его глаза захватывают мои, прежде чем его губы обрушиваются на мой рот, и я обхватываю его затылок, углубляя поцелуй.

Музыка мягко играет на заднем плане. Нежный ветерок дует через квартиру. Я ничего не могу с собой поделать и невольно думаю, что это как в кино. Совершенно и красиво. Мои пальцы медленно ползут под его рубашку, и я скользжу своей ладонью по его гладкой коже. Между поцелуями мы держим наш путь в спальню, время от времени врезаясь в мебель или стены. К тому времени, когда мы вместе падаем на кровать, я могу ощутить электрическое напряжение, закручивающееся вокруг нас обоих, переплетающее нас, угрожающее подавить собой последнюю частицу кислорода в этой комнате. Его жадные губы падают на мою шею. Его рука путешествует к поясу моих джинсов. Как профи, он расстегивает кнопку, и его рука проскальзывает под материал. Рука Джастина ползёт под кружево моих трусиков так медленно, что я уверена — это одна из форм пытки. Я откидываю свою голову на подушку. Он покусывает мою шею, щетина его челюсти царапает мою нежную кожу. Его рваное дыхание напротив моего горла угрожает завести меня за край, а затем... он прикасается ко мне одним кончиком пальца, и я хныкаю как маленькая шлюшка. Я прикусываю свою нижнюю губу, потому что... боже мой, пальцы Джастина Вайлда на мне. Пальцы, которые напечатали все те красивые слова о любви и искуплении...

— Иисус Христос, ты мокрая, — стонет он в моё горло, и я улыбаюсь. — Е*ать, — говорит он в то время, пока погружает палец внутрь меня.

Мои мышцы напряжены и дрожат. Жар накрывает меня. Мои щёки горят, и эта маленькая часть меня хочет плакать, потому что разве это не прекрасно? Ещё один глухой стон рокочет из его горла, и я ничего не могу с собой поделать. Я скользжу своей рукой

под пояс его джинсов и обхватываю его, его горячая кожа подобно бархату под моей ладонью. Мы оба отчаянно нуждаемся друг в друге. Руки и рты повсюду. Он садится и захватывает пояс моих джинсов, не колеблясь, он срывает их вниз по моим бёдрам, но я трясусь головой.

— Я... Я не хочу... — мои слова теряются в глубоком вдохе. — Я не одна из тех девочек...

Его глаза сужаются, в то время как нижняя губа исчезает под его зубами.

— Всё в порядке, детка, — он наклоняется вниз и целует меня. — Всё в порядке, — а затем он ложится около меня, притягивая меня к своей твёрдой груди, и пропускает свою руку через мои волосы. — Мне не нужно это от тебя. Всё, в чем я нуждаюсь, — обнимать тебя...

Я хочу поверить ему, но я знаю, что прямо сейчас он расставляет свои фигуры на доске, и я не могу стать жертвой любой дымовой завесы, которую он пустил мне в глаза. Его пальцы скользят по моей щеке.

— Позволь мне остаться на ночь, я просто хочу спать рядом с тобой.

— Хорошо, — произношу я, а затем закрываю свои глаза и упливаю в сон, слушая звук его сердца под моим ухом, понимая — этот парень не будет обнимать секс-партнёру так же, как он обнимает меня.

Глава 11

Джастин

«Мне абсолютно все равно» — Blackbear⁸

— Срань господня! — я встал, уставившись на её книжную полку. Все копии Джеймса Паттерсона и Стивена Кинга. — У тебя даже есть... — я хватаю копию «Худеющий» Ричарда Бачмэна, а не Стивена Кинга — он написан как Джон Бачмэн, нет... первое издание книги. Я разворачиваюсь к кухне, где Мариса готовит завтрак. — Ты издаваешься? — пробегаю пальцем по корешкам книг. — У тебя есть все без исключения экземпляры. Первого издания?

— Похоже на то.

Я вхожу на кухню. Мариса перед небольшой плитой в этой грёбаной футболке «Нирваны», которая достигает ей до середины бедра, её совершенные маленькие сосочки видны через тонкий белый материал. Небольшой шлейф дыма поднимается над сковородой, запах бекона наполняет воздух, в то время как мясо шипит в масле.

— Женщина, — произношу я, подходя к ней сзади и оборачивая свои руки вокруг её тонкой талии. — Ты впечатляешь меня всё больше, каждый раз, когда я оказываюсь рядом я тобой, — я целую изгиб её шеи. — Это может быть опасно, ты знаешь об этом?

— И почему это? — она отстраняется от меня, подхватывает две тарелки и наполняет каждую беконом, яйцами и тостом.

— Ты восхитительна. Ты пишешь. Готовишь. У тебя есть первые экземпляры изданий Стивена Кинга и Джеймса Паттерсона.

— И почему это опасно?

— Любовь — опасная штука, леди, — её глаза вспыхивают, когда я произношу это слово. — Очень опасная форма безумия, знаешь ли? И, я думаю, если позволю себе, то смогу влюбиться в тебя, — я беру свою тарелку со столешницы и занимаю место за столом. — Два человека вроде нас...

Ухмылка играет на её губах, когда она берёт свою тарелку и присоединяется ко мне за столом.

⁸ музыкальный исполнитель

— Два человека вроде нас — что, Джастин?

Я запихиваю вилку с яйцами в рот и жую, проглатываю, перед тем как сделать глоток кофе, а она уже ждёт за столом.

— Люди вроде нас, знаешь ли... ты можешь представить, если у нас будут отношения? — она поднимает кружку с кофе к губам, медленно делая глоток, пока смотрит над её ободком на меня, одна бровь резко выгибается. — Два человека, одержимые идеей любить, — я хватаю её за руку, нежно удерживая её. — Это будет как *баный огонь, сжигающий всё на своём пути.

— Ох, правда?

— Абсолютно, — я приподнимаю и целую её руку. — Хотя я всегда любил играть с огнём.

— Тогда ты — пироманьяк? — улыбается она.

— Есть в тебе что-то, Мариса. Что-то глубокое и просто... — а здесь я подвожу черту, — ...бессспорно другое.

Она бросает на меня взгляд, и тревожное чувство проползает сквозь мой желудок.

— Я уверена, что ты говорил это всем девочкам, — она смотрит вниз на свою тарелку, вилкой перемещая яйца по ней.

— Независимо от того, что ты слышала, я — не мудак. Я не *бу людям мозги, я с ними работаю.

Ох, ты, маленький лжец...

— Пожалуйста, только не заставляй меня ненавидеть тебя, — произношу я.

— Я никогда не захочу, чтобы ты возненавидел меня.

Мой телефон звенит, оповещая об смске. «*Я тоже скучаю без тебя*». Я запихиваю побольше яиц в свой рот, уставившись на сообщение.

— Ты в порядке, малыш? — спрашивает Мариса.

— Ага, — отрываюсь от телефона и встречаюсь с взглядом Марисы. — О, мм, да. Прекрасно. Просто прекрасно.

Я делаю глоток кофе.

— На улице вроде чудесно, — она смотрит в окно. — Хочешь пойти в Центральный Парк, чтобы пописать вместе?

— Я не знаю. Думаю, мне надо просто замедлиться, ты знаешь, возможно, просто пошататься вокруг дома, послушать немного музыки и пописать...

Её улыбка исчезает, она встает, подхватывает тарелки со стола и с грохотом убирает их в раковину. Я сижу и наблюдаю, как она расхаживает вперёд-назад перед раковиной.

— Ты видел Ансельма Адама в гостиной комнате? — спрашивает она.

Медленно я смотрю в гостиную, замечая ту же картину, что я повесил над своей кроватью.

— Ага, это безумие, ты знаешь у меня такая же над кроватью.

Её расхаживание прекращается, и она улыбается.

— Боже, у нас столько общего, не так ли?

— Да, — я провожу рукой вниз по моему лицу. — Так и есть.

Я подхожу к ней, хватаю её за бёдра и притягиваю к себе.

— Забрать тебя сегодня вечером, чтобы отвезти в Коннектикут? — мой телефон звенит снова.

— Пойду паковатьсь.

Я отступаю от неё.

— Упакуй что-нибудь сексуальное. Коротенькие шортики, — я указываю на неё, пока достигаю двери, — ...упакуй какие-нибудь шортики. Этот дермо горячее.

Она перекрещивает свои руки на груди и отставляет бедро в сторону, перед тем как я закрываю за собой дверь. Я шарю по стене рукой, когда иду к лифту. Я уверен, что как только я окажусь между её ног, вся эта тёмная и загадочная херня, которая притягивает меня, бесследно исчезнет. Несомненно.

Глава 12

Мариса

«Юный бог» — Halsey⁹

Дверь с хлопком закрывается. Я считаю до тридцати, прежде чем кричу и бью кулаком по стене. Это сообщение... то, как он уставился в свой телефон. Я хочу знать, от кого было это сообщение. Я, бл*ть, не идиотка, Джастин. Я вижу тебя нас kvозь. Я вижу, как другие девочки глазеют на тебя во время автограф-сессий. Я прекрасно понимаю, этот взгляд в их глазах, когда они приближаются — как будто они помнят, каково это, когда он внутри них. Все до единой жалкие.

Я кружу по моей гостиной, грызя ногти. Я уверена — Джастин мил и очарователен с ними. Они не обращают внимания на все мелочи, как это делаю я. Они не видели все эти сообщения в его телефоне. Сначала я думала, возможно, это недопонимание — эксцентричный писатель с несколькими поднятыми стенами, которые просто нужно снести. Но дело в том, что я не могу разрушить его стены, потому что как только он почувствует, что я пытаюсь ослабить первый кирпич, он уходит. Я оказываюсь перед необходимостью прокрасться за эти стены и навсегда сокрушить его. Это единственный путь, который ты когда-либо узнаешь, Джастин. Это — единственный способ, что научит тебя. Это единственный способ тебя проучить.

Я хватаю свой лэптоп с дивана и швыряю через комнату. Серебряный корпус трещит и раскалывается. Крошечные фрагменты откалываются и разлетаются. Я закрываю глаза. Делаю несколько глубоких вздохов, напоминая себе, что он провел со мной прошлую ночь. Вспоминаю то напряжение, что существует между нами. И, наконец, открываю свои глаза и подхожу к окну. Я смотрю вниз на улицу и вижу, как он ступает на тротуар. Вздыхая, я кладу ладонь на прохладное стекло, наблюдая, как он направляется к своей квартире, задаваясь вопросом, как много времени пройдёт, прежде чем мы съедемся, и есть ли у него комната для малыша...

Джастин выезжает на федеральную трассу, опуская крышу своего винтажного кабриолета марки «Мерседес» 1967 года выпуска. Влажный летний ветерок хлещет по моим волосам, и я сражаюсь с ними, чтобы удержать подальше от моего блеска на губах.

— Мы должны достать для тебя один из тех шарфов, ну, знаешь, как тот, что они использовали в «Тельме и Луизе»? — произносит со смехом Джастин, глядя поверх солнечных очков.

— Ага, он будет уместен в таком автомобиле, — я скользжу рукой по гладкому кофейному кожаному салону, восхищаясь швами.

— Ты будешь горячо в нём смотреться, — он подмигивает мне, затем запускает свою руку между моими бёдрами и сжимает ногу. — Несомненно, ты горячо выглядишь в

⁹ музыкальный исполнитель

чём угодно, детка, — *детка, я — его детка.* — Знаешь, — произносит он, — ...нам следует провести для тебя автограф-сессию. Сколько пока на твоём счету обзоров на книгу?

Я пожимаю плечами, удерживая свои волосы в конском хвосте, пока смотрю на него. То, как солнце отражается от его смуглой кожи... это практически как закат на острове Таити, бесспорно экзотический и соблазняющий.

— Я не знаю.

— Как, чёрт подери, ты не знаешь? Я проверяю это дергомо каждый час, когда выходит новая, — он хватает меня за руку, переплетая свои пальцы с моими. Я глазею на наши руки. *Вместе.* И моё сердце трепещет.

— Возможно, около десяти.

— Десять? Детка, мы должны поработать над этим. Скажу тебе вот что, я попрошу некоторых из моих людей прочитать её и оставить тебе несколько звездных обзоров. И наверняка нам необходимо устроить для тебя некоторое количество автограф-сессий. Я позволю тебе разделить со мной стол на следующей, если хочешь?

— Они позволят тебе это сделать? — спрашиваю я. Мои ладони начинают потеть, и я переживаю, что он заметит это. — Разделить стол?

Он смотрит на меня и усмехается.

— Детка, я — Джастин-бл*дь-Вайлд, они позволят мне сделать всё, что захочу, — он выжимает газ, шины визжат, когда он обгоняет фуру. Я визжу. Он смеётся и еще ускоряется.

— Джастин... — я вырываю свою руку из его хватки и бью по огромной ладони. — Прекрати. Ты убьёшь нас.

— Что? — его глаза сияют от такой нездоровой формы развлечения. — Ты боишься?

Я закрываю глаза и трясу головой.

— Я не смотрю.

— Вероятно, так будет лучше.

Ветер проносится сквозь автомобиль. Юбка моего платья развевается. У меня сводит живот, когда он закладывает резкий поворот, и автомобиль мотает из стороны в сторону.

— Юххууу, — кричит он как мальчишка-подросток, затем автомобиль замедляется.

— Ладно, мы приехали.

Я открываю глаза, в то время как мы подъезжаем по окружной площади к гостинице. Он перепрыгивает через дверь, бросает ключи паковщику и подхватывает обе наши сумки с заднего сиденья, затем сдвигает свои тёмные очки на волосы и кивает в сторону двери.

— Пойдём, детка.

Группа женщин сбилась в тесный круг перед входом, облако дыма зависает над их головами. Их взгляды останавливаются на Джастине, потом перемещаются ко мне. Их головы наклоняются ближе друг к другу, шепот разносится вокруг маленькой группы, пока мы проходим мимо.

— Сколько ты хочешь поставить на то, что они спорят о том, трахаемся ли мы? — спрашивает Джастин, в то время как мы заходим через стеклянные двери. Запах лаванды и мяты заполняет кондиционируемый атриум.

Я стою позади, пока Джастин регистрируется, наблюдая за людьми, смотрящими на него. Какая-то случайная молодая девочка подходит с напыщенным видом, с хитринкой оборачивая свою руку вокруг его плеча, прежде чем оставить поцелуй на его щеке. Он выскользывает из её объятий и с нервной улыбкой оглядывается на меня.

— О, Джилл, это... — он указывает на меня, — ...это Мариса.

Она смотрит на меня с вынужденной улыбкой, затем протягивает руку.

— Приятно с Вами познакомиться.

— Мне тоже, — я пожимаю её липкую руку, просто слегка сжимая. *Только слегка...*

— Ладно, — она медленно отходит от Джастина, — я думаю, ещё увидимся, ребята.

— Без сомнения, — произносит он, пока берёт ключ от комнаты у консьержа. А затем он и я направляемся к лифтам. Вместе. *Примите к сведению. Все вы сучки... Мы. Вместе.*

Глава 13

Мариса

«Ты нуждался во мне» — *Rihanna*¹⁰

Автограф-сессии. Я поняла, что я, бл*дь, ненавижу их, поскольку вынуждена делиться им. Я наблюдаю за улыбкой Джастина и кивком — притворяется, что ему плевать. Он — мудак, конечно, но ему не плевать. Это утомительно — наблюдать за всеми этими людьми, приударяющими за моей второй половинкой. Я даже не могу провести с ним время. Однако как бы сильно я не презирала это, я потерплю, потому что, в конце концов, я всего лишь пишу для Джастина. Это мой широкий жест, который Вы можете найти во всех историях любви. А я хочу, чтобы это была идеальная история любви.

— Я обожаю его книги, — произносит леди, стоящая рядом со мной в баре. — Я надеюсь, у меня получиться поговорить с ним пару минут, — я улыбаюсь ей, прежде чем делаю большой глоток своего вина. — Подождите, — она указывает на меня своим пальцем, тряся им. — Вы были за его столом сегодня днем. Ходит слух, что Вы его девушка.

— О, нет... Я просто... — бросаю на него взгляд, — ...просто его подруга. Знакомая в действительности, — и теперь мы часть сарафанного радио. *Посмотри на нас, Джастин. Посмотри на нас!*

— Подруга, — фыркает она. — Ни одна женщина не может дружить с мужчиной, который так выглядит, — она глязает на него мгновение. — Я бы покаталась на его лице.

Я симулирую улыбку, чтобы скрыть своё отвращение. Она достаточно стара, чтобы быть его матерью, и она только что сказала абсолютно незнакомому человеку, что покаталась бы на его лице. Она всё ещё бессвязно бормочет обо всех пошлых вещах, которые бы с ним проделала, я абстрагировалась от неё. Не хочу думать о том, как она объезжает его, потому что это бесит меня. Это реальное оскорблениe, она не понимает, что он — мой, моя вторая половинка, а не наездник для её *бучей киски?

Когда я допиваю своё вино, делая последний глоток, мой взгляд встречается с Джастином. Он улыбается и вот так просто уходит от группы непосредственно ко мне.

— Просто оставляешь меня им, как я посмотрю? — произносит он, когда останавливается около меня. Женщина, которая хочет объездить его лицо, усмехается. Её щёки краснеют. И всё, что она делает, — глазеет. Она не посмеет произнести любую из тех противных вещей, о которых только что мне рассказывала.

— Было похоже, что ты наслаждаешься их ухаживаниями, — говорю я.

— Я ухаживаю за собой очень хорошо, — он наклоняется ближе ко мне, его тёплое дыхание ласкает моё ухо. — Практически так же, как я забочусь о тебе.

У меня перехватывает дыхание, а женщина рядом медленно уходит.

— Настолько уверен в себе.

Джастин смеётся, затем берет мою руку, переплетая свои пальцы с моими, пока ведет меня к выходу.

— И куда мы идем? — спрашиваю я.

Мой пульс в ушах эхом вторит шагам, когда прекрасный жар окутывает мою кожу. Джастин тянет меня к лифту, и я скользжу прямо позади него, под пристальным мерзким

¹⁰ музыкальный исполнитель

взглядом, брошенным в моё направлении каждой женщиной, мимо которой мы проходим. Они все ревнуют. Они все понимают, что я собираюсь быть обнаженной с ним в его постели, и они ненавидят меня за это. Когда двери открываются, мы заходим в переполненный лифт. Его пальцы обхватывают мою щёку.

— Я хотел тебя с тех пор, как увидел в той кофейне.

Мы смотрим друг на друга всю дорогу до седьмого этажа. Напряжение настолько густое, что я уверена — женщины в этом крошечном пространстве задыхаются из-за него. Когда дверь со звонком открывается, мы выходим. Моё сердце бьётся, бьётся, бьётся о рёбра, пока я иду за ним к двери. Вот оно. Обратной дороги нет. Маленький зелёный огонёк загорается на двери, замок щелкает — дверь открывается, а затем... дверь закрывается, и он агрессивно пришипливает меня к себе. Его большие руки распускают мои волосы. Его губы следуют по моей шее вниз по горлу. Каждый тяжелый вздох рассеивает мурашки по моей коже.

— Я хочу тебя с тех пор, как в первый раз увидел, — шепчет он мне в ухо и оставляет ещё один поцелуй ниже моего подбородка. — С тех пор, как я встретил тебя, — одна рука оставляет мои волосы, и он обхватывает моё лицо, вдавливая свой рот в мой в зверском поцелуе. — Е*ать, женщина, — и, не сказав больше ни слова, он стремительно передвигает меня от двери, спиной к кровати, обеими руками обхватив моё лицо.

— Я хочу тебя.

Ещё поцелуй.

— Ты нужна мне.

А он нужен мне. Я нуждаюсь в нём. Мы нуждаемся друг в друге.

Задней стороной ног ударяюсь о матрас, и спиной приземляюсь на пушистое одеяло. Джастин стоит на коленях на кровати, нависая надо мной. Он стягивает рубашку через голову, его глаза вспыхивают, когда он небрежно бросает её назад. Даже в темноте комнаты я могу разобрать очертание буквы V, высеченной над его животом. Моё сердце часто постукивает как у глупого подростка, когда его тёплые кончики пальцев следуют по моей ключице. И отчаянный банальный вздох покидает мои губы, когда он срывает лямки с моих плеч, стаскивая платье по бёдрам.

Его губы повсюду: мой рот, моя шея, моя грудь. Так безрассудно и импульсивно, что я тону в этом с ним. Я выжидала столько? Сколько смогла устоять, и я заставила его осознать, что я не какая-то там глупая фанатка. Я не какой-то безнадежный романтик. Я — кто-то? В ком он нуждается, он сам так сказал. Мы — статическое электричество.

Я дотягиваюсь до пояса его джинсов и расстегиваю кнопку, затем стаскиваю их вниз по его ногам. После того, как он отпинывает их в сторону, он встаёт на колени. Его руки работают над моими бёдрами, его взгляд застыл между моих ног, и, чёрт возьми, там никогда не было более заманчивого, более эротического вида, чем Джастин Вайлд, уставившийся на меня так, как будто он хочет поглотить всю меня — и плоть, и кости. Он подцепляет одним пальцем мои мальчишеские трусики-шортики, и у меня на коже мурашки от нетерпения. Совершенными белыми зубами он прикусывает нижнюю губу, и я желаю знать, что же происходит в его блестящем уме. Я хотела бы слышать его мысли — то, как он ждёт этого точно так же, как и я. Что это является самым монументальным моментом в его жизни. Его палец задевает мою киску, и порочная ухмылка появляется на его лице в тот момент, когда он чувствует, насколько я влажная для него.

— О, бл*дь, мне нравится это, — произносит он, скользя пальцем по мне. — Очень, бл*дь, сильно.

И теперь его пальцы находятся внутри меня. Палец Джастина Вайлда находится во мне.

Моя спина изгибается, пятки упираются в матрас. Я извиваюсь. Я стону. Поскольку это чувствует таким правильным. Спустя мгновение я полностью обнажена — выставлена перед ним. С ухмылкой он скользит между моими ногами, обдувая меня шёпотом

горячего дыхания. Я сжимаю в кулаке простыни, вскидываю свои бёдра и хочу закричать, потому что его язык внутри меня. Он стонет, его пальцы врезаются в мою кожу.

— е*ать, ты хороша на вкус.

*И, бл*дь, ты так хорошо ощущаешься.* Каждый вдох, что я втягиваю в себя, рваный. Я на обрыве. Балансирую. Еще один сильный щелчок его языка, и я буду уничтожена. Он замедляется, его рот зависает надо мной. От каждого медленного горячего вздоха мои мышцы сжимаются, все тело болит.

— Джастин... — произношу я, задыхаясь, и хватаю его за волосы, пытаясь удерживать его рот на мне, но он отдергивает свою голову в сторону. Смеясь, он опускается на меня. Его обнаженная грудь касается моей. *Ощущения.* Так много ощущений. Это как будто всё вот-вот взорвётся. Воздух, настолько густой от этого примитивного желания, эта эйфория так сильна, что я едва могу дышать. Всё заражено им, нами, этим... Он располагается между моими бедрами. Я резко вдыхаю.

— Ты хочешь меня? — шепчет он, пока прикусывает моё ушко.

— Боже, да, — мои бёдра раздвигаются, и я хватаюсь за его плечи.

Он прижимается ко мне.

— Ты уверена?

— Пожалуйста.

Я чувствую его улыбку у своей шеи.

— Ты собираешься умолять меня?

Однако он не ждет, пока я начну умолять его, он просто неумолимо врезается в меня. Я задыхаюсь. Мои ногти скользят по его мускулистой спине, и это ощущается так, как будто я на небесах, затрахиваемая до забвения Джастином Вайлдом. Сидя на коленах, он держит мои ноги разведенными, наблюдая — он наблюдает, как мы трахаемся, и мне это нравится. Я стону. Я встречаю каждый его толчок, скользящий до самого конца.

— Твоя... — рычит он, — ...такая, бл*дь, красивая. Настолько идеальная.

Он хватает мои бёдра и переворачивает меня на живот, слегка нажимая на мою спину рукой, затем он мягко поглаживает своей рукой изгиб, что он создал, в то время как приподнимает мою задницу и бёдра вверх. — Дерьмо... — произносит он, сильно ударяя большим пальцем по мне. Я поворачиваю своё лицо, простыни сбились в кучу под моей щекой, пока я смотрю на него. Его дикие глаза бросают на меня взгляд, и он подносит руку к своему рту, посасывая меня с кончика своего пальца, затем вонзается внутрь меня и трахает жёстко и сильно. Как дикарь, он наматывает мои волосы на кулаки и дергает мою голову назад.

— Иди сюда, — шепчет он, когда его губы прижимаются к моим в зверском поцелуе. Он разрывает его и скользит своим языком по моему горлу, жар его сбившегося дыхания, порождает хор ощущений, разрывающих мою чувствительную кожу. — Иисус, женщина, — шипит он. Затем стонет. Он отпускает мои волосы, и моя голова падает к груди, в то время как он прижимается к моей спине. Звук ударов кожи о кожу наполняет комнату, смешиваясь с нашим тяжелым дыханием. Я вытягиваю руки и хватаюсь за простыни, поворачивая своё лицо так, чтобы наблюдать. Он так сосредоточен. Пот сочится вниз по его вискам, по глубоким изгибам мышц на его груди. Мой желудок переворачивается, когда его пальцы зарываются в мои бёдра, и он откидывает голову назад в глубоком стоне. И вот мы вместе, танцуем на этом пресловутом краю. Я отпустила все, даря блаженство, на которое он уговаривает меня, крича его имя, так, как будто он — мой бог, потому что это именно так и должно быть, когда ты нашел единственного. Пот капает вниз с моей шеи, и когда эта волна захватывающего удовольствия спадает, Джастин подает на кровать, хватая меня за талию и притягивая меня к своей гладкой потной груди.

Он переворачивается на бок и проводит кончиками своих пальцев по моей щеке. Вздороженное выражение отображается на его лице, его пристальный взгляд скользит от моих глаз к губам.

— Боже, — он колеблется, и моё сердце порхает и трепещет. — Я хочу чего-то большего с тобой, — он так нежно целует меня. — Ты слышишь меня? Я чувствую, что вся моя жизнь вела меня к этому моменту, как будто это всегда была ты.

Я уставилась на него.

— Ты напишешь самые милые строки...

Он закатывает глаза.

— Пожалуйста, — произносит он. — Детка... это так по-другому с тобой, — и я знаю об этом, Джастин. Я просто не уверена, что ты действительно понимаешь, насколько это по-другому. Я пожимаю плечами и запускаю свои пальцы в его грудь. Он зависает надо мной, наклоняясь и подхватывая свои джинсы с пола, выуживая телефон из кармана, прежде чем он шлепается обратно на подушку. — Иди сюда, красавица.

Он притягивает меня обратно к своей груди и протягивает телефон своей свободной рукой.

— Улыбайся, — произносит он, прежде чем делает несколько селфи и тут же просматривает их. — Тебя обеспокоит, если я выставлю их на мою страницу? — я бросаю взгляд на экран. Все, что видно, — наши лица и подушки. Мы выглядим такими счастливыми. Настолько идеальные вместе. И мои щеки всё ещё светятся от этой бесплатной раздачи розового румянца от испытанного оргазма.

— Всё в порядке, если тебя не смутят все те чёртовы девочки, — говорю я.

— Какие девочки? — хихикает он, пока обрабатывает фотку в каком-то редактирующем приложении. — Ты думаешь, что меня волнует, что люди узнают, что мы трахаемся?

Но мы не просто трахаемся, Джастин. Мы по уши влюблены, разве ты не понимаешь этого?

— Я отметил тебя, — произносит он, затем подхватывает свои боксеры с пола и надевает их. — Хочешь выпить?

— Конечно.

Он улыбается мне и целует в лоб.

— Будь прямо здесь, детка, — он натягивает джинсы, подхватывает свою рубашку с края кровати, но даже не удосуживается надеть её, пока направляется к двери. Я перемещаюсь на кровати и целенаправленно позволяю простыне соскользнуть чуть ниже моих грудей. Джастин останавливается, его рука замирает над ручкой двери, в то время как он смотрит на меня. Ухмылка формируется на его лице, когда его глаза меняют направление к моей груди. — О, ты знаешь, что ты делаешь? — он подмигивает, закидывает свою рубашку на плечо, затем открывает дверь и направляется в коридор. Прежде чем дверь хлопает, закрываясь, я слышу, как девочка позвала его. Я слышу, что он ответил.

Он только что вышел из нашей комнаты. Без рубашки. Волосы в беспорядке от постели. Я надеюсь, что сука понимает, что он трахал меня. Я надеюсь, что она ненавидит меня за то, что она никогда не будет способна сделать. И с этой мыслью я укладываюсь обратно под одеяло, поворачиваю голову и смотрю на подушку, на которой он будет спать. Это — только вопрос времени, — говорю я себе. Вопрос времени. Он — мужчина. Мужчины должны осознать то, в чём они нуждаются, и это часто требует времени, но я терпелива. Я буду ждать. И ждать. И ждать.

И ждать...

Глава 14

Джастин

«Уверовавший» — *Imagine Dragons*¹¹

— Джастин... — какая-то девочка ликует чуть дальше по коридору, но я продолжаю идти. — Джастин Вайлд.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь, натягивая фальшивую улыбку на своё лицо.

— Привет.

— Боже, я люблю ваши книги... — а затем она продолжает пятнадцатиминутную тираду о том, какие они потрясающие, о том, что я причина того, что она начала писать, о том, какой я горячий, обо всей этой грёбаной херне. Она стоит настолько близко ко мне, насколько это возможно в лифте, и, когда двери открываются, она выходит со мной. — О, Боже, — произносит она, — я надеюсь, что следующий слух не будет о том, что я переспала с тобой, — она хихикает, и я замедляю свой шаг.

— Прости, — произношу я, приподнимая свою бровь. — Повтори кто ты?

— Я, эмм... — её пристальный взгляд опускается в пол. — Дженна Брэндон.

— Я даже не знаю, кто ты. И я определенно не буду тебя трахать.

Я усмехаюсь и ухожу.

— Мудак, — слышу, как она бормочет про себя, и только пожимаю плечами. Меня не заботит, что она думает, что я мудак. Последнее, что мне сейчас нужно, — случайная чика, пытающаяся заставить людей думать, что я трахаю её, в надежде поднять свой рейтинг на «Амазоне» или выиграть ещё какой-то херовый рейтинг популярности.

Я захожу в ресторан и заказываю два бокала «Мерло», и пока я жду выполнение моего заказа, мои мысли возвращаются к Марисе. К тому, как совершенно разделяются её губы, когда она стонет, и как хорошо она ощущалась подо мной... какая она красивая, когда кончает. Если бы я был из тех парней, которые рано или поздно остеиняются, я бы встречался с ней, но дело в том, что веселье уже закончилось. Я трахнул её. Я сделаю это ещё несколько раз, чтобы вывести её из своей системы, чёрт, я даже могу притворяться в течение нескольких дней, что это может сработать, потому что, давайте посмотрим правде в глаза, я безнадежный романтик и мысль о любви звучит потрясающе. Хотя довольно скоро я устану от Марисы. Другой блестящий объект привлечёт моё внимание, и затем следующая девушка будет тешить моё самолюбие и член.

Парень за барной стойкой вручает мне вино, и как только я собираюсь развернуться, чтобы уйти, я чувствую, как рука скользит по моей спине. Когда я поворачиваюсь, передо мной стоит Тори. Её пристальный взгляд скользит от одного бокала с вином к другому, а затем она смотрит на свои часы.

— Ох, ты на самом деле позволил кому-то остаться с тобой, вместо того, чтобы дать пинок под зад сразу после? — она впивается в меня взглядом. — Интересно. Думаю, даже у шлюхи есть чувства, верно?

— Да ладно, Тори. Я не мог позволить тебе остаться со мной, у тебя бл*дская репутация. Люди стали бы говорить, — я делаю быстрый глоток кофе, ошпаривая свой рот. — Бл*... и, кроме того, это был просто секс.

Она смеётся.

— Ага, просто секс, и я точно не хотела бы представить это.

— Посмотрим, — я обошел её, но она сделала шаг передо мной. — Я знаю, что ты расстроена...

— О, малыш, я не расстроена. Даже близко.

¹¹ музыкальный исполнитель

— Боже, — фыркаю я, — это же совсем избитое выражение. Разве ты не автор? Ну же, ты можешь лучше, чем это.

Её ноздри трепещут, этот небольшой алмазный гвоздик в её носу, вспыхивает на свету.

— Ты — *баный лжец.

— Я никогда не говорил...

— Ты говорил, что я другая.

Я закатываю свои глаза.

— *б твою мать, Тори. А что ты ожидала? Ты думала, что я буду встречаться с тобой или что-то в этом роде, оставь, бл*дь, меня в покое! Ты на пять лет старше меня, — я обхожу её. — Мы только трахались. Просто, забудь уже об этом.

— Забыть? Ты хочешь, чтобы я просто... забыла?

— Дерьмо, Тори, знаешь, что? — жар ползёт по моей груди и вверх по горлу. — Ты должна на коленях благодарить меня. Никто даже не покупал твои дерьяковые книги до того, как распространился слух, что мы начали трахаться. Этот маленький кусочек слухов дал тебе больше признания, чем всё, что ты когда-либо напечатаешь.

Группа женщин уставилась на меня расширенными глазами.

E*ать.

— Эй, знаете, что? — кричу я им. Они даже не шевелятся. — Я трахал её, — указываю на Тори, и её щёки становятся свекольно-бл*дь-красными. — Так, наверстали упущенное. Дать тебе немного подтверждения?

— Я прикончу тебя, — произносит она.

— Удачи с этим.

Я качаю головой и иду к лифту, нажимая кнопку. Эта женщина не могла бы сделать ни одной проклятой вещи, чтобы опорочить меня. Я — влажная сбывшаяся мечта любого издателя. У меня такие преданные фанаты, ничто не может разрушить это. Это смехотворно, что какой-то низкопробный автор думает, что она сможет оказать на меня то или иное воздействие. Я киплю всю дорогу до 7-ого этажа, всё ещё немного взбешен, когда возвращаюсь в комнату.

— Ага...ух-угу... — звук душа и пения Марисы наполняет меня в ту секунду, когда я открываю дверь гостиничного номера. Я невольно улыбаюсь этому. Это привлекательно, как пи*дец. Я ставлю вино на стол в углу комнаты и падаю на кровать. Дверь в ванну приоткрыта ровно настолько, чтобы я смог увидеть Марису через запотевшую стеклянную дверь душа. Я смотрю, как она откидывает свою голову назад. Я прикусываю свою нижнюю губу, когда она проводит руками по своей совершенной фигуре в форме песочных часов. Я не волную её так, как всех других девчонок. Она не Тори или Саманта, или даже... как было имя той девочки в лифте... Дженна? Я смеюсь про себя, Мариса принадлежит своей собственной лиге, и мне нравится это... нет, я люблю это, поскольку это делает вызов более забавным. Я встаю и иду к двери в ванную, засовывая голову внутрь.

— Я собираюсь к тебе.

Она прекращает петь.

— Как хочешь, — произносит она и возвращается к пению.

Я качаю головой, затем стягиваю свои джинсы и боксеры и тянусь к стеклянной двери. Пар от обжигающие горячей воды клубится вокруг меня, когда я закрываю дверь. Мариса дарит мне один взгляд и ухмыляется. Я пялюсь на её груди, изгиб талии, эти полные грёбаные губы и я хватаю её за талию, притягивая к себе. e*ать, я люблю то как влажное обнаженное женское тело ощущается напротив моего, это...

— Что ты делаешь? — спрашивает она, приподнимая бровь.

Мои пальцы скользят вдоль её талии, вокруг её задницы.

— Играю с тобой.

Быстрая улыбка растягивает её губы, а затем... она отстраняет мои руки от себя и направляется к двери.

— У тебя уже было время поиграть сегодня, — и она выходит из душа, оставляя меня со знатным стояком.

— О, ты ошибаешься по всем статьям, женщина, — произношу я.

— Вообще-то, малыш, ты не прав, если полагаешь, что я хочу трахнуться с тобой снова сейчас, не так ли?

Если когда-то и существовала женщина, у которой была надежда поставить меня на колени, я думаю, вполне может оказаться, что это — она.

Глава 15

Мариса

«Идеальная иллюзия» — *Lady Gaga*¹²

Солнце исчезает за облаками, как и мы, быстро двигаясь по автомагистрали между штатами. Песня Ed раздается по радио, и Джастин стонет.

— Этот чувак — киска, — ворчит он, сменив радиостанцию. Как он может не любить любую песню Ed — выше моего понимания. Я начинаю задаваться вопросом, на самом ли деле Джастин безнадежный романтик или всё же нет. Он листает радиостанции, пока наконец-то не останавливается на песне Imagine Dragons.

— Вот это совсем другое дело, — произносит он, делая громче, и начинает барабанить руками по рулю и во всё горло орать текст песни. Моя рука лежит ладонью вверх на моём бедре в течение последних трех часов, просто ожидая, когда он возьмёт её и будет держать в своей.

— Как думаешь, ты сможешь получить для меня место на автограф-сессии в Саут-Бич? — спрашиваю я. — Я всегда хотела поехать во Флориду.

— Да. Конечно, — это всё, что он произносит, прежде чем возвращается к пению этой глупой песни.

— Как думаешь, она подойдет для первой автограф-сессии?

— Аах? — он бросает раздраженный взгляд в моё направлении, и я хочу склониться под ним. — Что?

— Уф, просто, как думаешь, она подойдет для первой автограф-сессии?

— Наверно, — он закатывает глаза, прежде чем возвращает свой взгляд обратно на дорогу.

Я хочу наорать на него. Встряхнуть его. Прошлой ночью он любил меня... да, так. Он смотрел на меня так, как будто хотел любить меня. Он трахал меня так, как будто я всё для него. Это был хороший секс, нет, великолепный секс, которого я заставила его дожидаться. Моё сердце медленно набирает темп до того, как начинает стучать о рёбра, вынуждая меня сжать грудь, поскольку я боюсь, что оно выскочит из моего тела. Однако Джастин даже не взглянул на меня.

Я не смогла уснуть прошлой ночью. Я не могла прекратить смотреть на него. Я хотела запомнить: то, как он дышит, когда он спит, потому что я люблю его... а теперь он ведёт себя так, как будто я обуза для него.

¹² музыкальный исполнитель

Моя голова идёт кругом, злые маленькие голоса кричат внутри неё. Он сворачивает с автострады, направляясь на Пеарл-стрит, и паника зарождается в глубине моей души. Ещё только несколько минут, и я выйду из его машины. Из его поля зрения...

— Спасибо, что взял меня с собой, малыш, — произношу я.

Он смотрит на меня и улыбается.

— Ага. Я славно провёл время.

И он опять поёт. Автомобиль замедляется и подъезжает к обочине перед моим домом. Он стучит пальцами по рулю, просматривая свой дурацкий телефон. Я хочу взять этот iPhone и швырнуть из окна в сточную канаву, где он больше никогда не увидит дневной свет. Он смеётся, как я понимаю, над чем-то, что кто-то отправил ему по почте, затем он смотрит на меня, наклоняется и целует.

— Увидимся позже, — и багажник отрывается.

Я киваю, открываю дверь, вылезаю, затем беру свою сумку из багажника, и он уезжает. Моя грудь поднимается рывками, живот трясётся, поскольку изображение нас на этой кровати в гостинице засело у меня в голове. *Я люблю его. Он должен любить меня. Какого хера, Джастин? Никто другой не подходит тебе так идеально. Я пишу. Я читала Кинга и Паттерсона. Я купила *банного Ансельма Адама и такие же полотенца для рук, как у тебя. У нас есть статическое электричество. У нас есть связь. Я другая. Я, БЛ*ДЬ, ДРУГАЯ!*

Я иду к главному входу и самостоятельно открываю дверь ключом. Не утружаю себя лифтом, а просто ташу свой чемодан вверх по грязным лестничным пролётам, слёзы катятся по моим щекам, поскольку я не хочу позволить ему уйти. Я не хочу быть съеденной. *Я — не пешка. Я — королева, ублудочный Джастин! И игра не окончена, пока не падет король.*

Я останавливаюсь на последней площадке.

— Я не одна из тех девочек, — произношу я, мой голос эхом отдаётся на пустой лестничной клетке. — Нет, — я качаю головой, открываю дверь и направляюсь в свою квартиру, захожу и бросаю свою сумку вниз. Я ненавижу то, что оказываюсь перед необходимостью выбрать именно этот путь, но, по правде говоря, я не знаю другого способа достучаться до его толстого грёбаного черепа. Я просто хочу того, что будет лучшим для нас. Только этого. Просто так будет лучше.

Глава 16

Джастин

«Тяжело» — Linkin Park¹³

Я смотрю через окно кофейни. Мариса за столом, ноутбук открыт, кофе около неё. Кобейн ворчит, и я смотрю вниз, так как он сидит на тротуаре и чешет за ухом.

— Что мы делаем, ублудок, а?

Он уставился на меня, пуская слюни, которые капают из его пасти. Он трясёт своей головой, а я опять всматриваюсь через стекло. Она оглядывается вокруг так, как будто ищет меня.

¹³ музыкальная группа

— Ладно, — произношу я, поправляя свой ноутбук под мышкой, прежде чем тяну за поводок Кобейна, — Пойдём.

Я иду вниз по улице, мои мысли путаются. Я знаю, что я — мудак, и это не то, чем я хочу быть... Я просто *не знаю*, чего хочу. Любовь... Я хочу любви, а кто, чёрт возьми, не хочет? Но это не подходящий момент. Кто-то всегда в итоге окажется дерьмом.

Я прохожу несколько кварталов, позволяя Кобейну останавливаться, чтобы пописать и обнюхать задницу какого-то пуделя, а затем останавливаюсь под наклоненным железным знаком в подворотне «Моби Дик». Я смеюсь, пока прохожу под видавшим виды знаком, вниз по грязному переулку к конкретной лестнице, которая ведёт к проржавевшей металлической двери.

— Не трогай здесь всякое дерьмо, так как ты сделал в прошлый раз, — говорю я Кобейну, пока открываю дверь и вхожу в тускло освещенный бар.

Когда я захожу внутрь — здесь пусто, вот почему я люблю эту поганую дыру. Здесь всегда никого нет. Бутылки ликера покрыты слоем пыли. Я понятия не имею, как это место остается на плаву. Мне нравится думать, что это просто прикрытие для какой-то схемы отмывания денег. Здесь внутри душно и сильно пахнет плесенью. Черные стены протерты к чёртовой матери и покрыты плакатами групп из 70-ых, что пожелтели от старости. Здесь есть пулевые отверстия в стене позади барной стойки, а рядом с ними клочок бумаги, прикреплённый кнопками, на нём написано: *«С наилучшими пожеланиями, от Готти»*. Именно отсюда я и взял схему отмывания денег — из-за этого пулевого отверстия.

Я притянул Кобейна к барной стойке из красного дерева, мой ноутбук под рукой. Рональд — раздражительный старый мудак — владелец этого места, выскочил из-за стойки в тот момент, когда я бросил мой компьютер на барную стойку. Он провел рукой по голове, приглаживая свое небольшое количество всклокченных седых волос, которые сумел взъерошить ветер.

— Дерьмо, я думал, ты умер, — он улыбается, показывая свои запятнанные никотином зубы.

— Не-а, пишу.

— Ещё больше слащавого дерьма?

Я сижу на ветхом старом табурете, и он шатается и скрипит под моим весом.

— Что-то типа этого.

— Я думал, что ты собирался написать что-то стоящее моего времени чтения?

Я впиваюсь в него взглядом.

— Отъ*бись, — улыбаюсь я.

Рональд подхватывает бутылку виски, вворачивает воронку и наливает полный стакан, прежде чем двигает его прямо передо мной.

— Чёрт, я попытался прочитать ту первую часть твоего дерьма. Как ты собираешься испортить вполне хорошую и сильную историю любви? — он делает вид, что вставляет кляп. — Это оскорбляет моё мужское достоинство. Просто закончи всё кровью иувечьями в следующий раз.

— Хорошо, Рон, — я подношу стакан к губам и делаю глоток, прежде чем открываю свой компьютер. Он уставился на мой ноутбук с приподнятой бровью.

— Что ты, бл*дь, собираешься делать? Это не кофейня.

— Ага, хорошо... — я думаю о том, почему ушел из кофейни: из-за Марисы, писавшей за одним из столов. Я поднимаю мой стакан в тосте. — Хемингуэй говорил: пишите пьяными, редактируйте трезвыми.

— Да, да... — он протягивает мне руку. — Дай мне свою карту, и я открою твой счет.

Я вытаскиваю свой бумажник из кармана и вручаю ему мою карту. Бросаю поводок Кобейна на пол. Он кружится несколько раз, прежде чем шлепается вниз рядом с ножками табурета с обиженным и с бестолковым ворчанием.

Рональд ругает картридер, сердито стуча по компьютерному экрану, когда передняя дверь хлопает открываясь. Кобейн поднимает голову. Рональд смотрит через плечо, хмуря брови.

— Чёрт возьми... — бормочет он.

Я поворачиваюсь и вижу девушку, одетую в обтягивающие черные джинсы и красную майку, приближающуюся к бару. Её блондинистые волосы в беспорядке выпадают из «конского хвостика». Она останавливается на полу пути, её пристальный взгляд дрейфует от бара ко мне и обратно. Она глубоко вздыхает и идет к стойке, вытаскивает табурет немногого в стороне от моего.

— Водки с тоником, — произносит она.

Глаза Рональда ухмыляются мне, а затем он подхватывает бутылку Grey Goose и стакан. Я подношу виски к губам, потягивая его, пока пью за прелестную блондинку, которая в настоящий момент просматривает свой телефон. Я не могу не заметить, что она сильно благоволит Мередит. То, как висят её волосы, крепкий маленький пояс на её талии, её совершенное в форме сердечка лицо и пухлые розовые губки. Не то, чтобы эта девочка была ошеломляющей, поскольку это не так, но она обладает той тонкой красотой. Это очарование девушки, живущей по соседству.

Её пристальный взгляд медленно скользит в моё направление, и я ухмыляюсь за ободком своего стакана. Её щеки вспыхивают розовым. Есть тонкий баланс доверия такому парню как я, который нужен от женщины. Не слишком много. Не слишком мало. Плюс в девочке-соседке смешивается её естественная обстановка как камуфляж, и когда парень вроде меня демонстрирует ей свой интерес, она относится ко мне как к грёбаному богатенькому ублудку, у которого есть Красная Комната Боли.

Я наклоняю свой стакан, проглатывая тёплый виски. Девочка роняет свои ключи. Они гремят по грязному паркетному полу, и Кобейн тут же навостряет уши. Он вскакивает на ноги и бежит к ней, уткнувшись носом в пол.

— Кобейн! — кричу я, и он замирает, поджимая хвост. Опуская свой стакан на барную стойку, я встаю на ноги и приближаюсь к ней. — Простите, — произношу я, пока наклоняюсь вниз и хватаю его поводок, а также поднимая её ключи. Когда я выпрямляюсь, она улыбается. — Вот, — я вручаю ей ключи.

— Он милый.

— А, ага, но он — засранец, — улыбаюсь я. А она хихикает. — Ты часто приходишь сюда?

— Нет... Вообще-то я только переехала.

— Да?

— Ага... — ещё одна нервная улыбка растягивает её розовые губы. Проклятье, а она симпатичная. Она наклоняется и гладит Кобейна по его огромной голове. Он немедленно

садится, счастливо и тяжело дышит, пока виляет хвостом. — Я иду в Нью-йоркский университет осенью.

— О, круто. И какая специализация?

— Писательский факультет.

— Что, правда? — я смеюсь, поскольку это слишком охрененно. Слишком легко. Бог всё-таки существует. Она впивается в меня взглядом, и я резко перестаю смеяться. — Прости, — произношу я, зажимая рукой свой рот, — просто... я пишу, так что... случайность, ты понимаешь?

— Ты пишешь? Пишешь книги?

О, Боже. Она одна из тех девочек.

— Ага. Книги.

— Это так круто, — улыбается она.

— Джастин, — я протягиваю руку. — Джастин Вайлд.

Ее зелёные глаза расширяются, улыбка исчезает при прикосновении, но она не отпускает моей руки.

— Подожди... подожди, это имя, — она щелкает пальцами, пока смотрит в никуда.

— Вы поразили «Нью-Йорк Таймс»... этой, как её название... — я усмехаюсь, моя грудь раздувается от гордости. Я люблю такое дермо. — «Восприятие». О, Боже. Вы написали эту книгу, да?

«Восприятие» — это название серии, не книги, тем не мене, я притворяюсь, что у меня есть капля скромности и отвожу взгляд в пол, в то время как робко пожимаю плечами.

— Ага.

— Дермо. Вы удивительны... — и она всё ещё сжимает мою руку.

— Благодарю... — я прищуриваюсь. — Как тебя зовут?

— Ох, Эми. Эми Смит, — произносит она, переводя взгляд на свою руку в моей, прежде чем нервно выдергивает её прочь, она становится красной от смущения.

— Хорошо, приятно познакомиться, Эми Смит, — я вытаскиваю табурет из-под барной стойки рядом с ней, заказывая ещё выпивки, и к концу следующего часа у меня назначено свидание в кофейне с этой прелестной юной девочкой-соседкой.

Глава 17

Мариса

«Слабак» — AJR¹⁴

Вздыхая, я закрываю за собой дверь. Оглядываю мою прекрасную квартиру и чувствую себя такой одинокой. У меня перед глазами Джастин, сидящий на диване. Картина Ансельма Адама, которую я купила, чтобы показать, как много он для меня значит и как много у нас общего. Я вхожу в свою спальню, останавливаясь в дверном проеме, и смотрю на постель, в которой мы спали. Всего лишь раз — пять дней назад. Когда я кладу голову на подушку, на которой он спал, я всё ещё могу почувствовать его

¹⁴ музыкальный исполнитель

запах, и я не знаю, как заставлю себя когда-нибудь снова постирать эти простыни. Но постираю... когда-нибудь.

Я видела, как Джастин стоял перед витриной кофейни с Кобейном. И он ушёл. Я хотела выбежать наружу и последовать за ним, называя ублюдком. Задницей. Но не стала, потому что мы не так проведём эту партию. Не так ли? Именно так я делала с Джоном. Я боролась. Я злилась тогда, когда предполагалось злиться, но я не могу позволить ему увидеть, что мне не всё равно. Я убеждена, что мне надо делать вид, что мне всё равно. Если бы я тогда сказала Джону двигаться дальше и уйти... иди вперёд и отдохнуть... он бы мог.

Я зарываюсь лицом в подушку и позволяю своим слезам впитываться в наволочку. Моё сердце колотится, грудная клетка напряжена, а затем гнев медленной волной поднимается во мне дюйм за дюймом до тех пор, пока я полностью не погружаюсь в её тепло. Когда любовь идет наперекосяк, всегда что-то идёт не так. И есть две реакции, между которыми женщина должна выбрать: позволить этому сломать её или поквитаться. Мужчина больше никогда не сломает меня, дело в том, что я — королева, а он — король. Он вывел меня из игры и думает, что игра закончена. В его воображении, может быть, так и есть, но дело в том, что игра заканчивается только со смертью короля.

Я скучаю по нему. Я перекатываюсь и вытуживаю свой телефон из кармана джинсов, говоря себе не писать ему смс. Вместо этого я ввожу имя Джастина в Google, и в считанные секунды тысячи фотографий заполняют экран. Профессиональные фотосессии, посты в Twitter и Instagram, и там, в середине экрана — селфи, которое он сделал со мной в той кровати в прошлые выходные. Я глазею на неё. На ней мои щеки розовеют, а помада слегка размазана. Мои глаза наполняются жалкими слезами. Я хочу проклинать Мэрилин Монро, поскольку она сказала, чтобы надо быть с парнем, который испортит Вашу помаду, но не тушь, ну, в общем, что ты будешь делать с тем, кто смажет их обе? *A?* Скажи мне это, *баная Мэрилин!

Я кликаю по фотке — она на его странице в Facebook. Я читаю пост над ней, что он написал всего через несколько минут, после того как загрузил наше фото: «Любовь зарождается внутри недр незнакомца, который однажды станет вашим всем. #Япииш#МирПорнушика».

Он испорчен и нуждается в помощи. Мне нужна помощь, чтобы по-прежнему любить его, потому что — да я влюблена в него. Эта острая боль в моей груди, одержимые мысли... это всё — любовь.

Райский звук рингтона «Шервудского леса» доносится из телефона, и моё сердце запнулось само по себе.

Джастин Вайлд: «Привет, красавица. Скучаю по тебе. Дай обнять тебя. 212 Вотер стрит. Квартира 3С. Напиши смс, когда доберёшься сюда, и я тебя впущу».

Я уставилась на сообщение, противоречивые чувства крутятся в моём сердце и уме.

«Я занята», — отвечаю я и смотрю, как маленькие пузырьки пересекают экран, моё сердце колотится, пока он пишет мне ответ.

«Пожалуйста... Я только о тебе и думаю».

А затем он присыпает одну из этих рожиц с поцелуйчиками и маленькие умоляющие ручки. Моё сердце смягчается, в конце концов, прошло всего два дня. Только два дня без сообщений или звонков — избегая меня. Он занят. Возможно, только возможно, я играла в эту игру слишком настойчиво. Как я могла рассчитывать, что он сделает себя уязвимым, чтобы полюбить меня, когда я действую так, как будто мне наплевать на него? Ещё один шанс, Джастин. Так что я вытираю слёзы под моими глазами, поправляю макияж и выхожу за дверь. Пятью минутами позже, я стою перед 212 домом на Вотер стрит, и у меня трясутся поджилки — мои нервы на пределе. Поскольку я хоть и спала с Джастином, и могу закрыть глаза и представить, как он выглядит

обнажённым и мокрым, стоя в душе с этой ухмылкой на лице, но по-прежнему остаются моменты, когда я точно осознаю — кто он.

Я отправляю ему смс и даю знать, что я здесь, моментом позже он выходит из дверей в паре спортивных шорт и плотно подогнанной тенниске.

— А вот и моя прекрасная девочка, — произносит он, обворачивая свои руки вокруг меня и притягивая к себе для поцелуя. Я могу почувствовать виски на его губах — дорогостоящий, селекционный, с густым древесным вкусом. Его руки скользят к моей заднице и сильно обхватывают её. — Все те вещи, что я собираюсь вытворять с тобой, — ещё один поцелуй, и его пальцы переплетаются с моими, он ведёт меня наверх, в сторону дома 212 по Вотер стрит. Девочка дальше по улице хихикает. И я могу поспорить — она хочет быть мной, но она — не я. Не она девочка Джастина Вайлда. А я, бл*дь.

Дверь распахивается, и мы в невпечатляющем фойе. Груда коробок для переезда свалена справа от двери, велосипед опирается на стену около них. Я следую за Джастином к лифту, моя рука всё ещё в его, его большой палец нежно потирает мои костяшки. *Ты не ведёшь себя так с приятельницами по траху. Нет, не ведёшь, но всё равно приглашаешь их трахнуть тебя.*

Лифт поднимает нас на пятый этаж, и мы выходим, направляясь к последней квартире справа. Он открывает дверь, и Кобейн стремительно выскакивает, лая.

— Ох, ну перестань, Кобейн. Она — наша подруга, — он гладит его по голове, и пес успокаивается, продолжая вилять хвостом, стучая им по стене напротив входа. — Теперь. Место, — Джастин указывает через комнату, и собака спешит, запрыгивая на полосатое спальное место перед огромным панорамным окном во всю стену.

Я осматриваюсь вокруг. Везде чисто. Черно-белые фотографии на стенах. Красная софа, диван на двоих и чёрно-белое полосатое кресло в углу. Я следую за ним в гостиную, и он указывает мне, где присесть.

— Не желаешь ли вина? — спрашивает он. Я киваю, пока присаживаюсь, а он идет на кухню. Над вышеупомянутым креслом выставлена на обозрение гитара. Я искоса смотрю на неё и едва могу разобрать подпись, накарябанную на блестящей чёрной поверхности.

— NIN (*прим.: имеется в виду группа Nine Inch Nails*), — произносит он, протягивая мне бокал шардоне. — Встретил их, когда они играли на Мэдисон-сквер.

— О, ничего себе. Обожаю их.

Terпеть их не могу...

Он усаживается на кушетку рядом со мной, держа вино и располагая свою свободную руку на моём бедре.

— Ага, Трент довольно классный мужик, — он указывает на что-то позади нас, и я поворачиваюсь. Стена увешана барабанными палочками и медиаторами, плейлистами и обложками альбомов — все с автографами. — Вообще-то я встретил множество крутых музыкантов. Джон Майер (*прим.: американский автор-песенник и исполнитель, гитарист и клавишник*) — мудак. Парень из Tool — весьма, бл*дь, эпичный.

Этичный. Я боюсь, когда используют это слово. *Джастин, нам, что по двадцать?*

— Просто потрясающе, как ты...

— Моя бывшая девушка. Она делала некоторое рекламное дермо для Sony, — он пригубляет своё вино, а меня коробит, когда думаю о них, обнаженных.

— О... — я делаю большой глоток вина. — Это, должно быть, весело.

— Ага, у неё было много веселых моментов.

*Спорю, так, бл*дь, и было.* Я хочу спросить, была ли она брюнеткой. Была ли она тупой как пробка с огромными сиськами и хороша ли в постели, но вместо этого я улыбаюсь. Он забирает мой бокал с вином из руки и ставит на кофейный столик перед нами.

— Я скучал по тебе, — его рука скользит вверх по моей шее и обхватывает мой подбородок, его пальцы зарываются в мои волосы. Я прикусываю свою нижнюю губу. Я

не хочу признаваться, что тоже скучала по нему. — Ты должна простить меня за то, что в последние несколько дней я вел себя как мудак, я просто, это мы... это просто пугает меня. Это офигительно и... — он прикусывает губу зубами, прежде чем снова целует меня, в этот раз жёстче — скорее, клеймя. Он сжимает мои волосы в кулаки, дергает мою голову, наклоняя её на бок.

Я целую его в ответ, постанываю в его рот, рывком притягивая за рубашку и ремень джинсов.

— Боже, как же я ненавижу тебя, — шепчу я напротив его губ.

— Я не верю в это. Мне практически кажется, что ты любишь меня, — моё сердце пропускает удар и пускается галопом, а он подталкивает меня опуститься на кушетку, располагая своё твёрдое тело поверх моего.

И в считанные минуты он внутри меня, и я стону. *И это, Джастин, то, как всё должно быть. Вот так разворачивается история любви. Я знала, что ты изменишь своё мнение, мой милый возлюбленный, я знала это, потому что верю в тебя. Вообще-то, я верю в тебя и меня, так как это правильно. Это правильно. Я должна спасти тебя от тебя самого, ты идиот.*

Я просыпаюсь в его руках, шум и суeta города слышны через единственное двойное стекло. В какой-то момент Кобейн тайком пробрался в комнату и лежит в ногах на кровати, его тяжелый вес на моей ступне является причиной её онемения. Я дёргаю своей ногой, но он не двигается. Джастин перемещается в кровати и стонет.

— Который час, детка?

Я оглядываюсь вокруг в поисках часов, наконец, замечая их на комоде.

— Одиннадцать.

— Е*ать, — он переворачивается на живот, утыкаясь своим лицом в матрац, а затем накрывает голову подушкой. — У меня назначена встреча, на которой я должен быть.

Я гладжу его широкую спину. Его кожа такая тёплая и гладкая, что я просто хочу весь день лежать здесь и прикасаться к нему.

— Не ходи, — шепчу я.

Смеясь, он бросает подушку на пол, затем оборачивает руки вокруг меня, притягивая моё тело ближе к себе, целуя в шею.

— Так просто, да? — ещё один поцелуй. — Проклятье, я думаю, мне следует влюбиться в тебя, — *и что мне тут сказать...* — Не так ли? — спрашивает он. А я пожимаю плечами, и он сдавливает мой бок. — Ты не тешишь моё самолюбие, ты знаешь это, правда?

— Тебе стоит делать всё, что ты хочешь.

— Мммм. Всё, что я хочу, да? — его зубы погружаются в мою нижнюю губу, рука движется по моему бедру. — Трахать тебя — это что-то другое.

А затем, он скатывается с кровати, подхватывая какую-то одежду, и, спотыкаясь, направляется в ванную.

Я сажусь, осматриваюсь вокруг в поисках своей одежды. Моя рубашка на двери. Мои джинсы на полу. Я отбрасываю простынь, ища нижнее белье. *Ага! Вот оно где, забилось в изножье кровати.* Джастин входит назад в комнату с зубной щёткой во рту, синяя пена покрывает его губы, когда я натягиваю трусы, покачивая своими бёдрами.

— Куда это ты собираешься? — спрашивает он, всё ещё чистя зубы.

— Домой.

— Не-а, — он бросается обратно в ванную. Я слышу, как он сплевывает и поворачивает кран. Он возвращается, вытирая полотенцем свой рот. — Ты останешься прямо здесь, — он наклоняется над кроватью, удерживая меня в клетке своих рук. —

Меня не будет всего лишь час, — он целует меня и направляется к двери, останавливаясь, указывая на меня, прежде чем уйти. — Я серьёзно, твоей маленькой сексуальной попке лучше по-прежнему быть здесь, когда я вернусь.

Я улыбаюсь.

— Не беспокойся.

Я жду, пока закроется передняя дверь, а затем выпрыгиваю из кровати и иду к небольшому окну над батареей. Я жду, пока не вижу, как Джастин ступает на тротуар, а затем разворачиваюсь, скользжу в одну из его футболок и иду на кухню.

Квартира устрашающе тиха, кроме раздражающего щебечущего звука кондиционера, отзывающегося эхом в вентиляционной трубе. Я наполняю кружку водой, опираюсь о гранитную поверхность столешницы, и шарю глазами по его гостиной. Мои глаза пробегают по всем тем кусочкам реликвий с автографами позади красной кушетки. *Его бывшей подружки*. Я едва не насмехаюсь над идеей о Джастине с кем-либо ещё, но затем мне становится интересно...

Интернет, ну, в общем, социальные сети в наши дни делают это слишком легким — выяснить что угодно и о ком угодно. О, конечно, вы можете сделать ваш профиль частным, но вы действительно знаете половину из тех людей, которых приняли в друзья на Facebook? *О, да конечно, мы друзья только на Facebook, а не в реальной жизни.* Но всё же, вы позволяете им увидеть каждый аспект вашей жизни: где вы отметились, где вы проводите отпуск, с кем поссорились, кого Вы любите или кого когда-то любили.

Я открываю Facebook, отчитывая себя, что не сделала этого раньше, и пролистываю его фотографии. 2016 — ничего. 2015 — куча селфи. 2014 — случайные фотографии его самого и его друзей парней. 2013, 2012 — ничего. Я собираюсь перейти к сентябрю 2009, прежде чем нахожу фото. Оно единственное, и на нём они вдвоём перед рождественской ёлкой Рокфеллер-центра. Она так уютно устроилась на нём, в шарфе и пальто, её белёсые блондинистые волосы торчат из-под розовой ушанки. *Блондинка? Блондинка!* Джастин, она — *банная блондинка? Её губы прижимаются прямо к щетине на его лице, а он обнимает её. Хотела бы я стереть из моей памяти этот взгляд непередаваемого счастья в его голубых глазах. Я глазую на фото, изучая его. Принимая её. Она выглядит как девочка-соседка, которая будет печь яблочный пирог для новых соседей. Джастин Вайлд, которого я знаю, ну, в общем, он даже бы не попытался второй раз взглянуть на такую девочку, по крайней мере, я так думаю. Опять же, этот Джастин Вайлд был студентом. Он выживал за счет лапши «Рэмэн» и содовой «Клуб Сема». И тогда я практически убедила себя в том, что не имеет значения, любил ли он её, ведь это было семь лет назад. Что этот парень с неопрятными волосами в шерстяном пальто — не тот Джастин, которого я обожаю. Я замечаю её руку. Я увеличиваю масштаб изображения, и там на её левой руке на безымянном пальце — кольцо. Он был обручён?

Я цитирую строки из начала 32 главы его третьей книги в серии: «*Вся любовь — лишь обманчивый облик, ложь, которую мы рассказываем себе, чтобы не чувствовать себя одинокими. Мы хотим принадлежать кому-то и быть важными, мы хотим иметь значение, а есть ли что-то лучшее, чтобы убедить себя в этом, чем быть любимым тем, кого обожаешь больше остальных? Смотреть в её зелёные глаза...*

Я увеличиваю масштаб. Её глаза — зелёные...

«...чтобы в них увидеть ваших будущих детей. Чтобы знать, что её душа хранится все ваши мечты, желания и потребности? И что может быть более трагическим, спрашиваю я вас, чем тот момент, когда вы понимаете, что с этой женщиной у вас нет никакого будущего? Когда вы понимаете, что её слова были абсолютной ложью и невыполнимыми обещаниями, что ваша жизнь так долго была только одним грандиозных мифов этой жизни. Любовь. Мертв. И пусть так и останется».

Он написал этот отрывок о ней. Мой желудок переворачивается и завязывается в узел, образовывая ком. Он написал эту книгу полтора года назад, но его боль, кажется, такой свежей. *Что ты скрываешь, Джастин? Что ты скрываешь?*

Оставляя свой телефон на коленях, я хорошенько осматриваю его квартиру. Книжные шкафы по обеим сторонам окна. Я пересекаю комнату, останавливаясь перед левой книжной полкой, и просматриваю названия. Это все его книги. Все до последней. Копии его собственных книг. Нижняя полка переполнена книгами других авторов, большинство, скорей всего, подброшены ему во время автограф-сессий — авторы, молящиеся Богу, чтобы он прочитал их книги, чтобы они ему понравились, и он упомянул бы об этом в социальных сетях. Встав на колени, я вытягиваю случайную книгу с полки под названием «*Когда я был молод*», автор А.А. Мадисон. Ну что ж, это лёгкое чтиво. Я раскрываю книгу на первой странице.

*«Джастин,
Я не могла бы быть счастливее от того, насколько мы стали близки. Такое
«вдохновение».
Целую, Аманда».*

Я прихожу в себя, сжимая страницы в яростной хватке. Очевидно, что он не открывал эту книгу. Ни один уголок на страницах не загнут, нет ни одного смазанного отпечатка пальца на чернилах. Но всё же, она написала вдохновение в кавычках, и я не могу не думать о том, была ли она его случайным сексуальным партнером. Я запихиваю книгу назад на место, прямо рядом с... моей? Моя книга засунута сюда вместе с другими книгами шлюх? Я сжимаю зубы. Я хочу выдернуть книгу и запустить через всю комнату. Я хочу взять другую книгу, вырвать из неё каждую страницу и забросать ими весь пол его дорогущей квартиры. Хочу сжечь их, но не делаю этого. Я просто перехожу на другую сторону книжного шкафа. Я рассчитываю найти здесь Стивена Кинга, Джеймса Паттерсона, Джона Гришэма. Однако к моему разочарованию здесь только один *баннй экземпляр: «Возрождения» небрежно воткнут среди книг о Nirvana и жизни Курта Кобейна, книгах о Джиме Моррисоне и Zeppelin, Стивене Тайлера. Все книги о жизнях музыкантов. Где «Мизери», «Длинный путь» и «Керри» (прим.: имеются в виду книги Стивена Кинга)? Где, чёрт возьми, литература, Джастин? Я разворачиваюсь, осматривая комнату снова, подумывая, что я, несомненно, что-то упустила. Конечно, Стивен Кинг и Джон Гришэм имеют своё собственное особенное место. И тогда... тогда мои глаза натыкаются на диплом, наполовину спрятанный за его фотографией с этой проклятой собакой. Я отодвигаю раму в сторону и чувствую, как задыхаюсь. Университет Эмори награждает Джастина Вайлдера Томпсона, всеми правами и привилегиями... бла, бла, бла... которые входят в комплект со степенью по... комплексным наукам? Что, бл*ть? Его имя не настоящее, и он даже не специализировался по судебной психологии? Он — лжец до мозга костей. Одна книга Кинга и ни одной Гришэма. Комплексные науки вместо психологии. Томпсон вместо Вайлда. Девочка-соседка вместо шлюх секс-бомб?

Гнев наполняет меня, разогревая мою кожу прямо под поверхностью, поскольку это не мужчина, чьи слова несравненно прекрасны. Ох, он, возможно, и связал все те предложения вместе, чтобы дать выход своему собственному отчаянию, но мужчина, которого он представил общественности, полагающей, что он такой и есть, это — мой взгляд существует обратно к полкам, заполненным автобиографиями музыкантов — это не тот мужчина. Это не самоуверенный и высокомерный маленький засранец, от которого все девочки падают в обморок. Это слабый, жалкий лжец, которому неуютно в своей собственной шкуре. *А если ты не можешь быть тем, кем являешься на самом деле, если ты не можешь полюбить себя, то как, чёрт возьми, Джастин, ты когда-нибудь полюбишь меня?*

Я встаю и маюсь, Кобейн следует за мной. Я обхожу кофейный столик, иду на кухню и обратно, а затем я вижу его ноутбук на оттоманке. Я знаю, что я не должна, но... хватаю его и открываю — пароля нет, серёзно, Джастин? Так.

Для начала я открываю фотографии. Книжные обложки, фото Кобейна, а затем... затем здесь фотографии всех тех девочек, которых он трахнул. Селфи с ними. Фотографии обнаженных тел на гостиничных кроватях. В его кровати. Некоторые лица я узнаю с автограф-сессий, и это, ну, хорошо — я в панике оглядываюсь вокруг в поисках шнура для зарядки его iPhone, хлопаю в ладоши, когда нахожу его рядом с диваном. Я хватаю и выдергиваю из розетки, подсоединяю свой телефон к ноутбуку, скачивая эти фотки для сохранности. *Ты маленький ублюдок, Джастин.* И только я собираюсь закрыть всё, как замечаю pdf файл его книги, которая будет опубликована в следующем месяце (его книга, публикующаяся традиционным способом). Я скачиваю её, потому что с чего бы мне ждать её публикации? Я, в конце концов, трахаюсь с ним. Это даёт мне привилегии. Кобейн навострил уши и понесся к двери с низким грубым лаем. Мой пульс подскакивает, я быстро выдергиваю шнур, закрываю ноутбук, прежде чем бросаю его обратно на оттоманку. Хватаю журнал с кофейного столика, открываю его и ложусь на кушетку.

Щелкает замок передней двери, ручка поворачивается. Я не могу перестать думать обо всех тех женщинах, которые видели меня с ним во время автограф-сессий, они, наверно, думали, что я дура. Это разжигает пламя гнева глубоко в моей груди. Скрипят петли, и Джастин заходит внутрь, бросая свой рюкзак на пол.

— Так, — говорит он. Я смотрю на него над ручкой дивана, он улыбается, пока идет ко мне, чтобы обхватить меня руками. — Я, безусловно, могу к этому привыкнуть, — он целует меня. И я таю. Фигурально — таю, точно так же, как те девушки в романтических романах, я слабею от его простого прикосновения, даже при том, что хочу ненавидеть его. Он отстраняется и идет прямо на кухню, открывает холодильник и захватывает бутылку воды. Моё сердце *стучит, стучит, стучит* о рёбра, пока я наблюдаю, как он откручивает крышку и опрокидывает бутылку. Я наблюдаю, как пузырьки путешествуют по его горлу.

— Что с тобой? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

— О, только не надо на меня так смотреть, — он ухмыляется, пока пересекает комнату. — Не делай этого со мной. Мне так много всего нравится в тебе, чтобы ты так косилась в мою сторону.

— В самом деле?

Он целует меня в шею, его губы холодные из-за воды, которую от только что пил.

— В самом деле, — а я не могу верить чему-либо, исходящему из его рта. Я хихикаю и отталкиваю его. Он выгибает бровь, прежде чем бросает бутылку с водой на пол. — О, ты *так* просто не оттолкнёшь меня от себя, — он игриво настигает меня. Я совершаю непредсказуемые повороты перед каждой его попыткой схватить меня. Он промахивается, ругаясь себе под нос. Я пускаюсь наутёк вокруг дальнего чёрно-белого полосатого кресла, а он преследует меня. Я визжу. Он смеется.

— Иди сюда, детка. Я просто хочу поцеловать тебя.

— Не-а.

— Ты маленькая засранка, — улыбается он. — Когда я доберусь до тебя... — он прыгает на кресло, одна нога упирается в спинку, так что оно может опрокинуться. Одно быстрое движение, и его рука вокруг моей талии, я падаю с ним на пол, и мы оба смеёмся.

Нежно откидывая волосы с моего лица, он смотрит на меня. И там эта мягкость, то же счастье, что я видела на той фотографии перед рождественской ёлкой в Рокфеллер-центре.

— Я думала, что нравлюсь тебе, Джастин Вайлд, — шепчу я.

— Я думаю — это очевидно.

— Немного.

Я пожимаю плечами, а он дотрагивается пальцами до моей щёки, обхватывая мой подбородок. И это тот момент, когда вы чувствуете это — гудение в вашей груди, что скручивает ваши кишки, это ощущение, что именно здесь твоё место. Ну и что, что у мужчины, которого я люблю, книжный шкаф наполнен ложью? Разве мы все не врем

немного во спасение, приукрашивая действительность, чтобы улучшить наш образ? И что из того, что он воняет духами другой женщины? Это всё является частью этого — частью игры, обмана. Я притворяюсь, что ничего не знаю о его маленькой шлюшке, поскольку моя невиновность и его собственное чувство вины настигнет его в конце, и вообще, если он ещё раз вернётся, пахнущий этими специфическими духами, я просто найду её и убью.

— Что с тобой? — спрашивает он, обхватывая своими пальцами мою щёку, смотря в мои глаза так, как будто во мне заключается весь мир. Я застенчиво пожимаю плечами, но моё сердце трепещет в груди, потому что вот — оно. *Ох, Джастин, я вижу это в твоих глазах, я могу увидеть там сомнение, но я могу ощутить слова, которые крутятся у тебя на кончике языка.* Небольшая улыбка растягивает его губы, прежде чем он целует меня, нежно и почтительно. — Боже, я думаю, что я сумасшедший.

— Почему? — шепчу я, пока мои губы скользят по его шее.

— Потому что, — вдыхает и выдыхает он, и это ожидание мучительно. — Пообещаешь, что ты не подумаешь, что я безумен?

— Конечно, — я обнимаю его за широкие плечи и смотрю на него.

— Я просто... — однако, он так и не произносит это, он просто раздевает меня и тянет за волосы, называя меня его грязной маленькой шлюшкой. Он трахает меня, пока пот не начинает струиться вниз по его спине, пока у меня не перехватило дыхание, и всё тело не воспалено. А затем я лежу на его груди, слушая, как бьётся его сердце, пока он засыпает.

Когда дыхание становится ровным и глубоким вместо рваного, я наклоняюсь к его уху и шепчу:

— Я тоже люблю тебя.

Поскольку я знаю, что именно это он хотел сказать.

Глава 18

Джастин

«Звёздный мальчик» — The Weeknd¹⁵

Мариса: «Хочешь поужинать?»

А затем приложенная к этому сообщению фотография полностью обнаженной Марисы. Мой член немного набухает, и я тянусь, чтобы его поправить.

Она выходит из своей квартиры как раз в тот момент, как я подхожу. На ней это маленькое белое платье, которое развевается от ветерка, показывая достаточно её бедер, чтобы мои мысли приняли пошлый оборот. Она делает несколько шагов на встречу, улыбаясь.

— Ты выглядишь мило, — произносит она.

— Оу, именно то, что я всегда и хотел услышать. *Мило.*

— Заткнись, — она толкает меня, и я хватаю её и беру под руку, я не могу перестать думать о том, что это в действительности хорошо. Быть с кем-то. Гулять с кем-то... — Ты когда-нибудь была в «Элмо»? — спрашиваю я.

— Не-а.

— Ну, там так классно. У них есть огромный бургер. е*ать... — я мельком смотрю на неё, и у неё такое каменное лицо, какое только может быть у красивой девушки. — Иисус, у тебя синдром стервозного лица, да?

Она поднимает глаза и моргает ими, небольшая ухмылка растягивает её губы.

— Ага.

Я хватаю ручку двери ресторана, придерживая её открытой для нее.

¹⁵ музыкальный исполнитель

— А они говорят, что галантность умерла, — произносит она со смехом, когда ныряет под моей рукой.

— Я — джентльмен, которого ещё поискать.

— Конечно.

Мы видим столик, и как только присаживаюсь, я замечаю Эми за столом позади нас с какой-то рыжеволосой цыпочкой. Я беру меню, открываю его, пытаясь спрятать своё лицо.

— Лосось сояки — чертовски хороший.

— Ты будешь пить? — спрашивает Мариса.

— Конечно.

Подходит официант и принимает наш заказ, а когда он уходит, я вижу Эми, глазеющую на меня. Я быстро отвожу взгляд и тянусь через стол, хватая руку Марисы.

— Кстати, ты потрясающе выглядишь.

Она улыбается.

— Спасибо.

— Пэм связывалась с тобой по поводу автограф-сессии на Саут Бич? Она сказала, что у неё есть столик для тебя.

— Ага, связывалась. Ты снял номер?

— Ага, и ты остановилась со мной.

И затем...

— Джастин? — я поднимаю взгляд и вижу Эми около стола, всю — бёдра, тонкую талию и зелёные глаза с невинной улыбкой. — Надо же встретить тебя, — она бросает взгляд на Марису, затем обратно на меня, всё ещё улыбаясь. — Это твоя... твоя подруга?

Мариса просматривает свой телефон, даже не обращая на нас внимания. *Вы, должно быть, разыгрываете меня?* Большинство женщин вскипели бы и ноздри уже раздувались, пока они пытались справиться со своими гормонами.

— Ох, э-э, не-е. Эми, это — Мариса, — и я собираюсь сказать что-то, что не залезет под кожу Марисы как ничто другое как, — мой *дорогой* друг.

Мариса поднимает глаза, улыбаясь Эми.

— Приятно познакомиться, — она пожимает руку Эми. — Джастин — классный парень, — произносит она, а затем опять возвращается к своему телефону.

— Ага... — Эми хлопает мне глазками. — Ладно, думаю, увидимся позже. Возможно, мы снова сможем выпить кофе?

Я съеживаюсь от этого комментария.

— Да, конечно? — произношу я и улыбаюсь, пока она возвращается на своё место.

Я стучу пальцами по столу и смотрю на Марису.

— Это не заботит тебя, не так ли?

— Что? Она... — она качает своей головой. — О, нет, а почему должно?

— Я не знаю, херня типа этой обычно заставляет женщин слетать с катушек.

— Ага, ладно, — она кладёт свой телефон на стол. — Я — не большинство девочек, малыш.

*E*ать.* Мне следует упиваться этим. Мне должен нравиться этот факт, что, похоже, никаким образом произошедшее не выведет эту девушку из себя... я должен быть возбужден от того, что нашел горячую чику, которая хочет использовать меня как приятеля по траху, вместо того чтобы пытаться поймать меня и залететь... однако по каким-то причинам это дерзко беспокоит меня. Я хочу, чтобы она была ревнива. Я хочу, чтобы она хотела меня до той степени сумасшедшего дерзма, которое делают все девочки. Я чувствую, что теряю позиции, так что я думаю, мне следует немного активизировать эту игру. Перевести её на следующий уровень. Если и есть одна вещь, с которой девочки не могут справиться, так это мысль о том, что они для вас не на первом месте.

Глава 19

Мариса
«Лидия» — *Highly Suspect*¹⁶

Эти духи. Они атаковали меня, когда она подошла. Это те же духи, которыми он сильно пах на днях. Мне пришлось досчитать до ста, прежде чем я смогла посмотреть на неё без желания схватить нож для масла и отрезать её маленькую жеманную головушку. Хватило же наглости подойти прямо к нашему столику и заговорить с ним. А затем Джастин — *дорогой *баннй друг?* Правда? Вот кто я для тебя?

*Ты видел чёртово полотенце для рук, Ансельма Адамса и все те книги. Я пишу, *б твою матерь. Дорогой друг — мне в задницу.*

Джастин занят написанием смс, пока мы идём домой, — это как пощечина, так что я разворачиваюсь и без слов направляюсь к входу в мой дом. А он следует за мной. Останавливаясь на ступеньках, я оборачиваюсь.

— Что ты делаешь?

— Поднимаюсь, — произносит он как само собой разумеющееся.

— Нет, — улыбаюсь я и кладу свою ладонь на его твёрдую грудь, — ты не идёшь.

— Почему?

— Прости. Но мне нужно писать, и, так или иначе, мы просто — хорошие друзья.

— Ах, да ладно, Мариса, как ещё я должен был тебя назвать, нет слов, чтобы описать то, что между нами.

Я смеюсь, но, Боже, как же я хочу выбить это дермо из него.

— Что между нами, Джастин?

— Любовники и друзья, — улыбается он. Он думает, что он такой остроумный и милый. Но сегодня вечером я разыгрываю карту злой суки. Я кину этого ублюдка в этом кону, так что его голова пойдет кругом.

— Вообще-то, — я ввожу код на входной двери, — у этого есть название — приятели по траху. Попробуешь начать представлять меня так? — я открываю дверь, захлопывая её позади себя. Я едва бросила взгляд через плечо, когда подошла к лифту. Он всё ещё стоит на пороге с выражением полного шока на его совершенном лице. Я могу притворяться, что не заинтересована, я могу говорить, что я не ревнивая, но существует предел. Нужно знать, как и когда поставить на место кого-то типа Джастина Вайлда — это позволит найти путь к его сердцу. Он пойдёт домой и будет думать о том, что он сказал, а затем он отправит мне смс с извинениями. Я прощу его, и у нас будет потрясающий примирительный секс, так я думаю, когда захожу в лифт, поскольку та девочка — блондинка, а он не способен влюбиться в неё, когда я — его вторая половинка. *Он мой. Не её.*

Как только оказываюсь внутри, я ставлю «Папарацци» Леди Гаги на повтор и жду смс или звонка, пока листаю Facebook. Прежде чем я понимаю это, проходит два часа, а он так и он не написал. Не отправил сообщение на Facebook... хотя он в сети. Он постит. Ему понравился комментарий Анжелы о том, какой он горячий на фотке профиля. Он отправил улыбающийся смайлик на новое фото профиля Андрея — той самой с маленькими покрасневшими щёчками — но он так и не нашел времени, чтобы извиниться за то, что был высокомерным мудаком? Он, должно быть, дуется, не постыя бл*дские подмигивающие смайлики эмоджи в социальных сетях. Появляется уведомление. Это фото его собаки с пивом перед его кроватью. #Кобейн#ЖивотныеInstagram

¹⁶ музыкальная группа

Со стоном я швыряю телефон через комнату, а затем обхватываю голову руками. Я чувствую себя идиоткой. Джастин знает, что делает. Я клянусь, что это так. Он видел меня. Он хотел меня. Ну, и конечно, я кинула его. Я сосала его член и стонала для него как маленькая жалкая шлюшка, но я никогда не показывала, что я действительно хочу его. Я давала ровно столько, чтобы было достаточно и держать его в тонусе. Теперь, если я пойду за ним, я буду похожа на очередную жалкую шлюху, заискивающих перед ним. Я не могу ничего поделать, но мне интересно: сколько таких девушки, подобных маленьким больным щеночкам, думают, что он полюбит их? Вероятно, все до единой. *Ладно, знаешь, что, Джастин Вайлд? Иди на х*й! На х*й! На х*й!* Он думает, что победил. Я не сомневаюсь, что он так и думает. Он считает, что поймал меня в клетку смсками и звонками... просьбами. Ох, но в этот раз он выбрал не ту, с кем стоит тягаться и трахать мозг. Он думает, что он — король, пусть король и имеет важное значение, ну, в общем, королева более могущественна. Он думает, что этот его маленький ход — назвать меня другом, а потом игнорировать, — скинет меня с доски. Эми. Эми. Эми. Она — проблема. Она — глупая белая пешка. А пешка — просто расходный материал. Я встаю. Подхватываю мой телефон с пола, проклиная теперь разбитый экран, и я делаю единственную вещь, что я могу в этой ситуации, в которой я оказалась благодаря Джастину, — нахожу её.

Это не трудно. Щелчок по профилю Джастина. Иду в его «Друзья» и печатаю в строке поиска «Эми». Выскакивает примерно 30 имен, и я просто пролистываю список, пока не нахожу среднестатистическую блондинку. Эми Смит. Даже её имя как у девушки-соседки. Я щелкаю по её профилю, и к моей великой радости он открыт. Глупо с её стороны, думаю я про себя и закатываю глаза. Я читаю всё о ней. Куда она ходила в среднюю школу и колледж, я вижу, кто члены её семьи, её друзья, её хобби и интересы. Я трясу головой от отвращения. Она любит блёстки и улыбки и помогает беднякам, а также реалити-шоу «Настоящие домохозяйки». Ну, конечно. Ни одна книга не упомянута. «Бестолковые» и «Блондинка в законе» — внесены в список как её любимые фильмы. Она такая же глубокая, как лужица собачьей мочи, но, держу пари, что у неё узкая маленькая киска, в которую погружается его член. *Не так ли, Джастин. НЕ ТАК ЛИ?!* И вот он — пост трехдневной давности. В день, когда он проигнорировал меня в кофейне. Фотография их двоих, улыбающихся за барной стойкой.

#КлассноПровожуВремяСДжастиномВайлдом#АвторРоманов#Горячий.

Ах, ты, маленькая *банная пи*да.

Глава 20

Джастин

«Нарушать правила» — Max¹⁷

Центральный Парк. Солнечный свет и свежий воздух. Дерьмо голубей и толпы. Это действительно боль в заднице, но вы делаете это для того, чтобы трахнуться. Я улыбаюсь, когда наклоняюсь ближе к Эми. И делаю моментальный снимок на свой телефон. Быстро его редактирую, а она облокачивается на моё плечо.

— Что ты делаешь?

¹⁷ Музыкальный исполнитель

— Заставляю фото выглядеть лучше.

Она хихикает.

— Ох, парень, ты реально шотошопишь свои фото?

— Прежде всего — это не Photoshop, — я закрываю приложение. — А во-вторых, я — публичная личность. Ты же знаешь, я должен хорошо выглядеть. Моё лицо — это своего рода бренд.

— Ага. Понимаю

Я загружаю Facebook, колеблясь перед тем, как разместить фотку. Я редко размещаю свои фото с девочками, потому что, когда я так делаю, люди сходят сума. Мариса так и не пишет мне. Она не позвонила мне, так, может быть, это ввернёт винт ревности и проникнет в неё. Я быстро печатаю подзаголовок и размещаю.

— О, боже мой, взгляни какой милый ребенок, — Эми указывает на лужайку, где какие-то женщины возят толстого малыша. — Ааха. Я хочу подержать его.

Я откидываю голову назад и стону. Это **баная пытка*. Эта девочка такая... девочка. Я верчу в руках травинку и смотрю на свои часы.

— Большое спасибо, что привел меня сюда, — произносит она. — Центральный Парк великолепен.

— Ага.

— Возможно, завтра мы сможем сходить в Музей Естествознания или о, о... — она хватает мою руку и прижимается ко мне на небольшом одеяле, которое она принесла для нашего пикника. Грёбаного *пикника* в парке. — Возможно, в Музей Музыки.

— Да ни за что, — я отодвигаюсь от неё. — Я не пойду в музей Музыки. Забудь об этом.

— Ну же, малыш. Пожалуйста...

Иисус Христос, «малыш» после трех свиданий. Мы ещё даже не трахались. Я закатываю глаза.

— Ни за что. Так или иначе, мне нужно писать.

— Как поживает твоя подруга? — спрашивает Эми, положив голову мне на плечо.

*Е*ать-колотить, эта девчонка нуждается во внимании. Она ведёт себя так, как будто я её парень или какое-то подобное деръмо. Насколько тупой она может быть?*

— Что?

— Твоя подруга. Та симпатичная девочка, с которой на днях ты был в «Элмо».

— О, — я тру рукой своё лицо, всё усугубляется тем, что теперь в моей голове образ грёбаного лица Марисы. Её глаза, губы, и её отношение... — ...она, эм, хорошо.

— Как долго вы дружите?

*Иисус, это что пятый-бл*дский-уровень?* Я впиваюсь взглядом в Эми.

— Не имею, бл*дь, представления. А какая разница?

Она убирает свою голову с моего плеча.

— Прости...

Я вскакиваю на ноги и отряхиваю траву с задницы.

— Мне надо идти писать, прежде чем мой агент надерёт мне задницу.

Она смотрит на меня глазами грустного щенка.

— Я позже напишу тебе или что-то в этом роде, — произношу я, уже отойдя от неё и её грёбаного одеяла для пикника.

Я выдавливаю ещё немного лосьона на ладонь, сосредотачиваясь на хорошем кадре в телике. Вверх — вниз, быстрее — быстрее и — ничего. Вся эта дрочка — чушь собачья. Я откидываюсь обратно на постель, пот бисеринками выступает у меня на лбу, лосьон

покрывает мои руки, а мой член всё ещё твёрдый как бетон. Я мог бы смириться с этим и вернуться к Эми, но я просто не могу пойти туда. Она уже на пятой стадии прилипалы и одному Богу известно, как всё было бы ужасно, если бы я трахнул её.

Я вытираю руку о простыни, хватаю свой телефон и пишу Марисе: «*Скучаю по тебе*».

И это не ложь. Я скучаю по ней.

Глава 21

Мариса

«Порочная любовь» — *Marilyn Manson*¹⁸

Прошло два дня. Два *бучих дня с тех пор, как я разговаривала с Джастином.

*Что, бл*ть, он делает?* Я захожу на его Facebook и проверяю. В ту секунду, когда я прокручиваю страницу вниз, мое сердце тяжелым камнем падает прямо в живот.

Там селфи его и этой гребаной Эми Смит с подписью: #КлассноПровожуВремяСЭми Он никогда не постил свои фотографии с девочками на Facebook. Для него было огромным шагом разместить ту — нашу совместную фотографию на той кровати, где мы голые и сразу после того, как он был внутри меня. Это был его способ сообщить всем тем другим девочкам отвалить. Это было... Я бросаю телефон, запускаю пальцы в волосы и тяну их. Затем встаю и брошу. Брошу. Брошу, сопротивляясь слезам, которые хотят просочиться из моих глаз. Он не стоит этого. *Но всё же.*

Я ложусь, пробую заснуть, но я не могу. *Как я могу? Джастин, ты трахаешь блондинку с этими вульгарными духами.* И всё дело в том, что я придумываю оправдания для него, но в какой-то момент я должна прекратить поощрять его. Я сажусь на кровати, вздыхая, пока смотрю вниз на свой телефон. Мне ненавистно, что я должна быть таким человеком. Правда, ненавистно. Но дело в том, что я люблю его. И кто-то должен помочь ему подрасти, повзрослеть. Судьба — сука... Судьба говорит: «Ха-ха-ха, Джастин Вайлд».

Требуется всего лишь секунда, чтобы найти пиратский сайт: www.freethewords.com. А вообще-то очень легко загрузить pdf файл его новой книги. Я прочитала первые 10 страниц. Я не смогла дочитать. Это — дермо. Мне грустно из-за этого, но так оно и есть. Это не тёмный роман... просто жестокий. Сплошная поножовщина здесь. Стрельба там. И трах. Создается впечатление, что сексуальные сцены были скопированы и вставлены из его первой серии. Просто слова. Бессмысленные слова. Несомненно, выгрузка этой книги нарушает закон, и я уверена в том, что его издатель сможет предъявить ему иск за распространение их интеллектуальной собственности без согласия и расторгнуть с ним контракт, но что в этом самое ужасное? Предоставить его красивые слова общественности бесплатно или то, что он специально разбивает мне сердце? *Тебя надо проучить, Джастин. И ты, в конечном итоге, все поймешь.*

Я делаю это всё до полуночи, прежде чем моя навязчивая идея берет надо мной верх, и я проверяю его Facebook. Он только что сделал пост о какой-то глупой песенке про двадцать одного лётчика. А я не могу отделаться от мысли: спит ли Эми Смит в его кровати или он отоспал её домой после их селфи. Он постирал свои простыни после того, как трахал меня, или он трахает её поверх пятен, что я оставила? Я нажимаю кнопку на той фотографии — нет, я щелкаю по маленькому сердечку и ставлю отметку, что мне

¹⁸ музыкальный исполнитель

нравится это его фото с Бледной молью Эми Смит. А затем я оставляю одну из его е*анных эмоджи 😊 в комментарии в месте с: *Мимими*.

Трубит гудок «Шервудского леса»: «Я скучаю без тебя».

Как бы тяжело мне не было, я не отвечаю.

Давай же. Размещай все эти фотки какие хочешь #КлассноПровожуВремяСЭми. Наслаждайся тем временем, что у тебя есть, потому что, когда я с этим покончу, Эми не захочет иметь с тобой ничего общего, Джастин. Падение короля требует планирования и времени, оно должно быть хитрым. И это должно выглядеть так, как будто я никогда даже и не намеревалась это делать.

Утреннее солнце просачивается в мое окно. Автомобильные клаксоны громко трубят снаружи. Отбойный молоток дробит бетон, а я потягиваю чашку кофе, загружая свою первую рецензию на Goodreads.

Я щелкаю на 1 звезду, улыбаясь за ободком моей теплой кружки, пока пар поднимается вокруг моего лица. И печатаю: «Я была большой поклонницей Джастина, начиная с его первой книги, однако эта же была просто разочарованием. Словарь и структура построения предложений, мягко говоря, повторяется и на любительском уровне. Главному герою не хватает глубины, а замысел книги — просто поверхностный. Честно говоря, эта книга тошнотворна, и любой, кто наслаждается ей, должен быть, болен».

Я вхожу под другой учетной записью: «Мало того, что этот автор полный мудак при личной встрече, так у него, к тому же, нет никакого реального таланта. Одна звезда во всех отношениях. Он — мудак и кто-то должен был запихнуть себе кукурузный початок в зад». Я хмурюсь, когда я размещаю это. Я чувствую себя плохо, потому что он талантлив, но ему просто необходимо, чтобы его скинули с бриллиантового пьедестала. Я только помогаю ему. И затем, ну, в общем, я захожу на Facebook под именем Виджил Антэ (прим.: Дежурная ставка) — поддельный аккаунт, что я завела несколько дней назад, когда надеялась, что до этого не дойдёт — я иду в небольшую группу, что сама создала и которая совершенно уместно названа: «Джастин Вайлд — грязный Мужчина-шлюха». Пока в ней всего 34 участника. Я уверена, что он не всех из них поимел, однако я исследовала их во всех отношениях. И у большинства из них в какой-то момент было что-то размещено с этим мудаком.

Я хрущу костяшками своих пальцев, делаю ещё один большой глоток кофе и печатаю следующее: «Угадайте, что я нашла? Экземпляр «Разрушенного» на www.freethebooks.com. И это — дермо! Я оставила отзыв о том, насколько книга плоха, наряду с тем, что он — мудак на Goodreads. И я советую вам сделать тоже самое. Одному Богу известно, что он рассказывал о вас, если вы на самом деле позволили ему засунуть в вас его член. Боже, я надеюсь, что нет».

А затем с улыбкой я выхожу из аккаунта.

Я заявляю, что подводка для глаз и тушь — лучшие друзья девочки. Глаза — зеркало души, а для женщины, которая точно знает, как применить косметику, они могут кричать о сексе. Я растушевываю черный лайнер Dior под глазами, бросаю карандаш, поправляю волосы и выхожу из квартиры, одетая в короткое черное платье, покачивая бёдрами на моих красных каблуках.

Я взглянула на вывеску: «Ночной клуб Тики Тома». Захожу внутрь — я женщина на миссии. Спасибо Zuckerfucker и Facebook, я точно знаю, где найти «любимую» модель Джастина — Криса Тэлона. Я прокладываю себе путь через переполненную комнату и вот

он там — опирается на барную стойку. Спиртной напиток в его руках. Высокий. Тёмные волосы и глаза. Он одет в одну из этих чёртовых братанских маек с надписью, что гласит: «Привлекательность — пустили под откос». Но, всё же, он симпатичный. И, так же, как у каждого плохого мальчика, у него есть татуировки. *Джастин, мне ненавистно это признавать, но его татуировки лучше, чем твои.*

Я иду прямо к нему и хлопаю по плечу.

— Ты — Крис Тэлон, верно? — спрашиваю я.

Он усмехается, его взгляд скользит по моим ногам и сиськам.

— Ага...

— Я видела тебя на автограф-сессии в Коннектикуте в «Объединении писателей и читателей», — я улыбаюсь и застенчиво накручиваю прядь волос вокруг своего пальца. — Я — писатель.

Крис проводит рукой по своим тёмным волосам и улыбается мне.

— Мир тесен, да?

— Ага, — я делаю глоток, охватывая недавно накрашенными губами коктейльную соломинку и глядя на него. Он усмехается и бесстыдно поправляет себя. — Меня зовут Мариса, — произношу я и протягиваю свою руку.

— Крис, но ты можешь звать меня Большой папочка, — он смеется, ну конечно же.

Я выдавливаю улыбку.

— Ладно, тогда ты можешь просто звать меня Марисой.

— И так, что ты пишешь? — спрашивает он.

— О, ну знаешь, всякое испорченное дерымо.

— Испорченное дерымо? — он выгибаet бровь и большим пальцем постукивает по своей нижней губе. — Я думал, что ты сказала, что пишешь роман?

— О, да. Но, видишь ли, — я делаю несколько шагов к нему, вставая достаточно близко, что могу ощутить, как жар его кожи облизывает мою, — я не верю в сказки. Мне нравится, что мои истории любви будут кровавыми и жестокими.

— Чёрт, — смеется он. — Тогда я хочу быть на обложке одной из твоих книг.

— Я бы поместила тебя на одну, но только потому, что ты — привлекательный, — я веду кончиком своего пальца вверх по его четко структурированной груди, по его шее и к губам. — Ты же будешь на автограф-сессии в Саут Бич в следующие выходные?

— Ага. А ты? — он тянется обратно за своим пивом, его глаза светятся опасно грязными обещаниями.

— Ммммм, — я прикусываю свою нижнюю губу. — Ты остановишься один? — *планирование, Джастин. Я всегда планирую...*

Крис наклоняется, отодвигает мои волосы в сторону, когда его губы шепчут мне в ушко:

— Зависит от того, проснёшься ли ты в моей кровати.

Я отталкиваю его.

— А ты развратный, не так ли?

— Ты даже не представляешь.

— Ммм, — я скользжу глазами по его телу так, как будто он нечто недорогое, а я хочу это купить. И это искусство игры с кем-то, знание того, что их застолбили. Джастина это не заинтересовало, он отверг это. А Крис, ну, в общем, это всё, что требуется — шлюха. — Сделай со мной фото, — произношу я.

Он выдвигает табурет сзади себя и садится на него, поглаживая своё крупное бедро. Я хихикаю и аккуратно присаживаюсь на его колено. Он оборачивает свою руку вокруг меня, берёт телефон из моей руки и вытягивает её. *Щелчок. Щелчок. Щелчок.* Последнее фото — он целует меня в щёку. И это идеально.

— Хочешь уйти отсюда? — спрашивает он, когда его губы прижимаются к моей шее, а я съеживаюсь.

Я встаю и обворачиваюсь.

— Я увижу тебя в следующие выходные, — подмигиваю, когда ухожу от него, улыбаясь. Я едва отхожу от барной стойки, как уже загружаю фото на Facebook. #КристЭлон#Сногшибательный #Автор&Модель.

Королева сделала свой ход. Все пешки повержены. *Джастин, ты либо полюбишь меня, либо я тебя уничтожу.*

Глава 22

Джастин

«Злодейская душа» — Twenty One Pilots¹⁹

Курсор мигает на экране. Снова и снова.

«И это ощущалось как штурм, как будто потоки высасывают, а потом омывают...» — УДАЛИТЬ. Я ни хрена не написал с прошлой недели. Я в буквальном смысле на 235-м слове. А, как предполагалось, сейчас я должен был быть на 15 000 слове. Такое дерымо заставляет меня захотеть пустить это гибридное писательское дело по ветру, но я должен ещё три е*аные книги по этому контракту. Мой последний релиз — отстой, он едва достиг 110 места по мнению *USA Today*. Паника просачивается в мою грудь, пока я смотрю на счетчик слов, желая, чтобы он увеличивался, но всё, что находится в моём мозгу, это груда дерымы с жужжащими над ней мухами.

Мой телефон вибрирует на столе, и я вздыхаю, когда вижу высвечивающееся имя моего агента на экране.

— Господи, бл*дь... — бормочу я, пока поднимаю телефон к моему уху. — Да?

— Какого хера, Джастин? — кричит Дениз в телефон. А я отдергиваю его в сторону, голова Кобейна приподнимается, уши оживляются. — Джастин?

Медленно я подношу телефон обратно к моему уху.

— Прекрати вопить. Что, бл*дь, происходит?

— «Разрушенный»... я только что проверила — он более чем на 100 пиратских сайтах.

Я подскакиваю со своего стула, злой жар просачивается из моих пор.

— Что?

— Дэрил в ярости. Это нарушение условий твоего контракта и...

— Подожди, подожди, подожди! — я брошу, хватая себя за волосы. — Нарушение условий моего контракта?

— С кем ты поделился своим файлом?

— Ни с кем.

— О, Господи Боже. Ты же не давал его ни одной из твоих треклятых девок?

— Что? Нет.

— Клянусь Богом, ты — ночной кошмар пиарщика, ты же это понимаешь?

— Пошла на хер. Вы не мой пиарщик...

— Нет, но я — твой агент. И твой издатель в бешенстве. Эта книга была слита, и всё кончено в этом проклятом месте и... худшая вещь — это отзывы на Goodreads, они ужасны. Ужасны.

¹⁹ музыкальный исполнитель

Перехватывая телефон и удерживая его плечом, я склоняюсь над клавиатурой и открываю в браузере Goodreads, щелкаю по моему профилю: у «Разрушенного» 2.5 звезды? *Вы, бл*ть, разыгрываете меня? Эта книга — чёртова поэзия.*

— Может, и так, но потребители, похоже, уверены, что это — куча дерьяма. Ну, вообще-то, они ещё думают, что ты — мудак.

— Что?

— Пойди почитай некоторые из их отзывов, Джастин. Я говорила тебе, что это только вопрос времени, прежде чем всё к тебе вернётся, чтобы укусить тебя за зад. Всё выглядит так, как будто кто-то хочет преподать тебе урок, особенно после того, как тебе пришлось получить судебный запрет от той девочки, но я не твоя мать. Подожди... — я слышу её за телефоном. Кто-то что-то говорит на заднем плане.

Саркастическая улыбка растягивает мои губы, когда я читаю отзыв: «Ужасно. Четырехлетний мог бы написать лучшую прозу. Полный бред». А затем я перехожу к одному действительно сердечному: «Джастин Вайлд — полный мудак. Он — сексистский долбоёб, который обращается с женщинами так, как будто они существуют на Земле только для того, чтобы преклоняться и поклоняться каждой какашке, что выпадет из его девственной жопы. Не позволяйте его обаянию обдурить вас, леди. Он — полный урод».

— Дерьмо, — стонет Дениз. — Дэрил хочет встретиться со мной и адвокатами, чтобы обсудить расторжение твоего контракта. Восхитительно. Просто восхитительно, Джастин, — а затем, она отключается, и я остаюсь, едва удерживая телефон у уха дрожащими пальцами.

— Е*ать.

Я бросаю телефон на стол, откидываю голову назад и смотрю на потолок, пока пробегаю руками по волосам. Я в бешенстве, что кто-то нашел эту книгу. Меня волнует вопрос, как же они ее хакнули. Но больше всего я обеспокоен теми отзывами. Они не должны были беспокоить меня, потому что книга — точная копия того, что мой издатель проинструктировал меня написать. Некий глупый дермовый роман о втором шансе, в который вовлечён босс наркокартеля. Раздражающая девчонка и парень-киска. Мое приложение с сообщениями брякает, и я опускаю подбородок к груди, глядя на крошечную коробочку, что выскоцила на моём экране.

Эми Смит: «Привет, горячая штучка: Итак, я наткнулась на эту закрытую группу, что называется: «Джастин Вайлд — мужчина-илюха»... я подумала, что ты должен об этом знать». К сообщению приложена ссылка на страницу с черно-белым баннером и моей фотографией в левом углу. Я не могу рассмотреть что-либо из того, что там размещено, но зато я могу увидеть членов и там на самом верху — Тори.

— Дерьмо, — бормочу я себе под нос. — Сука.

Я подхватываю свой телефон и гневно выталкиваю из себя текст, сообщающей ей, что она — сука, пока иду в ванную, где шлепаюсь на унитаз. Кобейн следует за мной внутрь и усаживается на пол возле двери. Он не спускает с меня глаз, пока я просматриваю новостную ленту.

— Убирайся отсюда! — огрызаюсь я на него, но он всё равно укладывается, поджимая лапы и кладя на них свою голову. *Проклятая собака.*

Обновление. Обновление. Грязная дразнилка — твою мать... какого хера? *Престон стонет, Тобиас стонет, пока они запихивают свои члены в мой рот друг за другом. Кто, бл*ть, такие Л.П. Ловелл и Стиви Дж. Коул?* Противные суки, с которыми я, очевидно, встречался... а затем я вижу фотографию Марисы и этого хуесоса Криса Тэлона. Я стискиваю челюсть. Мои ноздри раздуваются. *Из всех проклятых парней...* Я глазею на

фотку. Он целует её в щеку, всем телом прижимаясь к ней. *O, бл*дь, если она бросила меня из-за этого мешка с...*

Я сворачиваю приложение и пишу ей смску: «Я хочу увидеть тебя».

Иду назад и пытаюсь пролистать новостную ленту, но продолжаю видеть эту фотку, потому что все ей делятся. «Это новая девушка, Криса? *O, она такая симпатичная. Очень милая пара*. Я закатываю глаза от каждого глупого комментария. Итак, я сижу здесь и смотрю на это до тех пор, пока ноги не немеют, а затем, я бросаю телефон на пол. Кобейн подскакивает. Я спускаю воду в туалете, немного брызгаю на себя одеколоном и хватаю его поводок.

— Пойдём, ублюдок. Мы идём на прогулку.

По пути к квартире Марисы, Эми снова присыпает мне смс. «*Боже, как же она раздражает*». Я оперативно присваиваю ей эту ужасную предупреждающую сирену, так чтобы я знал, что это она, и игнорировал, затем запихиваю телефон обратно в карман. Паренёк мчит во весь опор вниз по тротуару на скейтборде и практически сбивает меня.

— Осторожно, мелкий говнюк, — ору я, разворачиваясь, чтобы впиться в него взглядом. Он бросает взгляд через плечо и показывает мне средний палец.

Как только я достигаю тротуара, ведущего к её квартире, Мариса выходит из передней двери в джинсах и обтягивающей футболке — футболке с *Гремлинами*. *Боже, как мы похожи*. Она останавливается на секунду на верхней ступеньке. Нервная улыбка пересекает её лицо.

— Привет, — произносит она.

— Привет.

Она спрыгивает со ступеньки и гладит Кобейна по голове.

— Ты собираешься в кофейню?

— Не-а, я пришел увидеть тебя.

— О...

— Ты остановишься со мной на этих выходных? — спрашиваю я. Её глаза сужаются. Брови хмурятся. Ох, да ладно, эта девочка не может быть сбита с толку. — В Саут Бич? На автограф-сессии, где я получил для тебя столик?

— Я заказала собственный номер, — произносит она, уходя. Я следую за ней.

— Что? Почему?

— Потому что... Мне нужен номер.

— Боже, женщина, — я качаю головой. — Я же говорил тебе, что ты остановишься со мной.

Она останавливается, и я практически врезаюсь в неё. Кобейн продолжает идти, дергая свой поводок и практически лишая меня равновесия.

— Джастин, — произносит она, — я просто не знаю, что чувствую по этому поводу.

— Что? — я пожимаю плечами и хватаю её за руку. — О чём, чёрт возьми, ты говоришь?

Она вырывается из моей хватки.

— Слушай, я только пытаюсь начать свою карьеру писателя и мне просто... — её глаза смотрят в землю, а носком конверсов она царапает трещину в тротуаре. — Я просто, ну, ты знаешь, не нуждаюсь в *такой* репутации.

— Прости, — усмехаюсь я. — В *такой* репутации?

— Ага. Я не собираюсь присоединяться к категории всех остальных твоих друзей, которых ты трахаешь.

— О, Боже.

— Прости. Мне просто нужно было включить свои мозги, ладно? — она вздыхает, и от этого её симпатичного личика тает сердце. — Я думала, что ты другой.

А затем она разворачивается и уходит.

Я оглядываюсь вокруг, но никого нет. Кобейн фыркает на половину съеденный хот-дог, лежащий в сточной канаве. А я, вообще-то, в полном недоумении, пока смотрю, как она уходит вниз по тротуару, покачивая бёдрами. Последняя девочка, которая вот так бросила меня, была Мередит.

Мариса исчезает в толпе, направляющейся в метро, и всё, о чём я могу думать, это то, что гребаный Крис Тэлон приложил к этому руку. Но всё в порядке, так как я не сдамся так легко, и, кроме того, я лучший мужик, чем он когда-либо сможет стать.

Это проклятая сирена ревёт из моего кармана. Со стоном я вытаскиваю свой телефон и перечитываю текст: «*Эй, ты! Разве не ты говорил мне, что будешь в Саут Бич в эти выходные? Я собираюсь туда, чтобы увидеться со своей семьёй. С удовольствие приду к тебе на автограф-сессию и посмотрю что это такое* ❤».

И всё же Бог есть...

Глава 23

Мариса

«Отвратительный мальчик» — Die Antwoord

— Простите, мисс... — прерывает меня консьержка.

Дерьмо, какое имя я использовала на этом раз?

— Мисс Вонн, — я постукиваю пальцем по ограждению балкона, пристально взглядываясь в тёмный берег.

— Да, Мисс Вонн, но Вы не внесены в список как его контактное лицо. И я не могу сообщить Вам номер его комнаты.

Я вздыхаю. Пламя опаляет мои щёки.

— Это нелепо.

— Я буду рада перевести Ваш звонок в его комнату.

— Нет, — стону я. — Забудьте об этом.

И отключаюсь. Я пыталась представиться как его мать, его пиарщик, его персональный ассистент. Но по-прежнему гостиница отказывалась сообщить мне номер комнаты, в которой он остановился. Конечно же, я могла написать ему смс и спросить, но что ж в этом забавного? Поднялся ветер, обдавая меня липкой жарой Южной Флориды. Музыка раздается из микс сета от барной стойки у бассейна. Я смотрю с этого проклятого балкона уже в течение последних двух часов, ожидая увидеть, появится ли Джастин там. У меня нет других причин спускаться туда. Я просто написала ему! Качая головой, я поворачиваюсь, чтобы зайти обратно в прохладный гостиничный номер, когда слышу вопль девочки.

— Джастин, — невнятно выдаёт она.

Я всматриваюсь и практически уверена, что он направился во внутренний дворик. С... моё дыхание перехватывает в лёгких ...ней. Я хватаюсь за край перил, мои суставы хрустят от того, как сильно я их сжимаю. Моё сердце дрожащей глыбой подпрыгивает к горлу, когда я вижу её развевающиеся на ветру блондинистые волосы. Они идут бок о бок, и это сводит меня с ума. Так что я хочу забраться на выступ этого балкона и броситься на барную стойку у бассейна. Тогда моя голова расколется, кровь и мозговое вещество забрызгают совершенно белые шорты, что на ней одеты. Какая-то девочка спрыгивает с барного стула и заскакивает прямо на него, обнимая Джастина за плечи и целуя в щеку.

Эми стоит там. Держу пори — это съедает её заживо. *Ладно, за*бись, привыкай к этому, #КлассноПровожуВремяСЭми.*

Я не могу этого выносить, так что разворачиваюсь и иду в комнату, с хлопком закрывая стеклянную дверь. Я захватываю клоназепам (*прим. клоназепам — противоэпилептическое средство*) из моей сумочки, принимаю две таблетки, запивая их бокалом теплого шардоне. Это для меня — единственный способ отдохнуть. А я не могу допустить, чтобы завтра утром у меня появились мешки под глазами. Джастин даже на секунду не должен подумать, что я исходила на дермо из-за него и его драгоценной маленькой е*анной блондинки Эми.

Это просто удивительно, что некоторые лекарства могут сделать с вами. Я чувствую себя хорошо отдохнувшей и посвежевшей. Я пою в душе, и пока сушу волосы феном, даже немного пританцовываю по гостиничному номеру, прежде чем надеваю своё обтягивающее белое платье. И трачу оставшееся время, тщательно нанося макияж. Карандаш для глаз. Карандаш для глаз. Карандаш для глаз.

Я дуюсь, когда накладываю слой красной как пожарная машина помады на свои губы, удостоверясь, чтобы подчеркнула всю глубину губок бантиком, которыми меня наградила природа. У этой суки Эми тонкие уродливые губы. В этот момент я отклоняюсь назад, чтобы восхититься собой, ну, в общем, я улыбаюсь. Важно знать, какими качествами вы обладаете и как правильно вы должны их использовать. Приходится так поступать, когда имеете дело с таким засранцем, как небезызвестный Джастин Вайлд.

— Он пожалеет, — шепчу я своему отражению, а затем иду к лифту.

Двери скользят, открываясь, и гудение бесед и хихиканье наполняют лифт. Очередь за автографами уже наводнила лестничную клетку и заполняет лобби. Я извиняюсь, пробираясь через толпу, и направляюсь в танцзал. В ту секунду, когда я вижу двери, я нахожу стол Джастина прямо в центре комнаты — *ну, конечно же*. Он сидит за столом, пока волонтеры раскладывают всё за него. И там Эми, прямо рядом с ним, прямо там, где я однажды сидела. Она вся — это возбужденные улыбки и поза прямо-таки королевы красоты. Эта помада цвета сахарной ваты выглядит нелепо. Она улыбается ему. Он улыбается ей в ответ. Она — симпатичная девочка. Но этого не достаточно для этого мудака. Ему необходима сногшибательная. Ему нужен кто-то, из-за кого люди оборачиваются. Он любит девочек, которых грезят поймать большинство мужиков. *И, Джастин, она — блондинка, а ты, чёрт побери, не любишь блондинок!* Эми занята раскладкой его книг в стопки. А ассистент в этот самый момент, стоя на коленях, размещает коробки с книгами у его ног. Я держу пари, она притворяется, что встала на колени для него. Как будто он собирается вытащить свой великолепный член и шлепнуть им по её жаждущему рту.

Он осматривается вокруг, и его взгляд останавливается на мне. Он ухмыляется, а я отвожу взгляд. Каждый мой уверенный шаг определяет движения моих бёдер в провокационной манере «ты-хочешь-трахнуть-это-тело». Я смотрю прямо перед собой и точно знаю, что он это заметил. О, этот ублюдок, заметил. Держу пари, он представляет, как завалит меня в кровать: сначала лицом вниз, приподнимая мои бёдра и удерживая в кулаке мои волосы, пока будет погружаться в меня. И он уверен в том, что это снова повторится. Конечно, он уверен... он такой самовлюбленный ублюдок.

Мои коробки стоят перед моим столом, и я убеждаюсь, что моя попка смотрит в его направлении, когда нагибаюсь, чтобы вытащить пачку книг в мягкой обложке из коробки. Я должна быть возбуждена от ощущения блестящей обложки книги в моей руке, но нет... потому что Эми с ним вместо меня. Я бросаю стопку на стол, пытаясь остановить

неистовую ярость, струящуюся по моим венам. *Я не *баная блондинка.* И я вздыхаю, потому что, по крайней мере, это так. Я слегка выставляю своё бедро в сторону, когда наклоняюсь, чтобы вытащить большее количество книг, а затем складываю их на стол. *Наклоняюсь. Выпрямляюсь. Наклоняюсь. Выпрямляюсь.* Когда я достаю последнюю книгу со дна коробки, я смотрю через плечо. Джастин всё ещё пялится, а Эми по-прежнему разбирает его книги. Я перекидываю волосы через плечо и обхожу вокруг стола, чтобы занять своё место. *А теперь, где Крис Тэлон?* — спрашиваю я себя.

Я осматриваю комнату в поисках стола Джей Л. Браун. Через проход и два стола налево я вижу черный баннер с розовой надписью. Там, на краю стола, уселся в наполовину расстегнутой рубашке, полностью демонстрирующей его грудь, Крис Тэлон. Я вижу, как Крис разговаривает с другой моделью и смеётся. А затем он замечает меня. Я улыбаюсь. Он улыбается. Несколько минутами позже он подходит к моему столику — весь такой святящийся и пуская в ход всё своё оружие.

Он останавливается передо мной, облокачиваясь двумя руками о край стола, пока сам слишком очевидно пялится на мою грудь.

— Бл*дь, какое сексуальное платье.

— Спасибо.

Он перебирает страницы одной из моих книг. Выбирает страницу и читает сточку — и у него отваливается челюсть.

— Твою мать! — он переводит взгляд на меня. — Это такое нездоровое дермо. Кровь и трах.

Моя усмешка углубляется.

— Я же тебе говорила.

— Срань Господня, — он перелистывает страницу и продолжает читать. — Ты больна. Я это обожаю, — он перехватывает книгу поудобнее. — Сколько?

— Ох, — я взмахиваю рукой в воздухе. — Просто возьми её. Всё в порядке.

Крис прикусывает свою нижнюю губу, его глаза следуют к моему рту.

— Спасибо, — он тянется вперед и проводит своей рукой по моей щеке. — Спасибо, красивая женщина.

— Крис? — вскрикивает его писатель. — Другой автор хочет, чтобы ты тоже подписал книгу, дорогой.

Он крепко сжимает мою книгу в руках.

— Я скоро приду увидеться с тобой, Мариса.

— Конечно.

Улыбаясь, он разворачивается и идет обратно к своему столу. Я бросаю взгляд на Джастина. Он всё ещё наблюдает за мной, однако эта гребаная ухмылка исчезла. Он практически неуловимо качает головой, прежде чем отворачивается, чтобы поговорить с его «полной надежды потрахаться» ассистентке. Я смеюсь. *У*бок. Ты не единственный, кто знает, как играть в эту игру. О, нет, мой дорогой Джастин, игры только начались.*

Моя голова с глухим стуком ударяется об окно гостиничного номера. Руки Криса работают под трусиками между моих бёдер, его голая грудь прижимается к моей, пока зубами он прикусывает мою нижнюю губу.

— Дерьмо, я собираюсь оттрахать тебя, — произносит он с рычанием, а я хочу закатить глаза.

Я вслепую хлопаю по ручке двери, наконец-то обхватывая её своими пальцами. Я хватаю и дергаю её, пока она на дюйм или около того не открывается. Шум плеска воды, песня Боба Марли и смех людей пробивается через щель.

Крис отстраняется на мгновение, его твердый член прижимается ко мне, пока я киваю, указывая на открытую дверь.

— Трахни меня там, — шепчу я.

— Что? — хихикает он. — На балконе?

— Да, на гребаном балконе, — произношу я, подцепляю его боксеры и тяну их вниз по его ногам, прежде чем обхватываю рукой его член. — Возьми презерватив, — я толкаю дверь, полностью открывая ее. Ветер хлестнул из-за угла гостиницы. Мы на пятом этаже — достаточно высоко, чтобы эти люди действительно не смогли увидеть нас, но достаточно близко, чтобы они услышали нас. Легко различимый смех Джастина разносится в воздухе, и это, ну, в общем, заставляет меня улыбнуться.

— Ты — немного с приветом, да? — спрашивает Крис. Он выходит на балкон, раскатывая презерватив по своему стволу.

— Я предпочитаю, когда меня называют маленькой грязной шлюшкой, — улыбаюсь я, прежде чем наклоняюсь, располагая свои руки на спинке кованого железного стула.

— Иисус Христос. Женщина, где ты была всю мою жизнью? — он хватает меня за волосы — и всё неправильно. Он просто тянет их. Нет никакой страсти в том, как он это делает. Он протирает своей рукой мою задницу, хлопает по ней, а затем толкается внутрь меня, его пальцы врезаются в мои бёдра. Мне не нравится то, как ощущаются его руки. Они ощущаются такими неправильными. Слишком мозолистыми. Слишком маленькими. Крис не обхватывает мои бёдра так, как будто хочет сломать меня. Он не трахает меня достаточно жёстко, потому что он — не Джастин.

У меня ползут мурашки, когда он стонет. Желчь поднимается по моему горлу, и я чувствую себя виноватой, потому что Джастин был последним мужчиной, который был похоронен во мне так, и я никогда не хотела, чтобы другой мужчина был здесь. Я никогда не хотела испортить то, что у нас было, но я напоминаю себе, почему я сейчас делаю это. Так что я стоны, и стоны, и стоны, воображая, что это член Джастина толкается в меня прямо сейчас. И я знаю, что он может услышать меня. Я знаю, что он узнает эти звуки прямо сейчас: *Твою мать. е*ать*, — мой голос эхом разносится от бетонной ниши. — *Крис... бл*ть*.

Я заставляю это прозвучать так, как будто наслаждаюсь этим, даже если слезы и струятся вниз по моим щекам. Я выставила на доску свою фигуру, чтобы поставить мат королю. И я это сделаю.

Глава 24

Джастин

«Пойду за тобой» — Bring Me The Horizon²⁰

— Бл*ть. Крис, — стон эхом разносится над барной стойкой у бассейна. Каждый из расположившихся за столиком смотрит вверх на балконы.

Какая-то девочка напротив меня прикрывает рукой рот. Другая глазет широко распахнутыми глазами на гостиницу.

— О, кто-то трахает Криса Тэлона. Счастливая сука.

— Шлюшка... — нечленораздельно бормочет другая девочка, затем откидывает голову, чтобы закинуться ещё одним шотом.

²⁰ музыкальный исполнитель

Ещё больше громких стонов, словно мячики для пинг-понга отскакивают от бетонных стен. Я съезжаю вниз на стул, так как узнал этот стон. *E*аная Мариса*. Я быстро поднимаю глаза на балконы, пытаясь точно определить, на каком они.

— Итак... — бухая девочка напротив меня наклоняется над стеклянным столом, пытаясь слегка увести беседу в сторону. — Как давно вы двое встречаетесь? — она нелепо улыбается, указывая на меня и Эми.

Я смотрю на Эми и прежде чем могу что-либо сказать, она улыбается.

— О, примерно две недели.

*E*ать...* Всё, что я могу сделать, — пожать плечами.

— Ох, ты понятия не имеешь, сколько девичьих сердец ты только что разбила, — взгляд Пьянчужки мечется между мной и Эми, а я задаюсь вопросом: может ли она видеть, как мои щёки краснеют в темноте. — Итак, как вы встретились?

— Ладно, это такая милая история. Я распаковывалась весь день и просто, ну ты понимаешь, мне было необходимо пропустить стаканчик. Я не смогла найти винный магазин и, в конце концов, зашла в тот бар.

Я бьюсь своей головой об стол, поскольку кто-то выбросил меня за пределы моей грёбаной скорби. Я почувствовал, как пальцы Эми пробежались по моей спине.

— Малыш, ты в порядке?

— Да, — фыркаю я, всё ещё уткнувшись лбом в стол. — Просто... — я машу ей рукой, и она продолжает это бл*дство о том, как мы встретились в том баре. О том, что Кобейн был там, и он, должно быть, понял, что у нас связь, и именно поэтому понесся к ней. *A как насчёт того, что ты бросила свои ключи, а он — просто любопытный ублюдок*. Я поднимаю свою голову и слегка прижимаю её к стеклу.

— Ты уверен, что ты в порядке, малыш?

— Ага.

Я сажусь, и планета немного вращается. Три бутылки пива спустя Эми и эта девочка — лучшие подружки, планирующие путешествие «только девочками», а Эми продолжает говорить мне, что я не приглашен. *Боже. Я не планирую разговаривать с ней после этой ночи. Нет никаких проблем в том, чтобы удержать меня в стороне от этой проклятой поездки.*

Стеклянная дверь широко открывается и гордой походкой выходит Мариса. Её волосы подняты верх и собраны в беспорядочный пучок, и она одета в ту рубашку, в которой Крис был на автограф-сессии. Он появляется размежеванными шагами и с широко расправлёнными плечами. Несколько его придурошных друзей находятся у барной стойки рядом с бассейном, и все они приветствуют его и кричат, когда он обходит вокруг бассейна.

— Грёбаный Тэлон, где ты был? — вопит один.

Один коротышка из компании привстает, он и Крис дают друг другу пять.

— Ааа, они там наверху трахали друг друга.

Бросаю взгляд обратно на Марису, которая в этот момент отворачивается от барной стойки, держа в руке бокал со спиртным. Она смотрит на меня, улыбается и идет прямо к моему столику, выставляя это чёртово бедро в сторону, когда останавливается рядом со мной.

— Привет, малыш, — произносит она, слегка хихикнув.

Эми немедленно накрывает мою руку своей, а я хрушу шеей, поворачивая в сторону, кровяное давление мгновенно повышается и пульсирует в моих висках.

— Хорошо провела время, да? — я киваю в сторону Тэлона.

Мариса вздыхает, помешивая соломкой свой напиток.

— Ага. Чертовски классно, — моя хватка на подлокотнике усиливается, и я сглатываю. — А как ты, Эми, — живо произносит она. — Насладилась временем на автограф-сессии? Классно провела время с Джастином, ааа?

— Это было весело. Интересно.

— Такое хорошее слово... — голубые глаза Марисы смотрят на меня, сужаясь, — ...интересно. Джастин хорош в том, чтобы делать вещи *интересными*, — её пристальный взгляд возвращается к Эми. — Ладно, была рада увидеть тебя снова. А сейчас я должна вернуться к своему приятелю по траху. Я уверена, ты понимаешь, правда же, *дорогой друг*?

Oх... Сейчас я сжимаю зубы... *бл*дь, она — это что-то.* После того, как она уходит, все женщины за столом уставились на меня.

— Кто она? — спрашивает одна из них.

— Мариса Доусон. С одним «с», — произношу я, в то время как отодвигаю свой стул назад. — Я вернусь.

— Джастин... — начинает Эми.

— Я сказал: я вернусь, — выдавливаю я.

Моё сердце грохочет в ушах, пока я несусь через внутренний дворик. Какой-то мудак прыгает с бортика в бассейн, обдавая мои ноги и джинсы брызгами воды. Мариса практически вернулась к Крису, когда я хватаю её за руку.

— Эй, — произношу я. — Что, черт возьми, это было?

Она пожимает плечами.

— Я просто сказала привет.

— Привет? — я наклоняюсь ближе к её лицу. Клянусь, я ощущаю запах его одеколона на ней, и это опаляет мою кожу огнём ревнивой ярости. — Это был не просто привет, — мои ноздри раздуваются. — Ты трахалась с ним?

— Прости? — улыбается она, а я усиливаю хватку на её руке.

— ТЫ. ТРАХАЛАСЬ. С НИМ.

Один за другим, она разжимает мои пальцы на её руке.

— Ладно, это не твоё дело.

— Прекрати свою херню, — выдавливаю я через сжатые зубы. — У нас было что-то...

Она откидывает голову назад в саркастическом смехе, прежде чем опять посмотреть на меня. В её глазах холод.

— Ты про*бал это.

Подходит Крис так, как будто несет кучу кирпичей под мышками. Не отводя от меня взгляда, он останавливается рядом с Марисой и отбрасывает её волосы.

— Проблемы, Вайлд?

— Не-а, у меня нет, — я смотрю на него с ухмылкой. — Как на вкус мой член? — стреляю взглядом в Марису, затем оборачиваюсь и иду обратно к столику, где жадно выпиваю своё пиво. — Я иду спать, — сообщаю я всей компании и затем уношуся прочь.

Я слышу, как в патио стул опрокинулся в бассейн, стук высоких каблуков по бетону, а затем рука Эми скользит между моим боком и моей рукой, удерживая меня.

— Не смей оставлять меня, — произносит она.

*E*ать, она — плацца.*

— Послушай, ты приехала на автограф-сессию, увидела, на что это похоже... — я поворачиваюсь и пристально смотрю на неё. Её лицо сморщилось, и она вся такая обиженнная. И как только я подумал, что смогу взять и оказаться внутри неё, я слышу девчачий-е*анный-смех Марисы, что разносится над бассейном, сопровождаемый придурошным хихиканьем Тэлона. — Я просто хочу лечь спать, — повторяю я. — Ты доберешься, правда?

— Ага, — она смотрит в пол, а я засовываю свою руку в карман, вытаскивая наличку, что заработал сегодня во время автограф-сессии.

Я вытягиваю бумажку, пихая её ей.

— Вот, здесь двадцатка для служащего, хорошо? Спасибо, что приехала. Был рад снова увидеть тебя.

Я целую её в лоб, разворачиваюсь и прохожу через дверь.

Я пялюсь на потолок: тёплое раннее утреннее солнце омывает его. Я ни хера не спал, поскольку всё ещё взбешен. Я не должен беситься, но всё же. Так или иначе, я облажался и привязался к Марисе. Меня никогда не беспокоило, когда любая из девочек болталась с другими парнями, но с Марисой всё по-другому. Существует это сумасшедшее гудение, что окружает её, и это как крэк. Захватывающее. Очаровывающее. Что-то, от чего я бы получил передоз, если бы мог. Я провожу рукой по лицу и поворачиваюсь к окну, а затем выползаю из кровати. Комната как будто давит на меня, и мне просто нужно выйти. Пожалуй, пойду, прогуляюсь. Очищу мозг. Так я и поступаю. Прогулка по пляжу в шесть утра.

Когда я делаю второй шаг в сторону бассейна, влажная жара Южной Флориды практически душит меня. Восходящее солнце придаёт песку невероятные мягкие оттенки голубого и розового, изогнутый белый забор обрамляет тропинку. Прямо сейчас мир похож на картинку. Слишком совершенный, чтобы быть правдой. Тёплый песок под моими ногами. Я иду, и следующее, что попадает в поле моего зрения, помимо океана, — Мариса, сидящая на берегу. Её темные волосы развеваются в раннем утреннем бризе. И это — это как картина. Мое грёбаное сердце немного дергается от усилий, и я еле слышно ругаюсь, пока пробираюсь через песок. Когда я останавливаюсь позади неё, она не оборачивается. Хотя я знаю, что она видит мою тень.

— Привет, — говорю я, запихивая руки в карманы.

— Привет, — она не шевелиться, даже с учетом того, что сейчас волосы хлещут её по лицу.

Вздыхая, я шлепаюсь на песок рядом с ней. Волна мчится вперёд и омывает подошвы моих ног, она почти такая же тёплая, как в ванне. И, внезапно, я снова хочу ощутить себя ребенком, пишущим своё имя на влажном песке. Я не уверен, что это за практически полузабытое чувство, особенно, когда оно направлено на женщину. Забавно, как быстро это произошло — забыть такое нежелательное чувство. Хотя Мариса — это, бл*ть. Мариса. И если честно, я бы никогда даже не приблизился к такой девочке, как она,

до книг и писательства. Она слишком красива. Слишком уверена. Слишком шикарна. Оглядываясь назад, она девочка, которую я бы никогда не смог получить. И не то чтобы я был не уверен в себе... Я — Джастин Вайлд... ага, я — Джастин Вайлд... просто я до сих пор не ощущаю себя тем парнем, каким все видят меня. Конечно, легко быть самоуверенным мудаком. В любом случае, это всё просто притворство. Вам не смогут сделать больно, если вы не позволяете людям по-настоящему узнать вас. Мередит знала меня настоящего. Она причинила мне боль. Я тогда хорошо выучил урок, но перед Марисой я капитулирую, так как она — почти точная *баная копия меня. Более симпатичная точная копия, если такие вещи существуют, но я по каким-то причинам чувствую, что наши души — родственные. Как будто в другой жизни мы любили друг друга. Я облажался и понимаю это. *Давай, Джастин ты ведёшь себя как приурок, почему ты просто не скажешь ей, что она — твой грёбаный приз, и покончишь с этим, повесив себя на 12-дюймовой кретинской веревке.*

— Послушай, — произношу я, — Мне... мне жаль, ладно. Я просто... — я вздыхаю и прикасаюсь кончиками пальцев к её спине. — Я плох в этом дерьме: чувствах и всём таком.

— Я думала, что могу делать это с тобой, — шепчет она, сердито смахивая слёзы, струящиеся по её щекам. — Я думала, что просто смогу, ну, ты понимаешь, трахаться с тобой. Я имею в виду, повеселиться и только, я знаю, что ты — игрок. Я никогда не предполагала, что у меня появятся чувства к тебе.

— Детка, ну, ладно, ты должна знать, что у меня тоже есть чувства к тебе? — я наклоняю голову вниз, обхватывая её за подбородок, приподнимая её лицо. — Мариса, ты понимаешь, что в этом что-то есть, верно? — она пристально смотрит на меня, и я клянусь Богом, её глаза такие же голубые, как и этот грёбаный океан прямо передо мной, и такие же глубокие. *Такие же глубокие...* — Боже, я облажался.

— Я просто не хочу быть *твоей* девочкой — худшей из худших. Я никогда не была такой девочкой.

— О чём ты говоришь?

— Глупой девочкой.

— Дерьмо, ты не...

Она прищуривается, и неискренний смех соскальзывает с её губ.

— Нет? Что-то по-другому со мной?

— Конечно же, — я обхватываю её щеку и улыбаюсь, поскольку чувствую что-то волнующее в глубине моего маленького циничного сердца. Там немного жизни, которую только она знает, как вытащить на поверхность, и не важно, как бы сильно я не старался победить это, я не могу. — Я же говорил тебе, что ты другая.

— Слова, Джастин. Я чувствую, что всё это — слова. В конце концов, ты — автор романов. Ты усовершенствовал искусство слова, — она смеётся. — Если честно, то я думаю, что влюбилась в тебя ещё до того, как встретила. Я влюбилась в твои слова, — она качает головой. — Как я так облажалась? Влюбиться в рок-звезду — звучит как самая идиотская вещь, которую только можно сделать, но я начинаю думать, что, возможно, влюбиться в писателя в тысячу раз хуже. Они зарабатывают на жизнь, заманивая нас своими словами, делая самую абсурдную ложь правдоподобной.

И... дерьмо. Вода несётся бурлящим потоком, волны обрушаются на наши ноги, пока солнце поднимается выше над прозрачным горизонтом из белых баражков.

— Всё, что я могу сказать, — прости, и я не хочу, чтобы ты чувствовала себя таким образом, и я определённо не хочу тебя потерять.

Она пристально смотрит на меня. Её ноздри раздуваются. Её прелестные глазки все в слезах, и всё, что я хочу сделать, — это сцеловать их прочь, прямо здесь, под этим восходящим солнцем, рядом с этими ревущими океанскими потоками, потому что, бл*дь, разве не об этом мне нравится писать в книгах? Это совершенно, реально, всё так и есть. И тогда я наклоняюсь, грубый песок скрежещет под моими ногами, когда я беру в руки её лицо и притягиваю к себе.

— Поцелуй меня, — шепчу я, мои губы прижимаются к её.

Медленное дыхание срывается с её губ, а затем она буквально врезается своим ртом в мой. Я целую её. Она целует меня. Наши языки танцуют в злом возмущенном столкновении от страха и нужды. И когда я отрываюсь от неё, чтобы сделать вздох, я смотрю ей в глаза.

— Останешься до завтра? — спрашиваю я.

— У меня рейс в два.

— Мне всё равно. Я куплю тебе другой билет. Я просто хочу провести с тобой ещё один день здесь.

Она прикусывает нижнюю губу, её щёки приобретают застенчивый розовый оттенок.

— Хорошо...

Я улыбаюсь и обнимаю её за плечи.

— Ты знаешь, когда я был ребенком, моя мама имела обыкновение постоянно приводить меня к берегу. Мы собирали ракушки, — смеюсь я.

И мы сидим в тишине, наблюдая, как набегают волны, пока солнце медленно вползает на небо. Если бы я мог заморозить этот момент, я бы это сделал, поскольку я ощущаю умиротворение, но я не настолько глуп, чтобы думать, что всё это продлиться долго. Как бы я не хотел любви, ну, в общем, я сам — свой худший враг.

Глава 25

Мариса

«Великий побег» — *Moby*²¹

Я не могла бы быть более счастливой прямо сейчас. Пальцы ног в песке. Натиск волн передо мной. Восходящее солнце, отражающееся от поверхности воды. И Джастин — да, Джастин, сидящий здесь прямо рядом со мной. Вчера晚няя ночь молчаливо изменила правила игры. Я думаю, что ему не приходилось встречаться с кем-то ещё, играющим в одну из его игрушек. Его *любимую игрушку*. О, #КлассноПровожусVремяСЭми, ты повеселилась, но с тобой покончено, моя дорогая. Покончено. Теплая вода омыла пальчики моих ног, и я подтягиваю колени ближе к себе, таша за ногами кучу песка, пока подползаю ближе к Джастину и облокачиваюсь о его грудь.

— И так тебе понравилась Флорида? — спрашивает он.

— Я в восторге. Жара. Океан, — я вздыхаю. — Я могла бы жить здесь.

²¹ музыкальный исполнитель

— Ну, теперь, когда ты добралась до Нью-Йорка, ты не можешь быть готова бросить его, — он целует меня в шею. — Не бросай меня.

— Что, — хихикаю я, — ты не последуешь за мной?

— Не спрашивай у меня подобное деръмо.

— Скажи мне, что нет.

— Я мог бы, — он вдыхает около моей шеи, его объятия становятся крепче. — Я не знаю, что в тебе такого, но ты просто сводишь меня с ума.

И ты сводишь меня с ума, Джастин. Ты даже понятия не имел... Всегда окупается, если иногда проявлять себя жесткой сукой. Отстаивайте свою собственность. Дайте парню понять, что он не может управлять вами. И я знаю, что он серьёзен, поскольку он меняет мой рейс. Он отправил блондинистую шлюшку паковаться. Такое вы не сделаете ради приятеля по траху. Даже лучшие из игроков не выкинут подобный трюк. Трюк стоимостью в 500 баксов.

Его телефон издает сигнал в кармане, и он вытаскивает его. Небольшой синий экран освещает его лицо, и я хочу упасть в обморок. Его лицо, волны, ревущие перед нами. Чистая романтика разворачивается прямо здесь и сейчас. Прямо сейчас. Между нами двумя — безнадежными романтиками. Безнадежными авторами этого романа.

— Деръмо... — вздыхает он, опуская телефона к песку.

— Что случилось, малыш?

— Мой издатель разорвал контракт со мной, — выдыхает он, попуская пальцы через свои густые волосы. — Бл*дь!

— Что? Что они сделали?

Он скользит руками вниз по лицу и трясёт головой.

— «Разрушенный» каким-то образом был слит. Он на сотне пиратских сайтов и отзывы... — он смеется, и его смех наполнен гневом, неуверенностью в себе и болью. И я чувствую вину из-за того, что он вынудил меня это сделать. Он был слишком гордый и самовлюбленный. — Отзывы настолько ужасны, что мой издатель сказал, что моя первая серия, должно быть, была просто счастливой случайностью.

— Ой.

— Ага, я в жопе, — он заводит руки за голову и ложится на песок, глядя в небо. — Я думаю, мне остаётся только надеяться, что этот инди продолжит переезжать, проводя больше автограф-сессий и прочего этого деръма.

Больше автограф-сессий? Больше автограф-сессий. Большее поездок. Больше девочек... большие путешествий. Больше девочек...

— О, я уверена, что всё будет хорошо.

— Да, — он проводит рукой по волосам. — Ага, я надеюсь на это. Я не знаю, что ещё я смогу сделать.

— Когда твоя следующая автограф-сессия?

— В следующие выходные. Я улечу в Кали прямо отсюда. Ты понимаешь, целесообразнее улететь прямо отсюда, чем сначала возвращаться домой?

— Ага... — я думаю об его отъезде, о нём на другой автограф-сессии в другой части страны. Автограф-сессии, где никто не знает, кто, чёрт подери, такая Мариса Доусон, и как только я пробегаюсь по всем ужасающим сценариям в моей голове, то рисую круг на песке и выдыхаю. — У тебя есть ассистент?

— Да, — произносит он. — Одна из моих читательниц — Терри Ветерс, ты знаешь её, она — та, которая всегда делится моими релизами, постами и материалами. Я обещал ей, что она сможет помочь мне еще несколько месяцев назад, и она явно восторг.

Он смеётся, а я думаю, что мне позже необходимо проверить профиль Терри Ветерс.

— Это хорошо, — я симулирую улыбку даже при том, что мои вены наполняются негодованием и ненавистью. Я знаю, что он будет делать. Эти автограф-сессии походят на наркопритон, а он — наркоман.

Глава 26

Джастин

«Я буду (500 миль)» — *Sleeping At Last*²²

Двери лифта скользят, открываясь, и я выхожу. Одинокий. Свободный... И дело не в том, что мне не нравится Мариса, чёрт возьми, очень нравится, — часть меня даже любит её. Она великолепная, дерзкая, умная и невероятно сексуальная, но преследование... Преследование ушло. Этот натиск эндорфинов от незнания истощился, а я жажду этой эйфории. Завоевание. Завоевание, повышающее моё это, и я не собираюсь соблюдать целибат только потому, что мне нравится обладать ею. Дома. На Манхэттене. На улице Ветерс. Но не здесь...

Я подхватываю спиртной напиток у барной стойки и направляюсь прямо через открывающиеся стеклянные двери на теплую площадку у бассейна. Женщины смотрят на меня. Они перешептываются. Они хихикают и улыбаются. И я обожаю это. Вот почему всё так по-другому в Нью-Йорке. В повседневной жизни я иду в магазин, и никто не обращает на меня внимания. Я сижу незамеченный в переполненной подземке. Конечно же, есть девочка из кофейни. Люди в книжных магазинах, что замечают меня, но главным образом я хожу незамеченным. Во время же этих автограф-сессий, я — рок звезда. Я — автор охранительных книг, который, ну, просто так получилось, в феноменальной форме. На этой арене я знаменит. И я ем эту хрень, как будто это бл*дкая чёрная икра. Я скользжу вниз, бросаю полотенце под палящее солнце и откидываюсь на горячую подушку. Тёплое калифорнийское солнце опаляет мою кожу сияющим жаром, и я выпускаю длинный расслабленный вздох, когда делаю первый глоток своего мохито.

— Вайлд! Черт подери, приятель. Это Вайлд.

Я бросаю взгляд поверх оправы моих солнцезащитных очков от Джарода Пирса — это единственная модель, о которой я не думаю, что это полная лоховская херня.

— Как дело, бро? — произношу я с усмешкой.

— Не очень, — он садится на пустой шезлонг рядом со мной и вытягивается, его пристальный взгляд плавно скользит по периметру бассейна. — Дерьмо, там есть несколько горячих малышек.

— Ага, это же Кали, мужик. Кали (*прим. Кали — сокращенное от Калифорния*), — я смеюсь. — Где ты был? Я не видел тебя несколько месяцев.

— На некоторое время выпал из зоны радара. Вытерпел кое-какое огромное и жаркое дерьмо-шоу с Брианной.

— Ах, да, мужик. Брианна, — Джаред вовсю насаживал эту цыпочку, жену того автора, который поместил его на свою обложку. Они продолжали настаивать, что они просто друзья, но каждый знал об обратном. Затем он начал трахать какую-то читательницу по имени Джиа. Брианна слетала с катушек. Нанесла удар по его имени.

²² музыкальный исполнитель

Ему досталось половина её небольшой банальщины прямо на его жопу. — Именно поэтому ты не трахаешься с замужними женщинами, — произношу я со смехом.

— Ага, но она была просто такой чертовски горячей и, чёрт… чувак, я влюбился в неё.

— И всё же… трахал Джия?

— Я имею в виду, — он пожимает плечами, — дермо просто случается. Мы начали бухать. Одна вешь привела к другой и… — он двигает рукой, как будто метит в базу, — что я могу сказать, у моего члена было своё собственное мнение.

— Ты знаешь, что ты — больной ублюдок?

— Ага, как и мы все, — его пристальный взгляд следует за подтянутой утонченной блондинкой, проходящей мимо с гордым видом. — Хотя, за это я поплатился, — произносит он. — Это дермо выплыло наружу. Автор попросил меня вернуть деньги за обложку, говоря, что они не будут поддерживать мужчину, который не чтит «святость брака». Фотографы отменили съёмку. В общем, полный набор.

— Проклятье, чувак.

— Ага, но сейчас всё успокоилось, — он даёт мне пять. — Так или иначе, кто эта киска, которую ты трахаешь в эти дни?

— Ох, ты знаешь…

— Чёрт, я думаю, что ты трахнул больше, чем я и е*аный Тэлон вместе взятые, — от упоминания его имени я сжимаю челюсть. — Как ты это делаешь? — спрашивает он.

— Слова. Просто накорми их словами. Заставь их почувствовать себя особенными, ну, ты понимаешь.

— Ты кобель.

Я пожимаю плечами и делаю глоток напитка.

— Не-а, разве это наносит вред? Они хорошо себя чувствуют, мы хорошо проводим время, — это не то, чтобы я обещал им что-то, ну, в общем, не совсем так. Кроме Марисы.

— Играй, но не проигрывай! — Джаред вставляет два пальца себе в рот и свистит девочке. — Ты живешь только раз, ты же знаешь об этом?

— Ага.

Через два шезлонга от меня малышка втирает в себя масло для загара. Её загорелые мускулы блестят под солнцем. Она бросает взгляд в моё направлении, ухмыляясь пока перекатывается на живот.

— Ох, дермо. Один только взгляд делает мой член голодным, — произносит Джаред, потирая свои причиндали.

Я прикусываю нижнюю губу. Блеск на её заднице завлекает меня, и поток крови инстинктивно направляется к члену. Я делаю ещё один глоток прохладного напитка, но вместо того, чтобы встать и направиться к ней, я откидываю голову назад и закрываю глаза. Я могу это сделать.

Джаред встаёт и ныряет в бассейн, прежде чем выныривает рядом с какой-то блондинистой цыпочкой. Я закрываю глаза и практически засыпаю, пока тень не падает на меня, блокируя жар солнца. Я открываю глаза, стягиваю свои солнцезащитные очки на переносицу и смотрю на симпатичную брюнетку в крошечном бикини, стоящую передо мной. У неё два шота в руке.

— Я просто… — она переминается на своих голых ступнях, её совершенные сиськи слегка подпрыгивают. — Вы — мой любимый писатель. Вы — причина тому, что я начала писать.

Она улыбается. Я улыбаюсь.

— Правда? — произношу я, окидывая взглядом её тело. — Ладно, такой комплимент я приму.

— Я — Белла, — она присаживается на край моего шезлонга и вручает мне один из шотов. — «Фаербол» (прим. «Огненный шар» или «Шаровая молния» — сорт канадского виски), — говорит она. Я отклоняюсь со стопкой назад, позволяя этому прогорклому вкусу опалить внутренности моей глотки.

— Дерьмо, — шиплю я, а она вручает мне следующий. Я поглощаю его, прежде чем поднимаю на неё свой взгляд. — Так ты пытаешься меня напоить, да?

— Возможно... — она пожимает плечами. Я должен проглотить шот, иначе это будет грубо, теперь, она дает мне ещё четыре других... Вскоре я, спотыкаясь, направляюсь в гостиницу с ней под ручку, и мы в её номере. Я раздеваю её, она раздевает меня. Её сиськи в моей руке, в моём рту. Она падает на кровать, заваливая меня, а мои кишкы завязываются в узел. Её волосы не пахнут как у Марисы. Это не ощущается правильным, так что я соскальзываю с неё, хватаю свои штаны и натягиваю их.

Она морщит нос.

— Что ты делаешь? — она медленно ведёт рукой по животу, потом между бёдер.

— Я, уфф... — пропускаю пальцы через волосы, неспособный смотреть на неё. Моё сердце стучит. Разум быстро наполняют мысли о Марисе. *И что, чёрт возьми, это?* — Я просто, эх... — поднимаю глаза, и хотя Белла выглядит как модель на развороте «Плейбоя», растянувшись на этих смятых простынях, я не могу даже насладиться этим, потому что чувствую вину. — Я просто, эм... ага.

Киваю, подхватываю свою рубашку и выхожу из её гостиничного номера, дверь с хлопком закрывается позади меня.

Она не Мариса.

Глава 27

Мариса

«*Моё тело — клетка*» — *Arcade Fire*²³

Осталось десять процентов зарядки батареи. Этого достаточно для того, чтобы заставить меня сорваться на бег к моей квартире. Через входные двери, вверх по вонючей и влажной лестничной клетке, в мою гостиную комнату прямо к зарядке. Я откидываюсь на кушетку и вздыхаю, пока продолжаю просматривать Facebook и Instagram загружен фотографиями с автограф-сессии. Автограф-сессии, на которую я не попала. На этой автограф-сессии у него уже был ассистент. Ассистентка по имени Терри Ветерс. Я взглянула на её профиль. Она замужем и с детьми. Как будто меня это волнует. И хотя она не выглядит, как угроза, а, насколько это только возможно, как дурнушка-*банная-Джейн, я понимаю, что рядом с ним это не имеет никакого значения. Я думала, что Джастин хочет горячую девочку. Ту самую, со шлюховатой-алой-помадой на губах и идеальными фальшивыми сиськами, но в течение прошлого месяца я выяснила, что всё не так просто. Давайте не забывать о #КлассноПровожуВремясЭми. Дурнушка и недалёкая *баная блондинка! Одна только мысль о ней заволакивает мой взгляд красным, а давление подпрыгивает опасно высоко. Итак, Джастин, возможно всё, что тебе требуется, влагалище той, которая думает, что ты — бог. Возможно эта единственная предпосылка, чтобы убрать все противоречия в тебе? Качая головой, я опускаю свой взгляд в телефон, пока печатаю #СантаМоникаЭкспоПисателей.

После этого выскакивают фотографии. Читатели с писателями. Писатели с книгами. Афтепати... и Джастин. Джастин. Джастин. Джастин. Что ты делаешь? Все эти

²³ музыкальный исполнитель

фотографии сделаны в кабинке для фото на бл*дской автепати. И почему так много девочек виснет на нём? Почему он позволяет им целовать себя в щёку и щупать мускулы? Я так сильно сжимаю телефон, что моя рука дрожит. Я захожу в Instagram не потому, что я — одержимая, нет, а потому, что я не глупа. Он не заморочит мне голову.

В самом верху моих новостей его пост — конечно же, отфильтрованный. Это фотография его и новой писательницы Беллы Бист... Я закатываю свои глаза от этого нелепого псевдонима. Его подпись под фоткой: «*Рад познакомиться с прекрасной леди. Она пишет кое-какие охренительные книги*».

#АвторыВинстаграме#ОхренительноеДерьмо#ВсеТёмныеСлова. Я кликаю по её имени и киплю от праведного гнева, когда вижу фотку, что она разместила: селфи её и Джастина — одни грёбаные улыбочки и ямочки. #АвторМечта#ОнТакойСимпатичный #МогуЛиЯоставитьЕгоСебе #ТакойОхренительныйПисатель.

Она думает, что пишет испорченное дерьмо? О, я полагаю, что Джастин думает, что она тёмная и извращенная грёбаная идиотка точно с таким же е*аным умом, как и у него? Я щёлкаю по одной из её ссылок на Amazon, и читаю рекламу дерьмо-сбитой мазни. Это смехотворно, правда. Я скачиваю это и отдаю ей ничтожные \$2.99. Пролистываю книгу: «*Красная кровь капала вниз по стенам, но это не беспокоило меня. В этом мире или убей, или будешь убит. Охоться или будь объектом охоты*». Я просматриваю ещё несколько страниц. «*Он спас меня. Напал и вытащил меня, пойдя даже против своей банды...*» — в этом месте я останавливаюсь, поскольку эта история звучит слишком знакомой. Но, заметьте, не манера написания и недостаток её воображения оскорбляет меня. *И это должно было оскорбить и тебя тоже, Джастин!* Я пролистываю всё больше и больше страниц книги, и к тому времени, когда добираюсь до конца, я плялюсь на экран своего компьютера — я мертвенно бледна, потому что это история Джастина, но она изменила концовку. Она, бл*дь, изменила концовку!

Я не могу поверить, что он мог поддержать чью-то работу, которую даже не читал, кого-то, кто так очевидно взял его идею и перепёр всё бедной грамматикой и слишком большим количеством наречий. Но, опять же, наличие влагалища и веры в то, что он — бог, — это всё, что требуется, чтобы получить его благосклонность. Я ничего не могу с этим поделать, я швыряю телефон через всю комнату, и он оставляет глубокий след на стене. Качая головой, я хватаю ноутбук, захожу прямо на Amazon, чтобы оставить отзыв с 1 звездой: «*Любительская писанина. Ворованный сюжет. Джастин Вайлд должен предъявить ей иск*». Коротко и мило. Затем я захожу на Tix Website и оплачиваю домен с именем www.terriblehorribleeverybadauthors.com (прим. дословно переводится как «все ужасно-преужасно плохие писатели точка ком»), и следующие два часа я провожу за тем, что мобилизую свои усилия на блоге, поскольку мне не надо больше никаких е*аных отвлечений. Мне не нужна Белла Бист ещё на какой-нибудь автограф-сессии. Я не могу заставить других людей думать, что они могут избежать неприятностей с таким позорным и неприятным действием. Кроме того, люди любят скандалы. Они любят слухи и драму... а я люблю Джастина, так что я улыбаюсь где-то глубоко внутри, когда печатаю правдивое обвинение: «*Белла Бист — это полный plagiat на историю Джастина Вайлда. Не поддерживайте эту заинтересованную в гонорее воровку...*». Я глазею на мигающий курсор, прежде чем возвращаюсь и удаляю «заинтересованную в гонорее». Я должна заставить это звучать профессионально. Не сердито. Так что я перепечатываю примеры её ужасного письма. Я делаю скриншоты её параграфов, размещая их рядом с такими похожими абзацами хорошо написанной истории Джастина. Но как же мне, мать вашу, заставить этот маленький драгоценный блог выйти в массы, не раскрыв себя? А затем я улыбаюсь. Я немного смеюсь, а эта ожесточённая сука внутри меня маниакально

протирает свои ладошки, в то время пока я создаю новый текстовой блок с заголовком: «*Мариса Доусон — шлюха*».

А теперь, почему я делаю это с собой? По трём причинам. Первая — это заставит выглядеть меня невинной жертвой зверского нападения. Второе — это подстегнёт споры, что поднимут мои продажи, а затем, что наиболее важно, это принесёт расстраивающее откровение всем тем женщинам, кто может быть всё ещё не в курсе того, что великолепный член Джастина вколачивается в меня на постоянной основе. Я одёргиваю себя, повествуя о том, что я его постоянная сожительница на автограф-сессиях и как вся покрыта его членом. Я обвиняю себя в том, что просто трахаю его, чтобы продвинуться в мире писателей, получить читателей и славу. Я пишу о том, какой же шлюхой я являюсь, что трахнула Криса Тэлона на балконе, и что, конечно же, позже я была замечена с Джастином у бассейна, — и *Вы увидите, он будет думать, что это Тори стоит за всем этим*, — Боже, я гений.

А затем я испытываю крайне неприятное чувство из-за того, что мне приходится это сделать, но я должна и я печатаю: «*Джастин Вайлд — мужчина-шлюха года*». Тори втянула его в это, и если я собираюсь сделать это правдоподобным, это должно быть сделано. Мои глаза наполняются слезами, пока я печатаю ужасные вещи о своей второй половинке: «*женоненавистник, самовлюбленный, ходок... он использует женщин, чтобы избавиться от своих собственных личных комплексов. Он незрелый и фальшивый. Лгун и пьяница*». А затем, просто чтобы удостовериться, что это заденет за живое, что я впутаю всех в эту кучу пылающего собачьего деръма, я делаю ещё одну страницу: «*Фотки гарема Джастина*». И загружаю одну за другой фотографии из его компьютера, что я хранила все эти недели. Он подумает, что кто-то хакнул его iCloud... *гребаное Яблоко*. Здесь есть фото Саманты и Трейси, и Аманды, и Лорен. Колоритный небольшой разворот от Барбары и Джен (в конце концов, каждый мужчина имеет право на тройничок). Сара и Кал, Дженифер и Ли. Отум и Джуди, Рокси и Керри, и Лиа... и наконец, ту единственную, что я позволила ему сделать со мной, ноги разведены сиськи наружу. Мы все уничтожены. Все до единой. *Спасибо, Джастин. Спасибо тебе, е*аная, Белла Бист.*

Как шахматный гроссмейстер, я взвешиваю свои шансы. Каждый ход. И я решаю, что отложу это на день, прежде чем поделюсь ссылкой на блог. Затем всё пойдёт по нарастающей. Новая девочка запятнана. Все его маленькие шлюхи возненавидят его, а большая часть его преданных последователей увидят его таким, каким он и является. А я буду одиноким волком, кто встанет на его сторону, кто будет любить его независимо от его многих и многих недостатков. Я буду той девочкой, которая наконец-то победит в его небольшой деръмовой игре, а затем у меня будет моя совершенная история любви. Я буду героиней, которая обыграла трагического плохого парня.

Глава 28

Джастин

«Танец на коленях» — N.E.R.D.²⁴

Кобейн обнюхивает мой багаж, глядя на меня с подозрением.

— Для тебя ничего нет, — говорю я, отпивая из горлышка своё пиво, прежде чем сажусь на кровать. Автограф-сессии, к чертам, добивают меня. Все эти переезды,

²⁴ музыкальный исполнитель

перетасовки. Бухло... Я делаю глоток из бутылки и откидываюсь на спинку кровати. Выхватываю телефон из кармана, чтобы открыть Facebook и посчитать на скольких фотках я был отмечен. Чтобы почитать комментарии о том, как все хотят меня трахнуть. И дело не в том, настолько это высокомерно звучит, а в том, что это правда. Я не просил этого, но это дермо вознесёт до небес этого любого.

Экран чёрный. Я нажимаю кнопку включения, и выскакивает значок разряженной батареи. е*ать. Я роюсь в ящике прикроватной тумбочки, ища зарядку, и подключаю её. Через секунду заряд пошёл, и проклятый телефон сходит сума. Звонит. Звонит. Звонит. Звонит... и всё ещё, бл*дь, продолжает звонить. Кобейн подкрадывается к углу кровати, его уши оживляются, когда он глазеет на включённый телефон на столе.

*Саманта: Ax, ты, *баный мудак.*

*Джен: Я надеюсь, что кто-нибудь отрежет, на х*р, твой вялый член!*

*Лиа: Пошёл на х*й! Пошёл на х*й! НАААААА XXXX*****ЙИЙ!!!*

Как пузырёк за пузырьком выскакивают сообщения, и я просматриваю их дальше. Более семидесяти сообщений. Мои уведомления на Facebook тоже сходят сума. А затем звонит телефон. Мариса.

— Привет, детка, — отвечаю я, пытаясь звучать спокойно, хотя мои нервы взвинчены, а пот, скапливаясь, катится вниз по позвоночнику. — Я скучал по тебе.

— Отъ*бись.

— Что? Что...

— Ты — дермище поганое. Сколько девочек, Джастин? Сколько? Я имею в виду, Боже, и потом... потом, как ты мог позволить кому-то завладеть этими фотографиями. Все эти фотографии, — она замолкает на секунду. Я слышу её сопение. — Ты хоть представляешь, — она вздыхает, и, вот дермо, она плачет, — ... ты понимаешь, почему я такая?

Я в недоумении.

— Детка, помедленней...

— Бл*дь, не зови меня так!

— Хорошо, — стону я. — Мариса, что, чёрт возьми, происходит?

— Почему ты не проверяешь свой любимый бл*дский Facebook, Джастин?

— Я не играю в игры. Просто выкладывай уже.

— Хорошо, кто-то завёл блог, и кто бы это ни был — он ненавидит тебя. Они разгромили тебя и меня, разместили фотографии обнаженных девочек, — она начинает плакать. Бл*дь.

— Обнаженные фотографии, что ты...

— И последняя со мной. Ты её сделал. В своей квартире.

— Что! — мой пульс несется вскачь, мозг закипает от ужасно чудовищного безвыходного положения, потому что как, во имя всего святого, кто-то мог заполучить эти фотографии? Гребаное яблоко и iCloud... Я клянусь Богом.

— Я просто... Я больше не могу с тобой... Не могу, — и она вешает трубку.

Е*ать? Я пялюсь на телефон. Уведомление за уведомлением высвечиваются на экране. Сглатывая, я открываю свой Facebook и смотрю несколько ссылок. Там ссылка на сайт, который называется «Ужасные Преужасные Очень Плохие Писатели», Иисус Христос, они практически укради название у Джудит Виорст (*прим. Джудит Виорст — американская писательница, журналист*). Я перехожу туда, и моё лицо незамедлительно

вспыхивает и ощущается так, как будто собирается воспламениться. Моё сердце стучит, кулаки сжимаются. Этот блог обрушивается с резкой критикой на меня и Марису и... Беллу Бист? Я даже не стал перечитывать статью о Белле. Срать я хотел на это. Я щёлкаю на заголовок так мило названный «Гарем Джастина» — и там фотографии с моего iPhone. Обнаженные фотки всех девочек, которых я трахал в этой индустрии. Все те девочки, с которыми я проводил время и с усилием отвергал или преуменьшал наши отношения, чтобы сохранить своё лицо, чтобы быть выбывшим из игры. Несколько ударами по клавишам моя ложь: «*Я никогда не спал ни с кем в этой отрасли раньше*», обрушилась как Берлинская стена. Выражаясь, бл*дь, словами — всё превратилось в дымящую кучу херни.

Я закрываю лицо руками и стою. Сначала я подумал, что возможно, я смогу опровергнуть это. Говоря, что фотографии чьи-то ещё. Вина того ублюдка — Криса Тэлона, каждый знает, что он — шлюха. Но нет. Половина из них сделана на моей кровати и эта проклятая картина Ансельма Адама «*Титоны и река Снейк*» светится на заднем плане как ублюдочный маяк в борделе.

«*Писатель Джастин Вайлд — спелая ти*да. Почему кто-то хочет читать слова этого неистового членоголового, независимо от того, насколько они поэтичны?*». Это было размещено Эмалин Дей — одним из наиболее известных имён в индустрии.

— Дерьмо! — кричу я и швыряю телефон через комнату, попадая прямо в зеркало на дверце шкафа. Он ударяется по стеклу, оставляя трещину. Кобейн поджимает хвост и забирается глубже под кровать. Это ночной кошмар. Сначала мою издательскую деятельность втоптали в говно, а теперь... теперь моя отчасти незапятнанная репутация только что поймала лихорадку Эбола. И, я думаю, что ещё хуже — я поставил себя и Марису на карантин.

Глава 29

Мариса

«Привет» — *Leo, Pete Cottrel*²⁵

Джастин звонил. Слал сообщения. Я не ответила и никак не реагировала на них. Я хочу, конечно же, хочу, но это часть игры. Какая девочка в здравом уме просто *наплюёт* на это?

Я открываю холодильник и ищу что-нибудь поесть. Остатки китайской еды. Цыпленок и рис. И только я достаю контейнер Tupperware, как раздаётся стук в мою дверь.

— Мариса... — глубокий сексуальный голос Джастина доносится из-за двери, прежде чем он снова стучит. — Пожалуйста, позвольте мне поговорить с тобой.

Я закрываю глаза и свой холодильник.

— Минутку, — я делаю всё, что могу, чтобы звучать измученной и уставшей, как будто я рыдала весь день. Но мои глаза... Я быстро обвожу взглядом кухню, подхватываю лук, который знал и лучшие дни, и нож. Я быстро режу его и протираю своим пальцем по липким внутренностям, а затем прикасаюсь прямо к глазам. Они горят, и я кидаюсь к крану, склоняясь над раковиной, плачу водой в лицо. Жжение в глазах заставляет меня

²⁵ музыкальный исполнитель

щуриться. Я умываю лицо и направляюсь к двери, зная, что мои глаза, должно быть, выглядят так, как будто я плакала в течение нескольких часов. *Нескольких часов, Джастин. Ты — бессердечный ублюдок.* Когда я тяну дверь, открывая, мне приходиться вытираять слёзы, текущие из моих глаз. Я уставилась в пол, смотря на черные «Чак Тейлор» Джастина, пока держусь за край двери (*прим. Chuck Taylors — американский бренд кед*).

— Е*ать, — произносит он. — Прости меня.

Я поднимаю на него взгляд, и слёзы снова начинают течь.

— Я просто не...

— Пожалуйста, позволь мне войти.

Я отступаю в сторону, и он заходит, хватая меня за руку и ведя в гостиную комнату, где обнимает меня за талию и другой рукой приподнимает мой подбородок, вытирая слёзы большим пальцем. *Прямо как в книге. Видишь, как хорошо я могу писать нашу историю, Джастин?*

— Я... — сглатывает он, и я не уверена, что он сейчас в состоянии подобрать слова.

— Я просто... я никогда не хотел причинить тебе боль.

Я выдыхаю.

— Окей.

— Я серьёзно. Я могу быть мудаком, но я имел в виду всё, что говорил тебе, — он трясёт своей головой, прикусывая нижнюю губу своими совершенными белыми зубами.

— Я люблю тебя. Мариса. Я просто... мне просто хреново даётся подобное дермо.

— Все те девочки, я имею в виду... мне плохо.

— Детка, они были до тебя.

Правда ли это, Джастин? Так ли это? Я пялюсь на него моими глазами, которые всё ещё наполняют поддельные слезы.

— Я просто... — он хватает меня и прижимается своими полными губами к моим, и я становлюсь слабой и безвольной. Когда я в его руках, из меня можно вить верёвки. Он отстраняется всего лишь на дюйм, как раз достаточно, чтобы я смогла видеть его голубые-голубые глаза. — Ты всегда была моей самой любимой, — произносит он, и эта нестабильная злость медленно разрывает мою душу, отрывая мясо и плоть от моих костей. Как только я подумала, что он выучил свой урок, он ведет себя как собака, которая не даёт срать в её миску с едой.

Я отодвигаюсь от него, но он снова хватает меня за лицо, крепко удерживая мою челюсть, так что я опасаюсь, останется синяк.

— Подожди, — произносит он. — Ты всегда была моей любимой, Мариса. И всегда будешь, вот почему ты должна быть моей.

Я втягиваю воздух. И теперь я борюсь с настоящими слезами, давясь и бормоча то, что должна сказать.

— Пожалуйста, — шепчу я, — ...пожалуйста, не заставляй меня возненавидеть тебя.

— Я не позволю тебе возненавидеть меня.

Но нет, Джастин, это тонкая грань. Грань между любовью и ненавистью, ненавистью и любовью. Это тонкая, хрупкая маленькая грань, которой ты продолжаешь придерживаться. Придерживаешься. Придерживаешься. Придерживаешься, и ещё один разок потеребишь, ещё один раз ошибешься, и эта грань превратиться в мину, что взлетит на воздух огромным столпом огня.

Глава 30

Джастин

«Колыбельная» — *Frank Carter and The Rattlesnakes*²⁶

Я имел обыкновение дотошно проверять отчеты о продажах моих книг. Я злорадствовал, когда видел, как много денег я загребал. Каждый день я получал новых подписчиков и новые отзывы. У меня была заключена сделка с издательством из «Большой десятки». Организаторы умоляли меня приехать на автограф-сессии, поскольку просто упоминание моего имени позволяло им распродать все билеты. Я был единственным Джастином Вайлдом, так что я купил эту удивительную квартиру в дорогой части города. Я купил этот винтажный «Мерседес» и дизайнерские джинсы. У меня был дизайнер интерьера, который пришел и сделал мою квартиру такой, чтобы она была похожа на квартиру автора бестселлеров. Я дошел от никого до парня, который имел всё, до того парня, который пытается оттянуть сроки снова и снова, поскольку не является безнадежным романтиком. До парня, которого не могла заарканить ни одна девушка.

А теперь... Я щёлкаю на свой отчет о поступлениях и съёжаюсь. Мои продажи упали. Радикально. Моя электронная почта наводнена запросами, чтобы я не приезжал на автограф-сессии, и предложениями вернуть мой депозит, поскольку я доставлю «неудобства» читателям. Очевидно, теперь я — сексуальный хищник. Козёл. Мудак. Ничего не стоящий, бездарный кусок дерма. Мне потребовалось два года, чтобы написать книгу, которая изменила мою жизнь. Потом, кровью, слезами и бесчисленным количеством бутылок виски, чтобы потом кто-то взял и размещением одного поста в блоге разорвал всё это в клочья. Тори написала смс мне вчера и сказала, что наконец-то я сыграл с неправильной девочкой. Сука.

Моя новая книга (которую слили) только сегодня вышла, и у меня всего 325 загрузок. Несомненно, это может звучать так, как будто это много, но когда у вас обычно их тысячи... с этим уровнем я никогда не войду в хит-лист, а если я не войду в лист, то это только докажет, что я — неудачник. Что моя писанина ничего не значит. Что это больше о том, кем я был, как выглядел. Это было чем-то большим, чем просто слова. Я, может быть, провалился, потоплен даже, но я отказываюсь позволить кому-либо ещё увидеть это. Это может быть всего лишь грёбаный внешний вид, поскольку я не дам этой суке удовлетворение от мысли, что она уничтожила меня. Я щёлкаю на кнопку поиска, впечатываю Amazon и название моей книги, а затем делаю то, что я делал для каждого проклятого релиза с тех пор, как закончилась серия «Восприятие»: я нажимаю «Подарить подарок» много и много раз, а... затем я иду в iBooks и Smashwords... и одним щелчком заполняю электронные письма снова и снова до тех пор, пока мой указательный палец не цепнеет. Что касается печатных экземпляров, я пойду на Amazon и закажу ху*ву кучу и просто использую их во время автограф-сессий.

— О, Боже, — стонет Мариса, — ...мой большой палец онемел.

Я бросаю на нее взгляд, улыбаюсь и наклоняюсь через кушетку, чтобы поцеловать её. Спасибо, бл*ть, на этот раз у меня есть кое-кто, чтобы помочь мне.

²⁶ музыкальные исполнители

— Я чувствую себя куском дерьяма от того, что делаю это... — я даже не смею ей сказать, что это не в первый раз. — Я просто не могу позволить всем в том проклятом блоге думать, что они разрушили мою жизнь, ты понимаешь?

— Нет. Я полностью понимаю это, малыш. Всё очень хреново. Я имею в виду, какой человек сделает что-то подобное, так или иначе? — она вздыхает, её пальцы отчаянно печатают и кликают. — Чего они добиваются этим?

— Кто, бл*дь, знает. Большое удовлетворение от того, что они разрушили кого-то. Она качает головой.

— Богом клянусь, некоторые люди нуждаются в огромной палке, чтобы запихнуть прямо в их жопы.

— Я просто ненавижу, что тебя втянули во всё это, — я смотрю на нее поверх своего компьютера, и она смотрит в ответ. — Мне жаль насчет фотографий. Правда.

Нежная улыбка растягивает её губы, и я клянусь, прямо сейчас она выглядит как долбаный ангел.

— Всё нормально. Я имею в виду, когда мне было где-то семнадцать, я имела обыкновение говорить, что я хотела бы попозировать для журнала «Плейбой», так что, ты знаешь... вроде как я вычеркнула этот пункт из списка своих желаний, верно?

Я замолкаю на секунду, и в этот момент снимок проявляется в моей голове, поскольку эта девочка, безусловно, невероятна.

— Ненавижу тебя за то, что ты заставляешь меня любить тебя прямо сейчас, — произношу я, прежде чем снова целую её. Ноутбук сваливается с моих коленей, и я сильнее наклоняюсь к ней, обхватывая руками её сиськи, но она отталкивает меня.

— Мне по-прежнему осталось отправить ещё сотни две книг, если ты хочешь попасть в тот лист.

Смеясь, я возвращаюсь на своё место и подбираю ноутбук.

— Окей, окей... но как только мы покончим с этим, я оттрахаю тебя.

— Обещания-обещания, — произносит она.

Ухмыляясь, приподнимаю бровь, отставляю в сторону свой компьютер и забираю её с колен.

— Эй!

Я закрываю её Macbook и бросаю его на другой конец кушетки, а затем ныряю к ней, наматывая на кулак её волосы и дергая голову на бок.

— Ты думаешь, я, на хрен, не порву твою киску, трахая тебя? — спрашиваю я, проводя языком по её горлу. Член твердеет от моих слов, и я прижимаю свои бёдра к её. Она ёрзает подо мной, её руки поднимаются к моей спине, ногти врезаются в мои плечи. Я щиплю её за шею. — Ты собираешься ответить мне, а?

Мягкий стон соскальзывает с её губ. Она откидывает назад голову, толкая ко мне бёдра. Я снова тяну её за волосы.

— Я собираюсь сорвать это, — говорю я, садясь и срываю вниз по ногам её маленькие коротенькие шортики, затем отшвыриваю их на пол. Я толкаю её бедра, разводя их в стороны, и наклоняюсь, медленно кружка своим языком по её клитору. Она извивается и хватает меня за волосы. А я облизываю её снова, мой язык едва прикасается к ней.

— Дерьмо, — стонет она, а я смеюсь напротив её сладкой киски.

— Я заставлю тебя умолять об этом, — я посасываю её клитор, продолжая раздвигать её ноги шире.

— Дерьмо... — а её следующее слово теряется в глубоком вздохе, поскольку я только что запихнул свой язык глубоко внутрь неё, покусывая зубами её клитор. Её пальцы в моих волосах напрягаются, и она скользит своими бёдрами по моему лицу. Как только её дыхание становится беспорядочным, а бедра начинают дрожать тем особенным способом, я останавливаюсь, отодвигаюсь от неё и трусь своим лицом о её бедро.

— Джастин, — её дыхание затруднено, глаза всё ещё закрыты, ноги широкий разведены.

— Как много книг, ты сказала, нам надо ещё отправить? — я поправляю свой подергивающийся член в штанах и ухожу, подхватывая ноутбук.

— Что? — её глаза резко открываются.

— Как много книг?

— Ты не можешь просто так оставить это!

— О, — произношу я, ухмыляясь, — но я только что сделал это.

Её глаза вспыхивают, дикий огонь мерцает в них.

— Я, бл*дь, убью тебя.

— Ох, ну теперь это немного экстремально, не находишь?

И это отчаяние на её лице... обожаю. Ну, возможно, это не как преследование, возможно, речь идет о прямо здесь и сейчас, вот что значит — быть богом траха. Я отодвигаю свой компьютер в сторону и тянусь к ней, потирая одним пальцем по её влажной киске, прежде чем щиплю за клитор. Она напрягается и обхватывает мои запястья обеими руками, дергая меня вниз. Я приземляюсь сверху, наши глаза встречаются.

— Умоляй меня, — произношу я с ухмылкой.

— Пожалуйста, самое бл*дское пожалуйста, трахни меня, Джастин.

Я наклоняю голову на бок, пока спускаю вниз по бедрам штаны.

— Ты уверена, что это то, что ты хочешь?

— Трахни меня, или я убью тебя.

Её пальцы врезаются в мою задницу, и она притягивает меня к себе. Головкой члена я прикасаюсь к ней, и, чёрт подери, там тепло, и это гладкость ощущается причиной той дрожи, что простреливает мой позвоночник. Я прижимаюсь к ней как раз достаточно, чтобы выманить сумасшедший стон из неё, и тогда я останавливаюсь. Она задыхается, прикусывает нижнюю губу, и я думаю, что, возможно, смогу просто справиться с этим прямо сейчас. Марисы-бл*дь-Доусон может быть достаточно, чтобы сделать это уязвимое чувство любви стоящим, так что я шлёпаю её. Я хороню себя по самые яйца в ней и трахаю с той разновидностью страсти, что клейmit, и всё же в то же время совершенно почтительно. Я дергаю её за волосы так, как будто хочу свернуть её шею, но целую её так, как будто влюблен в неё. Я трахаю её так, как будто она — дешевая шлюха, но я говорю ей о том, как она красива и как хорошо ощущается. Я шлепаю её непочтительное тело, пока наполняю её душу словами и обещаниями, и к этому времени она не больше, чем лужа подо мной, я знаю, что она сокрушена. И если есть один гарантированный способ удержать женщину бегающей за тобой, независимо от того, что вы можете быть мудаком, независимо от всех ошибок, что вы совершили, — это трахать их проклятые души.

Глава 31

Мариса

«Обесцветить» — Flykiller²⁷

Дверцы шкафчика скрипят на кухне, когда я открываю их, чтобы извлечь бутылку с пилолями, что спрятана у дальней стенки. Бутылка «Анчо чили» (*прим.: соус из перца средней степени остроты*), куда я засунула свои витамины для беременных. В любом случае, кто использует «Анчо чили»? Я откручиваю металлическую крышку, вытряхиваю на ладонь большую коричневую пиллюю и быстро закидываю в рот, запивая полным стаканом воды. Банка отправляется обратно в дальний конец полки. Спрятана. Улыбаясь, я бросаю взгляд вниз на мой плоский живот, задаваясь вопросом: на что он будет похож с маленьким младенцем внутри. Насколько симпатичной я буду в глазах Джастина? Несомненно, он не хочет ребёнка прямо сейчас, но мы должны следовать плану. *Во всех эпохальных романах есть неожиданная беременность, Джастин.* А всё, чего я хочу, это идеальная история любви, совершенный сюжет, с лиху закрученным крещендо в finale. В конце концов, он — Джастин Вайлд, и никто не может так, как способен он, закрутить идеальную историю. Как можем мы...

Я бросаю взгляд на Джастина. Он храпит на кушетке, пуская слюни, что ручейком стекают по его подбородку. Я пригласила его на вкусный ужин. Цыпленок под пармезаном и итальянские зеленые бобы, сдобренные несколькими таблетками снотворного. И он в отключке.

Я мою посуду, напевая себе под нос эту новую песню Эда «Lover Boy», пока вытираю руки кухонным полотенцем. А затем хватаю телефон Джастина и шлепаюсь рядом с ним на кушетку, моя рука на его бедре. Он говорит, что я — его любимая, его единственная, но что конкретно он имеет в виду? Конечно, его вышибли с автограф-сессий. Конечно, множество людей отписались от него на Facebook, он потерял подписчиков и в Instagram. И видели бы вы некоторые из комментариев, что он получил под своими публикациями. Вилы на изготовке и остры. Факелы зажжены. Толпа ринулась. Если честно, этот маленький блог нанёс больше ущерба, чем я могла рассчитывать; не то чтобы я хотела *разрушить* его карьеру, но я это сделала. Я просто хотела убрать некоторых из этих девочек от его члена. Разве я о многом прошу?

Семьдесят пять уведомлений о сообщениях. Я кладу палец на иконку приложения и перевожу дыхание, молясь, пока они высекиваются на экран. Первое сообщение: *Сара Бауком*: «Я думаю твой издатель ужасный. Несколько моих друзей помогли мне основать группу в поддержку твоей новой книги. Надеюсь, это взбодрит тебя. Я не знаю, что буду делать без твоих слов или твоей дружбы. Целую». Я закрываю глаза и сжимаю его колено. Возвращаясь к сообщениям, покачивая головой. Все такие кокетливые. Все такие благосклонные, как будто он не может сделать ничего неправильного. *Как мы сможем когда-нибудь исправить это, Джастин? Как мы собираемся выбраться из этого бардака?*

Я читаю ещё несколько сообщений, просматриваю ещё больше фотографий сисек и задниц, на которые он отвечает немного шокированным смайликом 😱 или, в зависимости от того, насколько большие сиськи, маленькими ручками, сложенными для молитвы ☀️.

²⁷ музыкальный исполнитель

Похоже, что он даже вымазанный дёгтем, как грязная шлюха, не сможет поколебать волю некоторых из этих женщин склониться у его ног. *Благословите его*. Я поглаживаю рукой по его футболке. Это как привести петуха-звезду в курятник. Членозвезды. Возможно, у него такая болезнь. Возможно, он — шлюха, нуждающаяся во внимании. Нуждающийся, отчаянно нуждающийся в том типе одобрения, которого у него никогда не было, когда он был ребёнком или подростком. И эти женщины, я не должна из-за них сходить сума. Он — их идол. Мужчина, способный переплести такие строки, как: «*Любовь — это единственное лекарство для безнадежного глупца типа меня... типа неё*». Или: «*Я люблю тебя, даже зная, что ты станешь моей погибелью. Даже когда я лежу, умирая от яда отсутствия любви, что ты ввела в мои вены, каждым своим словом наполненным ненавистью, пожирающей моё сердце и душу, поскольку я предпочту умереть на твоей стороне, чем без тебя*». Они верят в то, что он такой и есть. В то, что он — Джастин Вайлд, ученый, фанат Стивена Кинга и Джеймса Паттерсона. Они верят всему невероятному, что он публикует на Facebook. Они не знают, что он — Джастин Вайлдер Томпсон. Они видят только то, как он улыбается и говорит: «*Спасибо за вашу поддержку*». Они не посвящены в поддельные комментарии, что он оставляет. Они не спят рядом с ним и не слышат его пердёж. Они не видят, как он глазеет на своё отражение, его приложение с сообщениями наполнено пошлыми комментариями и шлюховатыми обещаниями. Джастин Вайлд — это их герой в мире дерзких финалов. Симпатичное лицо. Красивый ум. Это не их проблема, а моя. Ну а я — их проблема.

— Дерьмо, — стонет Джастин, когда выдвигает стул и садится за столик в кофейне. Он потирает своими пальцами глаза и зевает. — Я не знаю, какого черта я так много спал. Прости, я бросил тебя вчера вечером одну, я просто... я не мог продолжать бодрствовать.

— Да, всё в порядке, малыш. Ты под таким стрессом, — я улыбаюсь, когда занимаю своё место и потягиеваю тёплый кофе, поскольку я знаю, каким уставшим может тебя сделать это сноторное. Он так невинен. Действительно, трудно поверить, что он — ужасная шлюха, какой и является.

— Ага, я должен написать другую книгу, или мне пиздец. Я просто не могу... мой мозг не может уйти в те испорченные места прямо сейчас. Дерьмо, я спорю о писательском труде с современницей.

Я впиваюсь в него взглядом, один мой глаз задёргался.

— Современницей? — насмехаюсь я. — Да ладно, Джастин, давай не будем горячиться, — я смеюсь, но в действительности это не смешно. Он тёмный автор — испорченный и развращенный. Он не может жалеть меня. Он даже не может продать себя.

— Ага, бл*дь. Это просто, ну, ты понимаешь, я пробую войти в образ мышления этой насилиственной херни. Это не легко. Это иссушает всю жизнь в тебе.

— Да, я знаю. Я *тоже* пишу тёмные романы, Джастин, — в конце мой голос срывается из-за того, что у меня не получается его контролировать, а он взглянул на меня, выгибая от любопытства бровь.

— Окей, детка, остынь. Я знаю, что ты тёмная, — он смеётся, прежде чем сделать глоток своего напитка. Я хочу встряхнуть его и сказать, что он не имеет об этом ни

малейшего представления, потому что не читал мою книгу. Я видела её, запихнутую там с другими книгами, с перевернутой обложкой.

Звенит звонок магазина, оповещающий об открытии двери. Я поднимаю взгляд и вижу мать, придерживающую на бедре пухлого малыша с копной коричневых завитков. И этот небольшой взрыв рёва и боли от того, что он не читал моих слов, спадает. Я не могу дождаться того момента, когда буду прогуливаться с маленьким человеком, цепляющимся за мои бедра, чтобы забрать утренние кружки кофе для себя и Джастина. Тогда он будет по-настоящему моим.

Мой телефон подает сигнал, что пришло сообщение. Делая ещё один глоток кофе, я сильно провожу по сообщению и практически выплевываю свой напиток. Эд — певец песен о любви, которые растопят даже самые чёрственные сердца, только что написал мне, что *помешан на моей* книге. Он прочитал мои слова. Трепет пульсируя, проходит сквозь меня, сопровождаемый ощущением гордости и правильности, поскольку я могу писать, чёрт подери. И если кто-то типа Эда может это видеть... Я глазею на сообщение, перечитывая его снова и снова. Я смотрю на фотографию моего профиля и тут же замечаю, что мне необходимо выглядеть более знайкой, более чувственной, более...

— Ты в порядке? — произносит Джастин, уставившись на меня поверх дымящейся чашки с кофе.

— Ага, да... ох, да. Я только что получила сообщение от кое-кого, кто сказал, что моя книга великолепна.

Джастин улыбается со знанием дела.

— Ощущается классно, да? Признание, — его усмешка становится шире. — И ты потрясный писатель, — мои глаза сужаются, сердце сжимается от того, как же легко он врёт, но он же рассказчик, разве не так ли? Обманщик до мозга костей. Он лжёт в любом случае, если может сформулировать слова. — Аккуратней, детка, — произносит он. — Материал вызывает привыкание. Как героин, смешанный с крэком.

Я смеюсь, и пот от возбуждения медленно сочится из каждой моей поры, пока я перерываю мои фотографии в поисках той, что будет идеальной. Я выбираю одну, где у меня расслабленное лицо сильной суки. Парни находят этот вид вне конкуренции, потому что сука обычно — это вызов. Я загружаю её как новую фотографию моего профиля, представляя, как Эд ответит каким-нибудь комментарием о том, что я такая же красивая, как цветок. А затем я отвечаю на его сообщение, благодаря за комплимент и сообщив, что я его огромная фанатка.

Затем опускаю свой телефон вниз, Джастин улыбается во всё лицо, когда машет кому-то через кафе. Я разворачиваюсь на своём месте, чтобы увидеть, как маленький пухлый малыш хихикает и машет в ответ. Я кладу свою руку поверх живота и усмехаюсь, прежде чем снова взглянуть на него.

— О, как же это мило, — произношу я.

— Она маленькая симпатичная девочка, — пожимает он плечами, прежде чем прикрывает глаза рукой только для того, чтобы отдернуть её прочь и сделать то выражение — «о, моё совершенство, посмотри, я всё ещё здесь». Маленькая девочка визжит, и Джастин смеется, прежде чем поднимает свой кофе. — Хотя наши дети будут симпатичней.

И всё внутри меня превращается в кашу. Щёки краснеют, сердце трепещет, и я знаю, что он не хочет быть ходоком. Точно. Он хочет роман. Историю любви. И жили они счастливо с детьми.

— Ты с детьми, — смеюсь я. — Это будет что-то.

— Что?

— Только не убеждай меня, что ты из тех парней, которые хотят иметь детей.

— Ладно, может быть, я хочу их только с тобой, красотка, — он подмигивает, когда тянется через сто, и проводит пальцем по моей щеке. И хотя я хочу подпрыгнуть и заорать: «Да, давай сделаем ребёнка прямо здесь и сейчас», я держу свою задницу твердо посаженной на месте, крутя кофейную чашку в руке, когда выгибаю бровь на его высказывание.

— Ты и твои смехотворные строки... — произношу я с усмешкой, поскольку так долго, сколько он будет думать, что я не верю всем его фразам, он будет продолжать преследование. А это всё, что мне нужно от него, чтобы по-прежнему быть в этой игре, поскольку мы практически там... Мы. Наступает решающий момент — я могу чувствовать это.

Глава 32

Джастин

«Большой и страшный волк» — *The Heavy*²⁸

Прошло почти три недели с тех пор, как этот проклятый блог спустил на х*р мою карьеру, оставив меня с калосборником. К счастью, у меня есть мои преданные сторонники, лояльные блоггеры, и меня пока не вышибли с каждой автограф-сессии, но я солгу, если скажу, что не нервничаю из-за следующих выходных. Сообщения, что я получил, комментарии в моём посте о том, что я кусок дерьяма, заставляют меня быть осторожным. Чёрт, одна женщина угрожает принести пушку на автограф-сессию и размазать мои мозги по рекламному плакату, в то время как моя смерть, скорее всего, определенно поднимет мои продажи — я просто пока не готов туда пойти.

Я пытался минимизировать ущерб, разместив публикацию, что меня хакнули. Что мои сексуальные подвиги не должны были стать достоянием общественности. А затем, после сего сообщения, которое я получил, и где утверждалось, что я «непривлекательным мудак без настоящего таланта», мой гнев стал лучшим выходом для меня, и я сказал всем этим козлам, кто хотел прийти за мной, подавиться моими яйцами. Так что... ладно это не помогло в любом случае. Я сказал: меня не волнует, что моя карьера рухнула, что люди ненавидят меня, но правда в том, что меня это заботит. А кого нет? Эта индустрия, в конце концов, сделала меня тем, кто я есть, и таким большим мудаком, каким я только могу быть, и я не забыл этого, даже если я и веду себя так, как будто забыл. Художники действительно находятся в милости у общественности. И прямо сейчас, я чувствую себя по-царски на*баным.

Я уставился на документ Word. На говняный сюжетец, что напечатал: «Подлый убийца встречает невинную девочку (блондинку) и похищает её. Он запирает её в подвале и пытается заставить полюбить себя. Она сходит. Они вместе сходят сума. е*ать это

²⁸ музыкальный исполнитель

дерьмо. НАПИШИ УЖЕ ЧТО-НИБУДЬ, ДЖАСТИН. Это всё, что я сделал за последнюю неделю, я смотрю на этот любительский банальный сюжет. Каждое отдельное слово, что я вытолкнул из себя, чрезвычайное дерьмо. Роющиеся в дерме мухи, так что я решаю сделать лучшую вещь — устроить марафон просмотра сериала «Во все тяжкие» со своей девочкой.

Титры бегут по экрану на фоне Уолта и Джесси где-то посреди пустыни, и Уолт, конечно же, сквернословит.

— Он такой мудак, — произносит Мариса, кладя голову мне на колени. — Он злит меня.

— Бла-бла-бла, в смысле понимаешь, у него происходит много дерьма. Рак... грёбаное производство метамфетамина, — смеюсь я. — Честно говоря, я думаю, что он знает, что делает. Дерьмо, это заставляет меня захотеть прикупить какой-нибудь задрипанный трейлер для путешествий и начать готовить партию.

— Правда, Джастин?

— Детка, — я сжимаю её бедро, — миллионы и миллионы долларов, плюс всплеск адреналина от того, что ходишь по краю.

Она закатывает глаза и поднимает свой телефон, нажимая на экран.

— Как тебя может не цеплять этот сериал? — спрашиваю я, оскорблённый тем, что она находит Facebook более интересным, чем этот удивительный сюжет.

— Не знаю, — вздыхает она. — Просто нет.

— Сюжет, Мариса. Грёбаный сюжет, я думаю о том, как тяжело должно было быть закрутить это дерьмо вместе.

— О. Мой. Бог, — она садится, улыбаясь. — О, Боже мой!

— Что?

— Крис Тэлон, — она смеется, и в её глазах мелькает эта садистское волнение. — Ох, мир слухами полнится. Ходят всё вокруг, да около, а где остановиться не знают, — она снова хихикает, прежде чем вручает мне свой телефон. — Он такой мудак.

Я хочу отшлепать её, наорать на неё за то, что она спала с ним, но не делаю этого, даже если это по-прежнему бесит меня. Я бросаю взгляд на экран и смеюсь. Мариса запостила фотку Криса, которой поделились более чем две тысячи раз. Он в отключке, лежит на полу в зале, где проводилась автограф-сессия, у него разбита губа и подбит глаз. Подпись: «*Вот что случается, когда пихаешь свой член в мою жену*». Оригинальный пост Джимми Фишера, мужа писательницы Дженны Фишер. Я, вероятно, не должен смеяться, но вы знаете: как аукнется, так и откликнется и всё такое. Спать с замужней женщиной — это просто быть в центре внимания в этом дерьмо-шоу. И я могу быть кобелём, но я никогда сознательно не спал с замужней женщиной. Всё, что я хочу сказать, — иногда невежество — это счастье. Я практически вручил ей телефон, когда выскакивает пузирек сообщения от какого-то парня по имени Эд.

Проклятье. Ты выглядишь так горячо на той фотке. Мы обязательно должны встретиться как-нибудь, когда я буду в городе, ну, знаешь, выпьем кофе и поговорим об искусстве.

Приходит другое сообщение. С один из этих е*анных эмоджи с поцелуем и сердцем 😘. Какого хера он посыпает ей смайлики с сердечками? Вы посыпаете такие, только когда пытаетесь... *Ооо, чёрт, нет!* Я бросаю ей обратно телефон, а затем сосредотачиваю внимание на экране телевизора.

— Что с тобой? — спрашивает она.

— Ничего.

Мой пульс пульсирует в висках, когда я задаюсь вопросом, что, чёрт возьми, Эд планирует, какие линии он выстраивает в воображении своего ограниченного маленького мозга. Я сосредотачиваюсь на экране: на одиноком Уолте, идущим через бесплодную пустыню в Нью-Мексико. Покинутый. И это то, что произойдёт со мной. Брошенный всеми, даже Марисой. Вот почему самый безопасный путь — трахать женщин, как дешевый рулон туалетной бумаги. Вы немного расслабитесь и поймете чувства, станете немного преданным, а они на^{*}бут вас из-за какого-нибудь ушлёпка по имени Эд. Мой пульс отдаётся звоном в ушах, кожа словно горит, и я больше не могу это контролировать.

— Кто такой, бл*дь, Эд? — спрашиваю я.

— Что?

O, а теперь она хочет закосить под дурочку?

— Прекрати это дермо, Мариса. Ты не обыграешь игрока. Эд — парень, что только прислал тебе грёбаный смайлик с поцелуйчиком. Кто он такой?

— Ты знаешь Эда — того парня, который поет песню: «Любовник, любовница»? — она улыбается, а я не вижу тут ничего забавного, потому что мало того, что какой-то е*аный энтузиаст по имени Эд охотится на неё, так теперь это ещё и полу-знатокий е*аный энтузиаст! Класс. И это потому, что вы пошли не за девочкой соседкой, а за её противоположностью — бомбой. *e*ать мою жизнь*.

— «The Ed», — я стопорю себя, симулируя смех, чтобы ввернуть шпильку, — почему он отправляет тебе смайлики с поцелуйчиками?

— Он читатель?

— Читатель? — теперь я смеюсь.

— Ага… читатель.

— Ага, хорошо. Как скажешь. Я уверен, что он прочитал твою историю, и я уверен, что она *ему понравилось*.

Она так быстро садиться вертикально, что всё, что я вижу, это пятно тёмных волос и бледной кожи.

— Прости, я что, не получила разрешение разговаривать со своими фанатами?

— Фанатами? — фыркаю я. — Детка, разве ты не думаешь, что эти смс-ки унижают Эда?

Она рычит и впивается в меня взглядом, как будто хочет свернуть мне шею.

— По крайней мере, он прочитал мою книгу.

Теперь её глаза сверкают.

— Я…

— Даже не начинай, Джастин.

— Я…

— Я должна напомнить тебе о тех обнаженных фотографиях, которые опубликовали по всему Интернету, и всех тех противных шлюхах, которых ты трахал? С половиной из которых я должна встретиться на следующих выходных? Даже не начинай, Джастин. Эту битву ты не выиграешь, я ручаюсь тебе в этом.

Её лицо медленно становится красным, ноздри дрожат.

— Я же говорил тебе — это было *до* тебя.

— Ты... — она вскакивает с кушетки и несётся к двери, открывая её. — Я имею в виду, ты даже не хочешь относиться ко мне серьёзно, знаешь. Пошел ты на х*р, — и она так сильно хлопает дверью, что картина, висящая рядом с дверью, дребежит. Кобейн отрывает голову со своего места, бросает взгляд сначала на дверь, потом на меня, прежде чем с ворчанием опускает обратно.

— Девочки — это грабаная боль в заднице, Кобейн. Да, так и есть, — я подхватываю своё пиво с кофейного столика, делаю глоток и засовываю одну руку за пояс штанов. е*аный Эд. Он может поцеловать меня в задницу.

Я провёл два часа — ещё две серии «Во все тяжкие», — прежде чем написал ей: «*Прости. Я просто не хочу потерять мою ДЕВУШКУ*».

Иногда вы должны проглотить эту грабаную пулью.

Глава 33

Мариса

«*Так как я вижу*» — *Bishop Briggs*²⁹

Я — девушка Джастина Вайлда. #ПадаюВобморок. Но даже при этом, он всё ещё должен изменить свой статус на Facebook. Я думаю, что, возможно, после этой автограф-сессии он это сделает. Я знаю, что так и будет, поскольку мы будем в Вирджинии. Штате любовников.

Я вздохнула с облегчением, когда мы вошли в бальный зал сегодня утром, сразу за очередью читателей, ожидающих, чтобы войти. Они все улыбались Джастину, сексуально оглядывая его, пока махали ему. Конечно, я не хотела, чтобы его карьера полностью разрушилась, и я, несомненно, не хотела бы встречаться с самым ненавистным мужчиной в мире индии-писателей, не так ли? Я сажусь за стол и играю в игрушки на своем телефоне, пока Джастин вешает свой рекламный плакат. Часть меня хочет послать Крису Тэлону записку с благодарностью за то, что он такой идиот и трахнулся с Дженной Фишер. Ему стоило лучше подумать, так как даже я знаю, что Дженна не может держать язык за зубами. Он должен был знать, что она похвастается своим друзьям о том, что трахнула его, поделится впечатлением о его огромном-отбойном-молотке, а её муж услышит об этом. Но в действительности я благодарна Крису — такому идиоту, поскольку эта маленькая драгоценная сплетня была именно тем, что нам было нужно, чтобы порно притон Джастина и его долбо*бное поведение были забыты.

Я заканчиваю складывать книги Джастина на столе. Затем складываю свои прямо рядом с его. Джастин Вайлд. Мариса Доусон. Наши имена выглядят так, как будто они принадлежат друг другу.

Другие писатели и модели уставились на нас и перешептываются. Они видят, что мы вместе и разделили стол. Они замечают нас, улыбаясь. Они должны увидеть, что мы влюблены. Каждый ревнует к двум авторам романов, которые нашли друг друга. Какая история любви лучше, чем эта? *Люди, которые пишут слова о любви и о том, что взрывоопасная страсть существует*. Я взглянула на Джастина. Он запихнул ноготь между зубами, губа оттопырена, пока он выковыривает какой-то остаток недоеденного

²⁹ музыкальный исполнитель

бутерброда. Он отщёлкает маленький коричневый кусочек, чем бы это ни было, под стол, а затем обнюхивает свой палец. *Взрывоопасная страсть*. Его рука ложиться на моё колено, и он улыбается мне. Я улыбаюсь в ответ. А затем хихиканье наполняет воздух. Лёгкое девчачье хихиканье привлекает его внимание как свист собаки.

Его глаза быстро смотрят через комнату. Небольшая ухмылка растягивает губы, но он быстро стирает её прочь. Я смотрю через комнату на жеманную штучку, что притянула его взор. Её чёрные волосы, ниспадающие волнами, выглядят идеальными. Её маленькое синее платье всего лишь цепляется за её огромную фальшивую грудь. И эти *баные карие глазки столкнулись с глазами Джастина. Заискивание. Мечтание. Похоть... мои ноздри раздуваются, и я прочищаю своё горло, так что Джастин начинает хихикать.

— А ты ревнива, детка?

Я дрожу от этого слова, пока окидываю его взглядом.

— Не... — я тыкаю его в твёрдую грудь, — ...называй меня деткой.

Он закатывает глаза и хватает верный маркер со стола, щелкая им в воздухе прямо как маленький ребёнок.

— Кто-то ревнивый, — поёт он, ухмыляясь.

Он хочет, чтобы я была ревнивой. Он *нуждается* в том, чтобы я была ревнива. И я такая. Я ревнивая, но это «Уловка №22». Я не могу быть ревнивой подружкой — это даст ему возможность обвинить меня в конечном итоге. *Где тебе, высокомерный...* А если вы не ведете себя ревниво, то он будет думать, что вам всё равно. Так что я провожу своим пальцем по краю белой скатерти и вздыхаю.

Двери открываются, и зал для автограф-сессии наполняется читателями, половина из них стекается в сторону стола Джастина и выстраивается в очередь. Я сижу и наблюдаю, как они обмакиваются. Я пытаюсь подавить кислоту, поднимающуюся вверх по моей глотке, когда они целуют его в щеку... или плачут. Да, некоторые из них плачут. И я понимаю это. Правда. Шлюзы откроются, если я встречу Стивена Кинга, но это по-другому, поскольку это Джастин Вайлд, а не Стивен Кинг. Это моя вторая половинка, на которую вешаются эти женщины. Из-за его слов. Его внешности. Всё это не имеет значения, поскольку я, бл*ть, ненавижу делиться им! О, конечно, я буду улыбаться. Я буду смеяться. Притворяться, что мне всё равно, что они игнорируют меня. Когда проходят мимо моей последней книги, мимо места, где я сижу, даже не признавая моего существования. Я подавляю эту необходимость вопить: «*Вам понравилось волочиться за моей ёбаной игрушкой? Да?*». В то момент хочу спросить их, подумывают ли они про себя о том, чтобы перерезать мне горло или просто задушить в женском туалете. Я останавливаю себя, поскольку знаю, что это не хорошо. А Джастин любит хороших девочек...

Спустя три часа он без единой книги. Все книги распроданы даже с учетом того, что издатель порвал с ним. Даже с учётом того, что на Facebook есть группа, заполненная доверху его бывшими шлюхами. Со совсем этим бл*дствием и стенанием, как он их трахнул и бросил. Лгал им. Я не могу сдержаться и не посмеяться над ними, и я действительно не могу обвинять Джастина за то, что он сделал, потому что они жалкие. Половина из них была влюблена, протягивая их разбитые-*бучие-сердца в своих руках. Отсосите, лютники. А затем был блог... но ни что из этого в действительности не сразило его. Он неприкасаемый или, по крайней мере, так думает.

— Ты хочешь напиток из бара? — спрашиваю я, вставая и поправляя платье.

— Да, конечно, детка.

*E*ать мою жизнь, Джастин. Назовёшь меня детской ещё один раз и...* это фишка любви: чем дольше ты в ней, тем менее идеальными кажутся даже самые совершенные любовники. Но Джастин идеален, даже если и солгал о своём имени, степени и чтении Кинга и Паттерсона. Даже если он и называет меня детской и смотрит налево. Поскольку он написал те бл*дские книги — книги с ужасной концовкой, которую мы должны исправить.

Я иду к бару и заказываю два бокала мерло, а на пути обратно меня останавливает женщина прямо у дверей.

— Вы девушка Джастина Вайлда, верно?

— Что-то в этом роде, — произношу я, поскольку пока мы не сделали это официальным на Facebook, а это должно быть объявлено в социальных сетях, чтобы стать официальным.

— Счастливица, — улыбается она. — Скажи мне, каков он в постели?

Мои щеки опаляет пламя, и я хочу сказать ей, что он удивителен — настоящее животное, но я не хочу, чтобы она грезила о нём по ночам. Я не хочу, чтобы она знала те вещи, которые знаю о Джастине я: то, как корчится его лицо, и этот его глубокий хриплый стон, когда он кончает, или как он любит догги-стайл с моей наклонённой вперёд спиной, так что каждый раз, когда мы трахаемся, простины сорваны с матраса, а у меня на бёдрах остаются синяки от его рук. Нет. Это мои секреты, так что я хмыкаю и ухожу.

— Эй, Мариса? — зовёт Тори, когда я обхожу её стол. Звук моего имени на её губах заставляет меня съежиться. Я натягиваю улыбку и оборачиваюсь с двумя бокалами в руках.

— Да? — стону я.

— Есть кое-что, что я должна тебе сказать.

Моё сердце трепещет в груди, как птица в клетке, когда я направляюсь к её столу. Мне просто надо уйти, но я не хочу, чтобы она подумала, что она обеспокоила меня. Хотя так и есть. Я беспокоюсь из-за неё. Я останавливаюсь у её стола и смотрю на неё сверху вниз.

— Что, Тори?

Она наклоняется над столом, небрежно направляя свою ручку в сторону Джастина.

— Дело в том... — вдыхает она, её глаза бегают, прежде чем она ловит мой взгляд, — ...ты плохо знакома с индустрией и всем этим, но Джастин... — смеётся она, а я хочу взять её за челюсть и раздробить на хрен, — ...он не тот путь, с которого ты захочешь начать. Он — мудак, если ты не заметила этого по всем тем фоткам, что взорвали тот блог, ты тоже там есть.

Она выгибает бровь.

Боже, держу пари, треск от её челюсти будет...

— Ладно, Тори, Джастин действительно не твоего ума дело.

— О, ты права. Конечно, нет. Я чертовски ненавижу его. И пока часть меня надеялась, что он трахнет тебя точно так же, как и меня, — она складывает свою руку как пистолет, прищуривая один глаз, в то время как притворяется, что целиться в какую-то брюнетку, — ...эта девочка, *ииииии* эта девочка, часть меня надеялась, что возможно ты будешь той, кто даст ему... ну, ты понимаешь?

Я впиваюсь в неё взглядом.

— Не думай, что ты особенная, Мариса. Он козёл. По его словам, всё, что он хочет, — это чтобы его член оставался влажным для того, чтобы заставить тебя влюбиться в него. И ты думаешь, что ты другая, поскольку он заставляет тебя так чувствовать. Он провернул это со мной, так что я знаю лучше. Точно так же, как и ты. Джастин Вайлд — это не просто какой-то игрок, он — Игрок с Большой буквы, поскольку он играет с твоим сердцем, а не с твоей киской.

Пульс звенит у меня в ушах. Ногти вонзаются в ладони. Я оглядываю комнату. Здесь есть ещё одна темноволосая девочка, которую он трахал. И другая. Есть читательница, которая стоит у его стола и состоит в группе «Джастин — мужчина-шлюха». Я читала её посты, полные уязвленного достоинства о том, как он заснул, пока трахал её. А затем, я осознаю: то, как он корчит своё лицо, когда кончает, — не мой секрет. Он *наши*. Это наше. Эти женщины видели его обнаженным. Они чувствовали его внутри себя, поверх себя. У них было его горячее отчаянное дыхание, обдувающее их шей. Они слышали произнесенное шепотом заверение в том, что они другие.

Джастин, улыбаясь, разговаривает с девочкой. Она топчеться на месте. Её щеки розовые от волнения. Он одним пальцем поглаживает по её руке и подмигивает. И я понимаю, что это проблема. Это не он. Это — условия. Эти все условия неправильные. Эти девочки... *Что-то должно измениться, Джастин. Мы так не можем жить.* И сейчас я желаю, чтобы дельце Дженны Фишер и Криса Тэлона осталось в тайне. Я хочу, чтобы её муж просто бросил её вместо того, чтобы надрать задницу Криса, поскольку из-за этого нас бы здесь не было. Тогда бы люди по-прежнему ненавидели Джастина. Они всё ещё бы говорили о том, что он шлюха, мудак и кусок дерма. И у меня всё это было, но я позволила этому ускользнуть сквозь пальцы, поскольку я, как и все они, хочу его, но я не хочу, чтобы они хотели его. *Дерьмо, вы видите, это — часть книги, которую необходимо исключить.* Если только я не смогу вернуться назад и удалить это... Он заставляет меня ощущать себя безумной, нестабильной, расстроенной и смущенной.

Раздаётся высокий свинячий визг смеха Тори, завершающий беседу, и я дрожу, размышляя о том, издавала ли она этот звук, когда кончала под Джастином. Я прохожу мимо темноволосой девочки, мимо читательницы с розовыми щеками и занимаю своё место рядом с Джастином, вручая ему вино. Он занят, смеясь над чем-то, что девочка, стоявшая с его книгой, только что сказала, и я уверена: она думает о том, насколько у него большой член, каков он будет на вкус в её маленьком грязном ротике.

Я люблю его. Правда. И я знаю, что он хочет любить меня, но у него слишком много отвлекающих факторов. Слишком много искушений. Слишком много пешек на доске. И они должны быть сброшены. Есть один бл*дский способ. А король... король должен быть заперт в башне и находиться в безопасности, иначе окончание этой истории будет уничтожено. И Джастин, тебе как писателю позволено испоганить только одну концовку. Одну. Не две.

Глава 34

Джастин

*«Королева Барыг» — Collin McLoughlin*³⁰

Моя голова пульсирует от мигрени на автепати, и опрокинутый мной шот, что передал мне Джаред, только добавляет ей чувствительности.

— Спасибо, — произношу я.

Он хлопает меня по спине.

— Не стоит, бро. Жаль, что так получилось с Тэлоном, да?

— А... он всё равно, так или иначе, был ублюдком.

— Дерьмо, Вайлд, эта девочка в синем платье твоя? — Джаред указывает через комнату на Марису, смеющуюся с группой читателей.

— Ага.

— Чертовски горяча. Боже, — он хихикает, когда сигнализирует бармену снова налить. — Держу пари — Тори в бешенстве. Ты же знаешь, что она была влюблена в твою жалкую задницу?

Я пожимаю плечами, сосредоточив взгляд на Марисе, мой разум мучается вопросами «что если».

— Ты же понимаешь, что не так много и нужно, чтобы они влюбились?

— Ага, я понимаю, когда ты можешь убрать всё дерьмо из своей задницы, что звучит как Шекспир, — он жмет мне руку.

Я ещё раз пожимаю плечами и продолжаю смотреть через всю комнату на Марису. Мне так нравится наблюдать за ней издалека. Притворяясь, что она кто-то, кем я не могу обладать. Проигрывая все сценарии того, как бы я мог заполучить её, преследуя, клеймя. Я облажался, я знаю, но я — автор романов. И когда ты действительно размышляешь об этом, история — это только преследование. Толчок и напряжение. Влечеение и притяжение, захотят ли они или нет. Возможно, это то, что испортило меня, чёрт, возможно, это то, что испортило всех нас. Хемингуэй и Бронте... Голливуд поднялся на ноги из истории о любви. Благородной и Справедливой. Любовь в Instagram изредка пошатнётся и никогда не состарится. Сюжеты, что заканчиваются прежде, чем всё становится крайне запутанным и неподдающимся восстановлению. Люди преследуют любовь, вот почему мои книги заглатываются, как ужин на День Благодарения. Это преследование, не настоящая любовь — это увлечение. е*ать... Мне необходимо больше «Фаерболлов».

Джаред вручает мне ещё два шота. Мы произносим тост и опрокидываем их друг за другом.

— Ладно, мужик, — произносит он, вытягивая свой телефон перед лицом. — Время живого включения на Facebook.

— О, да ладно, чувак. Я не хочу...

Но слишком поздно. Его телефон уже отсчитывает время до нашего прямого эфира 3-2-1.

— Как жизнь, сучки, — произносит он нечленораздельно, держа свои пальцы вверху и проталкивая свой язык через них в международном жесте «облизывания киски». — Я здесь с моим главным мужиком Джастином-бл*дь-Вайлдом. Вы, леди, знаете, кто он, да-да, конечно вы знаете... — он делает паузу, а я наблюдаю за количеством отмечающихся зрителей. Двенадцать. Двадцать шесть. Пятьдесят пять... — О, привет, Патти. Привет, Дебора. Мисти... — он показывает на экран и смеется над комментарием какой-то

³⁰ музыкальный исполнитель

девочки, которая запостила добровольный тройничок. — Тройничок. Я не знаю, Вайлд, — произносит он, глядя на меня. — Ты будешь снизу?

Я пялюсь на экран. Комментарии льются так быстро, что теперь я даже не успеваю их прочитать.

— Я хочу сказать... Я думаю, они переоценены, — вставляю я, мой пристальный взгляд скользит по Марисе.

— Джастин, — голос Тори разносится эхом по бару. — О, любовничек...

Джаред хихикает, а я разворачиваюсь.

— О, дермо, — смеется Джаред и наводит свою камеру на винтовую лестницу, которая ведет в vip-зону. Тори взгромоздилась на серебристые перила, широко расставив ноги, платье задралось до самых загорелых бедер. Она машет и отправляет воздушный поцелуй в моё направлении. Весь бар загудел от шепота и хихиканья.

— Что, чёрт возьми, она делает? — бормочет Джаред.

— Я, бл*дь, не знаю... е*аный в рот...

— Я просто хочу, чтобы каждый здесь знал, — выплевывает Тори, поднимая в воздух бокал вина. Немного золотой жидкости выплёскивается через край бокала. — Я трахалась с Джастином Вайлдом и... — она икает, — ...его член даже не впечатляющий.

Хихиканье раздаётся в комнате. Моё лицо вспыхивает. Прежде чем я понимаю, я ощущаю тёплую руку, обрачивающуюся вокруг моей руки. Я перевожу взгляд в сторону и вижу Марису, стоящую рядом со мной — лицо красное, ноздри раздуваются.

— Какого чёрта? — спрашивает она.

Всё, что я могу сделать, это пожать плечами и повернуться обратно, чтобы наблюдать, какой бы пи*дец не собирался бы дальше развернуться.

— Он — врущая шлюха, и такой со всеми суками, которых трахнул и обвёл вокруг пальца... — она проливает своё вино на ковёр.

Джаред пихает меня.

— Она поливает своим шлюшеством, — хихикает он, а я стону.

— На х*й, Джастина Вайлда, а также на х*й Марису, — а затем Тори съезжает по перилам, кожа визжит на металле. Когда она достигает конца, то падает с глухим стуком на мраморный пол. Её друзья спешат к ней, чтобы помочь подняться на ноги и выводят в лобби.

— Боже, Джастин. Серьезно, ты совал свой член в это? — стонет Мариса, подхватывая шот у Джареда, сующего ей его в лицо.

Я пожимаю плечами.

— Я был... пьян?

Мариса закатывает глаза. Джаред смеется, похлопывая рукой по моему плечу, когда вручает мне следующий шот такого необходимого «Фаерболла».

— А там на странице люди... Джастин Вайлд ублюдок-ходок, — он бросает взгляд на Марису, и вы практически можете увидеть пар, циркулирующий от её головы. — В смысле, прости, он был ублюдком-ходоком, — он что-то печатает на экране, прежде чем запихивает телефон в карман и протягивает руку Марисе. — Я — Джаред, много слышал о тебе от Вайлда.

Е*ать. По крайней мере, он пытается, но Мариса, ну, в общем, ей не очень это понравилось. Она проглатывает свой шот и выдыхает.

— Мне надо, — она качает головой, — мне надо пойти пройтись. Попытаться выпустить пар от этого унижения, — она начинает двигаться к выходу, и я подскакиваю, чтобы пойти за ней, но она оборачивается, покачивая пальцем. — Не надо... просто оставь меня одну на минутку.

— Да ладно, детка, — произношу я, а люди пялятся, — ты не можешь злиться на меня за это.

— Я не злюсь на тебя, Джастин. Мне просто... нужна секунда, ладно? — и она уходит, и эти е*анные её раскачивающиеся бёдра, когда она идет.

— Проклятье, — говорит Джаред. — Эта девочка, — он засовывает свой кулак в рот и вонзается в него зубами, — эта грёбаная женщина...

Пальцы на ногах подгибаются, пот стекает вниз по спине. Ногти Марисы глубоко зарываются в мои плечи, и она выдыхает «Бл*дь» снова и снова.

Бам. Картина над гостиничной кроватью раскачивается. Громкий, пронзительный крик проникает из-за стены, идущей к двери соседского гостиничного номера, что с хлопком открывается и закрывается. Ещё один крик.

— На помощь! Кто-нибудь, помогите!

Хватка Марисы усиливается, и я продолжаю вколачиваться в неё, но девочка кричит снова, и теперь другие двери гостиничных номеров открываются и закрываются. Несмотря на громкий вопль в холле, я всё ещё в ней, потому что я — Бог траха. Её пятки упираются в мои бёдра, её ногти впиваются в мою плоть, и она стонет. *E*ать*, она стонет, и я вместе с ней, мои мускулы напряжены, когда этот сладкий жар распространяется от моего члена до кончиков пальцев. Суматоха в коридоре становится громче и её невозможно игнорировать. Вытирая пот с бровей, я скатываюсь с Марисы, подхватываю треники с пола, надеваю их и затягиваю шнурок.

— Куда ты идёшь? — Мариса приподнимается на локтях в кровати и откладывает волосы от своего лица.

Другой громкий крик эхом отражается в коридоре.

— О, Боже, она мертва. Мертва.

Моё сердце подскакивает. Мариса приподнимает в замешательстве брови, её пристальный взгляд движется по направлению к двери.

— Что... — спрашивает она, наклоняясь над краем кровати, пока быстро подхватывает рубашку. Она надевает какое-то количество одежды, и мы идём к двери, приоткрываем её только на дюйм, выглядывая через щель. Люди заполняют холл, на их лицах смесь недоумения и страха. Мариса хватается за край двери, толкает её, открывая, и шагает в холл. Она прикасается к плечу женщины около нашей двери. — Что случилось?

— Соседка Тори по комнате вернулась из бара и нашла Тори в ванной. Мертвую.

Весь холл взрывается единым вздохом, а Мариса хватает меня за руку, переплетая свои пальцы с моими.

— О, мой Бог, — выдыхает она. Я обнимаю её за талию, уставившись на закрытую дверь. Марла — пиар-менеджер Тори — окружена сбившейся в кучу группой женщин, её лицо белое, слёзы струятся вниз по щекам.

В течение нескольких минут прибывает полиция, и они просят всех нас разойтись по своим номерам, что мы и делаем. Мы молчаливо ретиремся назад в наши номера, звук закрывающихся дверей — жуткое напоминание того, что только что произошло.

Мариса бродит перед окном, кусая свои ногти.

— Эй, — говорю я. — Всё хорошо.

Она смотрит на меня, в ее глазах — паника.

— Это просто... Я имею в виду... как ты думаешь, что случилось?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Возможно, она напилась и отправилась в ванну.

Она кивает.

— Ага...

Я сажусь на кровать и опираюсь о спинку, поглаживая грудь.

— Иди сюда.

Мариса заползает на кровать и кладёт свою голову на меня, я гладжу её длинные тёмные волосы, мой мозг крутится вокруг того: каким засранцем я был с Тори.

Ублудочная вина, а в моём возрасте... Вы по-настоящему рассматриваете саму мысль о том, что тот, кого вы наёбываете, может умереть. Я хотел бы, по крайней мере, извиниться... Тишина в комнате нарушается звуком открывания двери номера Тори и её закрытием. И я думаю: может, мне пора прекратить быть мудаком.

Глава 35

Мариса

«*Убью за тебя*» — *Skylar Grey, Eminem*

Я проспала большую часть поездки домой. Я думаю, что убийство кого-то забирает у вас гораздо больше, чем вы предполагаете. Джастин высадил меня где-то час с небольшим назад, и я отправилась прямо в аптеку, чтобы купить тест на беременность. Леди за стойкой улыбнулась и сказала мне «Удачи». Я подумала, что это было мило. И вот я здесь, сижу, писая на палочку, моё сердце трепещется в груди. Я кладу тест на столешницу и натягиваю штаны, спускаю воду в туалете и жду. Я сажусь на край своей ванны и думаю: какая реакция будет у Джастина, когда я сообщу ему. Я раздумываю о том, как мне следует рассказать ему. Я должна быть эмоциональной, расстроенной, обеспокоенной, поскольку я не хочу, чтобы он подумал, что я сделала это нарочно, всё должно быть так, и я даже не смею желать, чтобы он узнал, что я переползла из нашего гостиничного окна в окно Тори-*банной-Девис. Я просто собиралась поговорить с ней. Чтобы сообщить ей, что у нас с Джастином нечто особенное. Это была не моя ошибка — то, что она была в ванне. Это была не моя ошибка — что она начала кричать и не останавливалась. Я боялась, что кто-нибудь войдёт и увидит меня, и что подумает Джастин? Я должна была заставить её остановиться. Мне пришлось держать её под водой, пока она не прекратила бороться, поскольку я не хотела, чтобы Джастин подумал, что я сумасшедшая. Он бы не понял того, что я сделала это для него. Для... Я взглянула на тест: две пурпурные полоски... для нас. Я сделала это для *нас*.

Я не могу ничего сделать и улыбаюсь, когда я выкидываю тест в корзину для мусора. Я ухожу из ванны, паря в воздухе, когда прохожу в спальню в моей высококлассной квартире. Одна спальня. Хорошо, нам просто необходимо переехать, хотя мне ненавистна сама мысль о продаже этой квартиры, но в действительности мне и Джастину надо двигаться вперёд и съехаться. В любом случае, это — идеальный прогресс. Мы можем купить дом в Верхнем Ист-Сайде с тремя спальнями, поскольку, в конце концов, у нас будет, по крайней мере, двое детей. Я иду в гостиную, говоря себе, что только это имеет смысл, в то время как захватываю компьютер, открываю браузер и ищу сайт недвижимости в Интернете. \$650,000 — \$1,000,000. Это кажется разумным, я имею в виду, в конце концов, Джастин — автор бестселлеров №1 по версии «Нью-Йорк Таймс», и у меня всё ещё есть более миллиона долларов на счете в банке.

Сотни списков объектов, и я щелкаю на квартиру с тремя спальнями и захватывающим видом на Манхэттенский мост. Мы не можем растить эту маленькую драгоценность в лачуге. И, кроме того, у нас должен быть красивый фон для всех наших селфи и семейныхочных весёлых фоток, что мы будем загружать в социальные сети.
#АвторыИнстаграма #ИдеальнаяМаленькаяСемья #ИдеальныеФотографии
#СовершеннаяЖизненнаяИсторияЛюбиСнеожиданнойБеременностью.

Едва я щёлкаю по фотографии обновленной солнечной кухни с гранитными столешницами, когда брякает мой мессенджер.

Эд: *Я буду в Нью-Йорке через три недели. Мы должны встретиться за кофе.*

Я улыбаюсь. И говорю «конечно». И продолжаю рассматривать квартиры. Легкомысленная. Легкомысленная влюбленная, с крошечным маленьким младенцем Джастина Вайлда, растущим внутри меня.

Глава 36

Джастин

«Плыvём!» LEDRemix — AWOLNATION³¹

«Я крадусь к навесу, как всегда незамеченный. Металл громко лязгает, а беспомощная жертва вопит, привязанная к моему столу.

— Я не собираюсь причинять тебе боль, моя маленькая бабочка. Нет, — говорю я нежно, поглаживая её мягкую тёплую щёку. — Я хочу сохранить тебя навсегда. Любить тебя как редкую маленькую зверюшку, которой ты и являешься».

Курсор мигает в конце слова, и я опускаю своё лицо на ладони. Две сотни слов. Вот так. Незаконченный пролог. Откидываясь на стуле, я практически ненавижу себя за то недостаточное понимание Кинга, что у меня было, прежде чем я начал писать. И мне интересно: насколько я раб этих слов, настолько же, как я мучаюсь над каждым предложением, должно быть так или вот так... замечают ли это мои читатели? Я не замечал. Я никогда не упивался красотой решительной структуры предложений Кинга, пока не начал писать. До того, как я понял, что простая задача окончить *банное предложение может заставить вас захотеть бросить всё. Крушить вещи. До того, как я потратил часы, ходя взад-вперёд, пытаясь найти идеальное слово.

— Дерьмо, — бормочу я, бросая взгляд вниз на Кобейна. — Иногда я волнуюсь, что потеряю разум с этими книгами.

И это правда. Иногда трудно отделить правду от выдумки... разве Кинг говорил что-нибудь об этом эффекте... Я закрываю ноутбук, и мой взгляд падет на часы. 6:35. Мариса скоро должна быть здесь.

Мариса... Я прочитал её книгу вчера вечером и затем отпинал себя за то, что ждал так долго, чтобы прочитать её. Её слова, бл*ть, её слова красивы, поэтичны, наполнены тьмой, которой лишь немногие смогут воздать должное. Но она это делает. Это как будто ты читаешь чьи-то слова, которые ты знаешь. Это как будто кто-то залез к вам в голову. То есть, в конце концов, магия чтения выдергивает вас из вашей реальности и помещает прямо в середину сознательных мыслей другого человека. Каждое слово, что я печатал, я должен был обдумать как тот человек, который прочтёт его, ну, в общем, они в моём разуме. Её разум так сильно похож на мой, что я мог бы заканчивать её предложения. И я думаю, если бы я прочитал её слова раньше, чем встретил, я мог бы устроить на неё охоту. Я думаю, что, бл*ть, я люблю её.

Я щелкаю по Facebook и просматриваю её новости. Я смотрю её фотки и удостоверяюсь, что Тэлон их не залайкал, а затем иду на кухню и ставлю в раковину несколько тарелок со столешницы. Я чишу зубы, а мой телефон звенит с сообщением от Эми. Я даже не читаю его. Я удаляю его вместе с её номером, поскольку люблю Марису. Я удаляю номер Саманты из моего телефона, и всех тех других девочек. Я покончил с этой игрой. Мариса помогла мне обмануть систему и достичь 140 места в *USA Today*. Конечно, мне не следовало этого делать, но всё же она помогла мне. Она стояла рядом со

³¹ музыкальный исполнитель

мной, когда каждый ненавидел меня, когда они говорили ужасные (главным образом правдивые) вещи обо мне. Она великолепна, умна и делает невероятный минет. Я могу сделать это. Я могу...

Я отвечаю на все кокетливые сообщения настолько профессионально, насколько только могу. «*Я сделаю всё, что угодно, чтобы трахнуться с тобой*». Удаляю это. «*Ты такой горячий*». Спасибо. Благодарю. Вставляю эмоджи с ручками 😊. Я принатален за поддержку.

Посмотрим — я смогу это сделать.

Мой дверной звонок звенит, и Кобейн сходит сума, лая и прыгая вокруг, его хвост виляет.

— Не заперто, — кричу я, продолжая удалять сообщение за сообщением, и блокирую небольшое количество девочек, с которыми мне не надо иметь ничего общего, поскольку я, *бл*ть, люблю Марису!*

Петли двери скрипят, и Кобейн срывается на бег, его когти стучат по древесине.

— Привет, приятель, — говорит Мариса.

Я слышу, как закрывается дверь, и следующая вещь, которую я понимаю, она наклоняется и целует меня. Она пахнет такой чистотой с ароматом ванили и лайма.

— Привет, великолепная, — говорю я, улыбаясь ей.

— Много слов напечатал сегодня?

— Не-а, на самом деле нет. Примерно около трёх тысяч.

— О, неплохо, — она дарит мне быстрый поцелуй. — Ох, эта штука с книжным малышом, что ты посоветовал мне сделать, действительно сработала. Я неплохо устроилась на 60 месте в Kindlestore, пока мы разговариваем.

— Превосходно, — я дарю ей быстрый поцелуй. — Эта книга крутая. Могу спорить, она продолжит подниматься, как только люди поймут, насколько она удивительная.

— Ты, правда, думаешь, что она хороша?

— Женщина, это эпическое дермо.

Усмехаясь, она садится рядом со мной, и я замечаю, что у неё крошечный синий мешочек в руке.

— Что это? — спрашиваю я, кладя телефон на кофейный столик.

— О... ух, ладно. Это сюрприз, — она неловко пихает мешочек мне в руки, а затем начинает жевать свою губу.

Я вытаскиваю белую бумажку — сложенную страницу из книги.

— Ох, детка, — произношу я, — ...ты не должна...

И у меня перехватывает дыхание, сплющивая каждую каплю крови в моём сердце до тех пор, пока у меня всё не расплывается перед глазами. Как только я втягиваю воздух, сердце стучит так сильно, что меня всего омывает головокружительным жаром. Я опять глазею на заголовок: «*Что Ждать, когда Вы в Положении*».

— Они, ух... они сказали, что и мужчине было бы не плохо это прочитать, — прошептала она. — Сюрприз...

Они говорят, что прежде чем вы умрёте, вся ваша жизнь промелькнёт у вас перед глазами как вспышка, ну, в общем, я думаю, что у меня только что был тот самый момент. Я увидел свою свободу, мои ленивые субботы, дни моей охоты — всё это было спущено в дермовый сортир. Я уставиля на Марису, и нехорошее подозрение поглощает меня.

— Я... ухх... ничего себе, я... эээ... — *Боже, я наконец-то кого-то обрюхатил?* Ублюдок. — Я имею в виду, — я сглатываю, пока холодный пот выступает на лбу. — Я имею в виду, я думал, что ты не хочешь... — качаю головой. Я люблю её. Я только что сказал это себе. Это прекрасно... Я снова сглатываю и прочищаю почему-то скавшееся горло. — Ты хочешь оставить его, да?

И от этого комментария её лицо морщится, слёзы наполняют глаза, и она опускает подбородок к груди. *Дерьмо. Я — мудак.*

— Эй, эй, — я тянусь и хватаю её, притягивая к своей груди. — Прости, просто я не ожидал этого, ты знаешь, я… эээ… это будет прекрасно, детка, — я пропускаю руку через её волосы и целую в шею, крепко обнимая, даже если я и хочу подпрыгнуть и выбежать через грёбаную дверь, крича и вопя.

— Ты не злишься, правда? — спрашивает она, пряча лицо на моем плече. — Я не знала, как рассказать тебе.

— Я не могу злиться, — вздыхаю я. — Я имею в виду, дерьмо, я — тот, от кого ты залетела.

Она фыркает несколько раз, прежде чем отстраняется и смотрит вниз на колени. Дерьмо, только что это стало реальным. Я провожу руками по своему лицу, неспособный удержать взгляд вдали от её живота. Секс делает детей, будьте уверены. Я имею в виду, всё могло бы быть ещё хуже. Это мог бы быть герпес или ВИЧ, или что-то подобное. Младенец всего лишь маленький человечек, который какает и ест, и требует всего вашего внимания и всех ваших денег.

— Всё будет прекрасно, — снова произношу я. — Чёрт возьми, ещё один охренительный писатель, да? — смеюсь я. На ее лице проступает облегчение. А затем наступает чужеродная, неуклюжая тишина. Мгновение мы смотрим друг на друга, задаваясь вопросом, что же, бл*ть, происходит в мозгу другого.

Она выглядит на грани нервного срыва, продолжая перебирать руками и смотря в пол. А я, ну, в общем, часть моего мозга орёт на меня: «*Тебе следовало надевать презерватив или, по крайней мере, вытаскивать, ты, дебил.*» А затем другая часть моего мозга, та романтичная часть шепчет: «*Это судьба, и нет ничего, что ты можешь сделать, чтобы воспрепятствовать судьбе.*»

Я скользжу своей рукой по её, переплетая наши пальцы.

— Давай, детка, — произношу я. — Пойдём пообедаем, ладно?

Я подхватываю книгу и кладу её на кофейный столик. Кобейн несется и фыркает на неё. И я выхожу из моей квартиры, задаваясь вопросом, сколько стоят апартаменты с двумя спальнями в Дамбо (*прим. один из районов Бруклина*).

В течение последних трех ночей я метался во сне. Любой сон, что у меня был, вызывал чесотку и превращался в кошмар из массового преследования меня младенцами, зовущими меня «Папа», или снами о том, что каждая девочка, с которой я спал в течение последних двух лет, забеременела и теперь все они выстроились в очередь за чеками. Некоторые из них держали по три кричащих младенца. Я просыпался в холодном поту, задыхаясь и пытаясь восстановить дыхание.

Это не конец мира. Это один ребёнок. Это всё. Один ребёнок. Одна женщина… Я сажусь на кровати, пропускаю свою руку через волосы и вздыхаю, прежде чем беспокойно падаю назад. Мариса захочет, чтобы мы съехались. Поженились. Завели ещё грёбаных детей. Забавно, что та девочка, о которой я не беспокоился, что она попытается связывать меня, и есть та, из-за которой я оказался задницей к верху. Я мечусь и ворочаюсь, ворочаюсь и мечусь. Встаю и брожу. Я пью пиво, а затем ещё. Я просматриваю телефон, часами читая новости на Facebook. А затем получаю текст с номера без имени: «*Я не могу перестать думать о тебе. Я скучаю без тебя.*»

Я жую нижнюю губу, мои нервы на пределе. Мне следует опустить телефон. Удалить сообщение. Сказать отвалить. Я мертвец, расхаживающий здесь, но всё же… Сглатывая, я осознаю, что со старыми привычками тяжело расстаться. Возможно, это стресс или страх от того, что будет ребёнок, или что меня охомутали, но какая бы ни была

причина, я отправляю смс в ответ: «*Я тоже скучаю без тебя*». И проклятье, если это не ощущается как вспышка эндорфинов только что затопивших мою систему. А я даже не знаю, кто, бл*дь, это был.

Я ложусь и глазею в потолок. Я мог бы скорей всего быть счастливым с Марисой, но с этой уязвимостью, возможностью и мыслью о том: что, если моё сердце опять будет разбито, мне это не нравиться. «*Хорошие парни всегда проигрывают, разве не так говорится?*» И вся моя жизнь доказывает, что это правда. Так не было до того, как я стал плохим парнем, что обрёл успех, и как же я так облажался?

Глава 37

Джастин

«Чувство собственного достоинства» — *Offspring*³²

Выхлопные газы тяжело повисли в воздухе. Грохот двигателей и рёв сигналов, крики водителей на пешеходов.

— Улыбайся, — поёт Мариса, прижимаясь своей щекой к моей, когда поднимает свой телефон перед нашими лицами. Она делает несколько селфи, редактирует их так, как я научил её, а затем размещает. — Как думаешь, какой хештэг? — спрашивает она, когда мы заходим в лобби гостиницы.

— Ух, — я поправляю тяжелые коробки, что ташу, — ...хештэг автограф...

Она кивает и печатает на экране, даже не обращая внимания, куда идёт. Мы следуем за указателями впереди нас, ведущими нас в зал автограф-сессии. Некая рыжеволосая женщина улыбается, пока придерживает открытую дверь в бальную залу.

— О, — произносит она, когда Мариса провальсировала мимо неё, — ...вы — Мариса Доусон, да? — Мариса останавливается и улыбается, пожимая руку женщины.

— Да, а вы — Аманда, правильно?

— Да, это я, — женщина улыбается от уха до уха, а я просто стою здесь с пятью е*аными коробками книг в моих руках.

— Большое спасибо за приглашение, я была более чем взволнованна, получив его.

— О, мы так рады, что вы смогли присоединиться в последнюю минуту. Я обожаю «Трение». Она возглавляет мой топ-лист года.

— Ох, спасибо большое, — просияла Мариса, когда посмотрела на меня... по-прежнему держащего её книги. — О, Аманда, вы знаете Джастина, моего парня, — Аманда поворачивается ко мне лицом, и её улыбка слегка меркнет. — Джастин Вайлд, — продолжает Мариса.

— О... да, — её губа пренебрежительно приподнимается вверх, прежде чем она поворачивается, чтобы опять посмотреть на Марису. — Если вам что-нибудь понадобится, просто дайте знать мне или одному из волонтёров, и ещё раз спасибо, что вы приехали.

С этими словами она уходит, а Мариса пожимает плечами, следя в комнату.

Здесь всего около тридцати авторов на всю автограф-сессию. Нью-Йорк, Нью-Йорк: «Авторы Большого Яблока». Эта автограф-сессия огромная. Я имею в виду, деръмо, Эл. Джеймс, чёрт подери, здесь. Большинство авторов романов надрывали свои задницы, чтобы попасть на эту автограф-сессию, а Мариса провальсировала сюда так, как будто она

³² музыкальный исполнитель

владеющая миром стерва со мной в качестве её ассистента. Я следую за ней к столу в задней части комнаты. Тут крошечный свернутый набор для автографов с её именем посередине. Она проводит своими пальцами по черной скатерти, улыбаясь мне.

— Я так возбуждена из-за того, что они пригласили меня.

Я усмехаюсь ей, когда кладу коробки около её стола.

— Я горжусь тобой, детка.

Вытаскиваю свои ключи из кармана и провожу одним из них по шву коробки, открывая.

Менее чем через час к ней очередь. Я улыбаюсь, протягивая маркер через стол. Женщины смотрят на меня. Они усмехаются, некоторые из них краснеют, но центр их внимания — Мариса и её книга и насколько она крута. *Насколько она крута...* А затем я думаю, дерньмо, мне конец? У меня были мои десять минут славы, а теперь я — старая новость, выброшенная на берег. Я имею в виду, как долго я мог надеяться удержать эту карьеру действующей? Разве не большинство авторов — одноразовый хитовый прорыв с одной успешной серией? Дерьмо! Я не е*аный Кинг или Паттерсон. Я е*аный любимчик — вот кто я.

Паника душит меня. Сердце с трудом бьется в груди как потерявшаяся язык колокола, и у меня появляется это плохое тянувшее ощущение внутри. Дням моей славы и обожания настал конец. Я сумел пережить потерю сделки с издателем и демонстрацию всех моих шлюшкинских потрахушек. Чёрт, я выжил, будучи прямолинейным придурком. Так что же произошло? Я стучу ручкой о стол, погруженный в свои мысли. А затем я слышу это: «*Вы, ребята, такие милые. Я просто обожаю смотреть все ваши селфи с Джастином. Я была его большой фанаткой.*»

Стоп. Поддержите... *БЫЛА* большой фанаткой. Я смотрю на Марису, а она по-прежнему улыбается, подписывая свою книгу и разговаривая с этой девочкой. Я смотрю над очередью, и вот оно. Я вне рынка. Это очевидно. Я изменил мой гребаный статус на Facebook с «Одинокий» на «Встречаюсь с Марисой Доусон», и это как будто прикрыло лавочку. *E*ать мою жизнь.*

Я стекаю по стулу, выхватывая телефон и просматривая Facebook. Я могу только представить, что, чёрт возьми, произойдёт, когда она объявит, что я обрюхатил её. С тем же успехом я могу просто отказаться от спортзала и двинуться вперед, позволяя убить мой пресс, став папочкой с пивным животиком. Девочка, которая *была* моей фанаткой, становится передо мной, вручая мне закладку для автографа. Я накарябал мою подпись на ней и вернул.

— Разве вы не боитесь спать рядом с ней? — спрашивает она с усмешкой.

— С ней? — мой большой палец указывает на Марису. Я смеюсь. — Пожалуй, она может писать кое-какое испорченное дерньмо, но я могу поручиться — эта девочка не пугает меня. Она безобидна. Я имею в виду, посмотри, как невинно она выглядит.

Мариса бросает взгляд и улыбается, её совершенные красные губы растягиваются в симпатичной маленькой улыбке.

— Самые смертоносные вещи обычно самые соблазнительные.

— Эй, ты хочешь перерезать мне глотку в своих мечтах? — я пожимаю плечами. — Приступай, меня это заводит.

Леди вздыхает, прижимая руку к своей груди.

— Вы, ребята, слишком милые.

А затем она уходит, пролистывая книгу Марисы.

— Эй, малыш, — произносит Мариса, вручая мне свой телефон. — Ты сможешь справиться с выплатами на карту?

— Конечно.

И так, вот он я сижу и сканирую карты, вручая её книги для автографов. Выброшенный на берег. Забытый. Просто симпатичное лицо в толпе. Я заканчиваю транзакцию по карте, когда на экране выскакивает сообщение с Facebook.

Эд: *LOL. (Ржунемогу).* Это правда. Боже, я влюбился в твою голову с первой минуты. Я имею в виду именно это, мы встретимся с тобой, когда я буду в Нью-Йорке.

С тобой? О, Эд, пытаешься быть кокетливым маленьkim ублюдком? Я быстро смотрю на Марису. Она занята разговором, подписывая вещи и смеясь. Крошечная часть меня чувствует себя виноватой за то, что я собираюсь сделать, но меня кидали раньше, и я не позволю себя нае*ать снова. Кроме того, она беременна моим ребенком. Разве это не даёт мне сейчас некую свободу действий? Я щёлкаю на приложение с сообщениями иду прямо в сообщения от Эда. Я пролистываю назад. Иисус, он повсюду. Говорит ей, что она красива... она упоминает меня, а он отвечает: «Хорошо, я надеюсь, что он обращается с тобой как с маленькой тёмной королевой, которой ты являешься». Е*ать? Вы меня сейчас разыгрываете? *Маленькая тёмная королева.* Я закатываю глаза. Сообщение за сообщением, восхваляющие её. С просьбами встретиться с ним. Боже, это как будто он целый день следит за её постами и комментирует каждый. Да ладно, Эд. Разве у тебя нет лучшего дерьяма, чтобы делать так, как пишут в этих бредовых песенках о любви и разрывах? Гнев медленно растёт у меня в груди, треща от давления вдоль линии разлома. Заводясь и выталкивая, угрожая взорваться в любой момент. У меня возникает соблазн послать ему сообщение и сообщить ему, что я отпинаю его задницу, как только он появится в Нью-Йорке, раздавая комплименты моей маленькой тёмной королеве, но я этого не делаю. Вместо этого я просто опускаю телефон на стол и молчаливо размышляю, наблюдая, как радуется Марисе. Слушая, как каждый сообщает ей, что она заслуживает войти в топ-лист bla-bla-bl*дь-bla. А затем, поскольку, видимо, у Бога отменное чувство юмора, самая новая песня Эда «*Собираюсь заполучить твою девушки!*» начинает реветь из музыкального центра.

— Я пойду отолью, — произношу я, отодвигая свой стул и бросая её телефон на стол с всё ещё приходящими сообщениями от е*анного Эда.

Глава 38

Мариса

«*Триумф и кровь*» — *Lorde*

Лицо Джастина красное, его челюсть клацает, когда он таращится в потолок. Постанывая, я быстро откидываю простыню и поднимаюсь с кровати, практически спотыкаясь о Кобейна на своём пути в ванную.

— Джастин, я говорю тебе, ничего не происходит.

Спускаю воду в туалете и мою руки, прежде чем возвращаюсь в комнату и заползаю в постель. Я перекатываюсь через матрас и кладу свою голову ему на грудь, но он с раздражением переворачивается.

— Ты ведёшь себя как ребёнок.

Он садится в кровати, впивается в меня взглядом.

— Прости, Мариса. Прости, если меня беспокоит, что моя девушка, о, подожди, моя беременная девушка флиртует с грёбаной знаменитостью.

— О, мой... — я качаю головой и вздыхаю. Притворяясь, что это расстраивает меня, хотя, на самом деле, нет. Я обожаю его ревность. Я люблю всю эту злость и пещерного человека в нём. — Он просто фанат.

— Ага, и знаешь что, Мариса, — он прищуривает эти свои стальные голубые глаза, — я знаю всё о людях, которые являются *просто* фанатами. Так что не корми меня этой хренью.

Я борюсь с улыбкой, которая хочет вспыхнуть на моём лице.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Прекрати подпитывать это. Скажи ему, что ты не встретишься с ним, когда он приедет в Нью-Йорк, или ещё лучше... — он указывает на мой живот, — ...скажи ему, что ты беременна. И посмотрим, насколько большим фанатом он тогда будет.

— Ты просто нечто.

Ты это что-то с чем-то. И мы оба это знаем.

Он гневно откидывается на кровать и проводит руками по лицу.

— Я имею в виду, некоторых парней заинтересовывают грёбаные беременные женщины, есть порно сайты об этом деръме. Доение. Чёрт, те книги о доении продаются не без причины. Парни — больные.

— Ты поймёшь.

— И что это должно означать?

— Послушай, ты хочешь, чтобы я заблокировала его? — я пожимаю плечами.

— Ага.

— Боже, ты понимаешь, что ты на самом деле не уверен в себе.

— Пошла ты.

— Сам пошёл.

— Я, бл*дь, спать.

И он закатывает глаза. Я хочу встрихнуть его, наорать на него. Напомнить ему о том, сколько раз я мирилась с его неразборчивыми половыми связями, но я знаю, что он просто скажет: тогда он был одиноким. И это не считается. Он на грани, и дай Бог ему здоровья. Я знаю — всё, что произошло недавно, оказывается на нём, и сегодня днем я видела горечь, медленно просачивающуюся из него, как из поврежденного ядерного реактора. Центр его внимания украли, и он теперь — маленькая грустная панда. Я позволю ему эту небольшую вспышку гнева. Кроме того, это мило, что он беспокоится из-за Эда.

Он беспокоится из-за Эда... мой мозг начинает блуждать по этому испорченному и тернистому пути. *Почему* он такой подозрительный? В смысле, конечно, есть сообщения, но ничего непристойного. Никаких е*аных смайликов с ручками. Моё сердце яростно бьётся, потому что всегда говорится — обвинитель обычно и есть виновный. Что, если подозрительность Джастина только из-за того, что он по-прежнему грязная шлюха Джастин, вместо милого сексапильного парня Джастина? Я не проверяла его телефон несколько дней с тех пор, как сказала ему, что мы в положении. Я кладу руку поверх своего живота, и беспокойство у меня в груди растет. Я не могу позволить всему делу рухнуть из-за того, что стала слабой и глупой. Никому не понравится история, где женщина остаётся одна, расти внебрачного ребёнка. Они хотят свадьбу, радикальных

изменений. Плохой парень должен стать нежным. Я смотрю на Джастина, и он уже храпит. Его телефон на тумбочке с его стороны кровати. Я встаю и на цыпочках обхожу вокруг, беру телефон, но он мертв. *Конечно же, он разряжен.*

Кобейн прыгает на кровать, от его тяжелого веса матрас подпрыгивает. Джастин ворочается, бормоча во сне и вытягивая руку. Я наблюдаю, как он ощупает всё вокруг. Поднимает свою голову и смотрит на пустую кровать, затем обводит комнату взглядом, его пристальный взгляд останавливается на мне — теперь уже стоящей в изножье кровати.

— Дерьмо, — произносит он. — Что ты делаешь?

— Мне надо было пописать.

Он бросает взгляд на часы.

— Опять?

— Я беременна. Гормоны заставляют меня писать.

Он со стоном ложится обратно и гладит рукой по кровати.

— Возвращайся.

Закатывая глаза, я иду к своей стороне кровати, забираюсь и вплотную прижимаюсь к нему. Он обнимает меня и притягивает к своему тёплому телу.

— Прости, — шепчет он в мои волосы.

— Всё в порядке.

И всё хорошо, но мне всё ещё необходимо убедиться в том, как он ведёт себя. Я просто не верю, что он не собирается испортить эту концовку.

Он был в обнимку со своим проклятым телефоном весь день, что ещё больше придаёт мне уверенности в том, что он делает что-то, чего не должен. Он брал его в ванную, чтобы проигрывать плейлист в Spotify, пока принимал душ. Он брал его в зал. Оставил его в кармане в кофейне, и он всё ещё там — дразнит меня прямоугольным контуром.

— Вкусно пахнет, детка, — говорит он, целуя меня в щёку на пути к холодильнику. Я слышу грохот бутылок пива, вытаскиваемых сверху. — Ну и что это?

— Итальянский кабачок. И лазанья в духовке.

— Ты собираешься меня раскормить, — он дарит мне ещё один поцелуй, этот холодный и влажный из-за выпитого пива, а затем направляется в гостиную и падает на диван. Я выглядываю за угол, наблюдая, как он вытаскивает свой телефон из кармана. Перечитывает что-то, протирая рукой макушку и улыбается, прежде чем печатает в ответ. *С кем ты переписываешься, Джастин?* И именно поэтому я должна достать этот телефон. Не из-за того, что я сумасшедшая или одержимая, нет, а потому что я умная и должна исправить ситуацию, прежде чем он всё про*бёт. Это должна быть история любви, а не трагедия.

Я убеждаюсь, что всё его внимание по-прежнему приклеено к телефону, прежде чем хватаю свою сумочку с края столешницы.

— Я тут подумала, — произношу я, пока роюсь в моих бутылочках с пиллюлями, — ...мы должны вместе написать книгу.

— Ааа?

Я нахожу бутылку со снотворным и отвинчиваю крышку, высыпая примерно четыре на ладонь.

— Мы должны написать вместе книгу, — я высовываю голову через дверной проём и улыбаюсь ему. — Ты же знаешь, что каждый, кто купит её, будет задаваться вопросом: настоящий в ней секс или же нет.

Он смеётся. А я кладу таблетки на разделочную доску и использую столовую ложку, чтобы размять их в прекрасный порошок.

— А они будут, ты же знаешь.

— Ага, ладно, зачем останавливаться на книге? Мы могли бы просто выйти в прямой эфир на Facebook, ты же знаешь?

— Боже, ты такой парень, — вздыхаю я, пока посыпаю кабачок магическим порошком, который отправит его в Ла-Ла-Лэнд, пока я буду искать, какие недозволительные вещи он совершил.

— Я, наверняка, с удовольствием написал бы с тобой одну. Это было бы душевно.

Душевно. Я закатываю глаза. Чтобы так хорошо написать, его словарный запас — отстой.

Я заканчиваю приготовление обеда и накладываю еду на тарелки, улыбаясь как грёбаная Джоан Кливер, пока сервирую стол. Джастин садится, быстро пододвигая свой стул к столу, его взгляд сосредоточен раскинувшемся перед ним пиром по-итальянски.

— Дерьмо, ты знаешь, ты — идеальна, — он закапывается в лазанью и поднимает дымящуюся вилку ко рту. — Ты уверена, что не хочешь опять остаться сегодня вечером? — спрашивает он.

— Ага, мне надо постирать и пописать.

Кивая, он подцепляет кусочек кабачка и запихивает в рот. Его глаза расширяются, и в этот момент я боюсь, что использовала слишком много таблеток или не добавила достаточно орегано, чтобы скрыть горький вкус. — Дерьмо, как вкусно.

Облегчение накатывает на меня.

— Спасибо, — улыбаюсь я, когда откусываю кусочек лазаньи.

Он ест свой кабачок, и моя беременность очень кстати сегодня вечером для того, чтобы не объяснять, почему я не хочу этот маленький гарнир. Мы только заканчиваем прибираться на кухне, когда он зевает, а потом зевает еще раз.

— Слишком много углеводов, — бормочет он, когда шаркающей походкой направляется к дивану.

Я вытираю руки кухонным полотенцем, наблюдая, как он вытаскивает телефон из кармана и кладет на кофейный столик.

— Ладно, — говорю я, подходя к дивану, наклоняясь, чтобы поцеловать его, — Я пойду постираю и пробую пописать. Увидимся завтра?

Его глаза уже убаюкивающее закрыты, но он кивает.

— Хорошо, детка.

Тьфу. Хватит уже с деткой.

— Я буду скучать по тебе.

Прежде чем я наполовину пересекаю гостиную, он уже храпит. Я смотрю на него в течение минуты или двух, убедившись в том, что он крепко спит, прежде чем подхожу к кофейному столику и подцепляю его телефон.

Я бросаю на него взгляд, когда щелкаю по приложению с сообщениями. Он выглядит таким спокойным, таким идеальным. Он выглядит прекрасным, как совершенный парень из книг: тёмные взъерошенные волосы, выделяющийся бицепс, испещренный татуировками, идеален аж вплоть до верного пса, спящего у его ног. Я просматриваю сообщения, и моё сердце поёт, в моём животе порхание — наш малыш, должно быть, знает — нет ни одного мерзкого сообщения. Ни одного смайлика с ручками или поцелуйчиками. Я оглядываюсь назад на него и хочу поцеловать. Сказать ему, что люблю. Я хочу пойти прямо сейчас и заблокировать Эда... и затем, просто для подстраховки, я проверяю исходящие сообщения. Есть только два. Для меня и... Я щёлкаю по нему, оно без имени, и моё сердце останавливается, циркулирующий туман счастья, в котором я так безмятежно порхала, превращается в злое штормовое облако, наполненное молниями и градом.

«Я тоже скучаю по тебе».

Мои руки дрожат.

И что я должна с этим делать, Джастин? Она написала, что хочет увидеть тебя. Ты написал в ответ, что может быть вскоре?

Моё сердце уходит вниз, как мёртвая рыба на раскаленный причал. Я глубоко дышу, пытаясь рассуждать, пытаясь придумать оправдания. Я должна докопаться до истины и могу это сделать только единственным способом: «Приезжай. Сейчас. Улица Воторс 212.

Не могу ждать, чтобы увидеть тебя, детка ».

Она отвечает: «В пути».

И я брошу. Я брошу и брошу, задаваясь вопросом — кто она. Клянусь Богом, Джастин, если она — блондинка... Раздаётся стук в дверь, а ты не двигаешься. Я пристально смотрю на эту дверь. Тук. Тук. И что я должна сделать? Сказать ей войти? Я не могу этого сделать. Я об этом не подумала. Это грязно и незапланированно — это не вписывается в историю. Ничего из этого. Это должны быть я, он и наш малыш, а не я, стоящая здесь с его шлюхой по другую сторону двери.

— Джастин, детка? — произносит она.

Тьфу. Это слово! Я массирую виски, пытаясь думать о том, что бы Кинг или Паттерсон сделали, как они смогли бы использовать этот пиздец, этот «какого-хера-момент» для эпического поворота, для усиления кульминации. С каждым шагом, что я делаю ближе к двери, мой пульс звенит в ушах, мои мускулы становятся всё напряженнее.

— Джастин? — поёт она через деревянную дверь. Я подхватываю его MacBook по пути к двери, прижимаю его к груди. Я щёлкаю замком, поворачиваю ручку, и дверь с жутким скрипом медленно распахивается. Её тень падает на пол.

— Ээ... — я вижу, как колеблется её тень. — Джастин?

А затем она переступает порог. Всё, что я вижу, — светлые волосы.

Блондинка.

Блондинка.

Это — Эми, Джастин. Это бл*дь, #КлассноПровожуВремяСЭми, а затем...

Бах. Грохот. Бам.

Тушите свет.

#ДоброЯНочиНочиЭмиДоброЙНочиНочи#ПокаПокаЭмиПокаПока.

Глава 39

Мариса

«Бла-бла-бла» — Yo Gotti³³

Это действительно до абсурда вышло из-под контроля. И всё потому, что Джастин не знает, когда нужно сделать мат. Такой позор. Бедная Эми. Я вздыхаю, когда смотрю на неё и её светлые волосы, чуть испачканные кровью. Я сломала мозг, пытаясь понять, что, чёрт возьми, делать с этой небольшой дилеммой. Я имею в виду, этот тихий бардак, в который я себя втянула. Всё это произошло так быстро. Я даже не уверена, почему я ударила её MacBook Джастина, это была просто она и эти проклятые *светлые волосы*. Я паниковала добрые пять минут, ожидая, что она придет в себя. Может быть, я просто могу позволить ей уйти, когда она очнётся. Но она побежит и настучит в полицию, а я не могу позволить ей сделать это. И даже если она не пойдёт в полицию, останется проблема с кровью и противными клочками светлых волос на его MacBook.

Как я собираюсь объяснить Джастину, что я лазила в его iPhone? *Прости, малыши. Я подумала, что ты шлюха, так что отправила смс твоей игрушке, чтобы она приехала.* Это прозвучит безумно. А я не такая. Я просто влюблена в него. Но я твёрдо верю в судьбу, а Эми, ну, в общем, она та, кого Стивен Кинг отнёс бы к моему пятому делу. Она та, кто изменила правила игры. Та, из-за которой я убеждена: Джастин и я получим своё долго и счастливо. Она именно та, из-за которой я удостоверюсь, что он никогда не бросит меня, а я никогда не брошу его. Это то, как мы становимся Бонни и Клайдом: *Едем, пока не умрём.*

Судьба направила её сюда. Она наше пятое дело. Так что, я тащу её от входа на кухню. Я выхватываю снотворное из моей сумочки, вытряхиваю примерно 10 штук на ладонь и заталкиваю первую ей в рот. Но она без сознания. Я пробую подуть в её лицо. Ничего. Начинается паника. Мои инстинкты «не-позволяй-ему-подумать-что-ты-сумасшедшая» зашкаливают. Я стаскиваю с неё трусики, переворачиваю на бок, прижимаю колени к груди, и запихиваю таблетки ей в жопу. В любом случае таким способом должно подействовать гораздо быстрее.

Я мою руки и иду обратно в гостиную. Джастин по-прежнему без задних ног на диване. Я беру его за руку и тяну. Он с глухим стуком падает на пол. Постанывая, я тащу обмякшее тело Джастина на кухню к #КлассноПровожуВремяСЭми. Пот струится вниз по лицу и груди. На самом деле эта ситуация раздражает пи*дец как. Требуется вся моя сила, чтобы посадить и опереть его о белые шкафчики.

— Всё должно было быть не так, ты понимаешь? — говорю ему я, даже если прямо сейчас он продолжает свой путь через Ла-Ла-Лэнд. Мне, правда, грустно, что всё привело к этому, я размышляю, пока распаковываю одноразовые перчатки, хранящиеся под раковиной.

— Она кричала, когда я трахнула её по голове твоим MacBook, малыш, — сообщаю я Джастину, пока с хлопком натягиваю латексную перчатку. — Я не знала, что делать, я не была готова к этому, — наклоняясь, со вздохом провожу пальцами в перчатке по его волосам.

³³ музыкальный исполнитель

Я подхватываю нож мясника — клише. Знаю, знаю. *Вы ненавидите банальщину в кульминации. Предсказуемые концовки.* Я поднимаю руку и резко скидываю всё со столешницы. Тарелки и блюда разбиваются об пол. А теперь, худшая часть сегодняшнего вечера. Я встаю за Джастином и кладу нож на пол, затем отклоняюсь назад, переплетая мои руки с его.

— Ммм, — стонет он.

— Шшш. Всё хорошо.

Моя спина напряжена, когда я пододвигаю его ближе к Эми, распределяя большую часть его веса на своей груди.

— Ты знаешь, — произношу я, — ...написав больную херню, мы обречены, что в какой-то момент она достанет нас, заставляя потерять связь с реальностью.

Я вкладываю нож в его руку, нежно поддерживая своей рукой. Закрываю глаза, когда поднимаю его руку и втыкаю в неё. Шум ужасен, что-то аналогичное сырой мочалке, брошенной на бетон, и я думаю, что меня сейчас вырвет. Эми пытается кричать, но из-за таблеток в данный момент это больше похоже на писк котёнка. Я делаю несколько глубоких вдохов, прежде чем заставляю его погрузить нож в её грудь снова и снова. *Это, правда, перебор, Джастин, но ты — страстный мужчина. Ты трахаешься как животное и убиваешь как одно из них — такое создастся впечатление.*

Сердце колотится. Голова кружится. И как только я начинаю думать, что закончила, я понимаю, что она должна была отбиваться от него. Мне придётся пару раз провести лезвием по его руке и поцарапать ему лицо, если я собираюсь придать этому правдоподобности. Слёзы просачиваются сквозь мои ресницы. Прямо сейчас я ощущаю себя ужасным человеком.

— Всё, что я хочу, — идеальную историю, — шепчу я ему в ухо, прежде чем целую в щёку. Он стонет, как будто это тоже всё, чего он хочет.

Я встаю и отступаю назад, мой пульс учащён, разум в беспорядке. И я не буду лгать, пока я смотрю вниз на свои окровавленные руки, я становлюсь слегка зла на него. Он заставил меня это сделать. Он заставил меня убить её, поскольку он просто не мог честно играть. Он попытался сыграть более чем с одной королевой, он пытался поиметь больше одного сюжета. И честно, любовным треугольникам нет места в нашем романе! Я как-то прочла об этом в одном отзыве, и прямо сейчас я должна согласиться с этим. Вздыхая, я направляюсь в ванную, чтобы вымыться и переодеться в одежду, в которой вчера спала.

Я ухожу, сбрасывая по дороге домой мою одежду и эти противные перчатки в мусорный бак позади «Рыбной хижины». Мусор заберут ровно через 34 минуты, и у нас не будет никаких дыр в сюжетной линии. Не так я хотела, чтобы всё шло, но, чёрт, не всегда идёт по плану. Любой хороший автор знает это.

Глава 40

Джастин

«Вымотан» — *Leo*³⁴

Кобейн скулит и облизывает мое лицо языком, отгоняя сон. *Ox, e*ать!* Моя голова раскалывается. Тело жёсткое, как пиздец. Я переворачиваюсь, и моя ладонь приземляется во что-то липкое и холодное. Влажное.

— Бл*дь, Кобейн, — ворчу я. — Ты нассал... — я моргаю глазами, открывая их в непроглядной тьме, но могу почувствовать холодную плитку кухни под собой. *Почему я, бл*дь, на полу?* Я поднимаюсь на руки и колени, мои пальцы скользят по мокрому полу. — Дерьмо.

Спотыкаясь, поднимаюсь на ноги, мои носки погружаются во влажность той чертовщины, чтобы ни была здесь разлита. Я тянусь в сторону выключателя на стене, моя память такая туманная, что я не могу вспомнить, как я оказался в этой комнате. Наконец, мои пальцы натыкаются на крошечный выключатель, и я щёлкаю им. Моё сердце кувалдой бьёт по моим рёбрам. Красные полосы и отпечатки рук покрывают стену. Случилось дерьмо. Живот завязывается в узел, будто змея обвивает беспомощную добычу. Руки дрожат. Дыхание прерывистое, когда я медленно оборачиваюсь. Я хочу кричать, когда вижу девочку, лежащую на моём полу, глаза широко открыты и остекленели. Кобейн стоит между кухней и гостиной комнатой, просто наблюдая. Он не подойдёт к ней.

Эми? Почему здесь Эми? Покрытая кровью! Я смотрю на дверь, на окно. Ничто не взломано. Я пытаюсь хоть что-нибудь вспомнить, но мой мозг полностью в тупике, колёски не крутятся. Всё, что я могу видеть, это Эми. Мёртвая. На моей кухне. Я хватаюсь за стену, комната вращается. Я смотрю вниз и вижу свою руку, покрытую крошечными порезами и царапинами. Шатаюсь, делаю несколько шагов в сторону. Моя спина ударяется о стену. А затем, туманные воспоминания, как пузырьки на поверхности. Всё искажено и спутано, но они представляют нож, сжатый в *моей* руке.

Закрывая рот, я сползаю по стене, тряся головой.

— Нет. Нет. Нет.

Я зажмуриваю на хрен свои глаза.

— Очнись, бл*дь, — произношу я. — Просыпайся.

Это, должно быть, ночной кошмар. Это книга, которую я пишу, нашла отражение в моих мыслях, моих снах, и мне снится это дерьмо. Ноздри вздрогивают, когда я вдыхаю.

— Проснись...

А затем скулит Кобейн. Его тёплый гладкий язык облизывает кончики моих пальцев. Я открываю глаза. Она всё ещё там. В животе что-то пузырится и закипает. Я вскакиваю и бегу по коридору в ванную, едва сдерживаясь, прежде чем выплеснуть всё в унитаз. Пот сочится из каждой моей поры. Желудок содрогается. Когда я думаю, что мне было бы хорошо просто присесть, я вижу свои запачканые кровью руки, хватающиеся за бока унитаза. Грязные отпечатки пальцев оставляют мазки по всему ободку. Я блюю снова. А затем просто кладу голову на сиденье унитаза и плачу. Я боюсь, что мой рассудок повреждён. Я наконец-то зашёл слишком далеко во тьму и, возможно, сошел с ума.

³⁴ музыкальный исполнитель

Глава 41

Мариса

«Не дай мне вырваться» — Halsey

По радио играет Адель. Солнце сияет. Птички поют... в Центральном Парке — я в этом уверена. А я отмокаю в ванне с пузырьками. В прекрасно расслабляющей ванне с пузырьками пока читаю: «Чего ждать, когда вы в положении». Я откладываю книгу на край ванны и кладу ладонь поверх моего живота. Я надеюсь, это — девочка. Джастин будет выглядеть таким очаровательным, таская повсюду сумку для младенца, такую розовую с маленькими маргаритками.

Я бросаю взгляд на свой телефон — 8:32. Было рискованно оставить его так, но в то же самое время, как я уже тысячу раз говорила: он *должен* выучить урок. Я думала: надо строить из себя недотрогу — это точно сработает. Не сработало. Я играла с ним, показывая ему, что даже лучший из игроков может стать чьей-то игрушкой... но этого было совсем недостаточно. Чёрт возьми, я даже забеременела. Дело в том, что пока Джастин Вайлд был игроком, он всегда играл только с фанатками. Я не командный игрок. И я не фанатка. Я сама долбанная игра. Я объявляю фол, и если одна фиш卡 проваливается, я буду пробовать ещё и ещё, до тех пор, пока что-нибудь да не сработает, поскольку любовь стоит всего этого.

Я начинаю писать ему смс, но останавливаю себя. Алиби должно быть идеальным. Рассчитанным. Я вылезаю из ванны, вытираюсь, натягиваю кое-какую одежду. Нет времени на макияж, так что я втираю некоторое количество мерцающего увлажняющего крема и выбегаю из моей квартиры. Я спешу вниз по дороге к кофейне, захватываю карамельный макиато и ванильный латте, и, задрав хвост, мчу на Вотер стрит 212. Я ввожу код: 24456... я внимательно следила за ним, когда он набирал его, так что он напевается в моей голове как прицепившаяся реклама... и дверь щёлкает. Я пишу ему смс по пути наверх по металлической лестнице, звук моих Чаков Тэйлоров, бегущих вверх по ступеням, эхом отражается от стен.

«Карамельный макиато? Верно?»

Затем несколькими секундами позже: «Пробудись, соня». А затем... Я звоню в его дверной звонок. Я долблю в его дверь, и немного кофе проливается, ошпаривая мою руку.

— Джастин? Малыш? — моё сердцебиение усиливается, ладони становятся скользкими от пота. *Дерьмо*. И паника разрывает меня как оводы, закрепляющие сами себя своими крошечными крюками. — Джастин? Открой дверь.

— Бух. Бух. Бух.

Я слышу шаги. Кашель. Лай Кобейна.

— Я заболел, Мариса. Уходи.

— Джастин...

— Убирайся.

Я могу слышать стресс в его голосе, волнение. Я могу только представить, насколько он, должно быть, расстроился, проснувшись с мимолётными воспоминаниями о том, как его трахательный-мешок-для-веселья мог оказаться мёртвой на полу. Какой девушкой я буду, если оставлю его разбираться с этим в одиночку?

Вздыхая, я поворачиваю ручку. Дверь распахивается, Джастин стоит в задней части коридора, затоптанного кровавыми следами. Его глаза широко открыты от изумления. Кобейн мчится ко мне, виляя хвостом. Я захожу внутрь и закрываю дверь, затем гляжу Кобейна по голове.

— Как... — Джастин хмурит брови. Он выглядит жалким. Тёмно-фиолетовые круги залегли под его налитыми кровью глазами. Волосы в беспорядке, скорей всего, от того, что он многократно пропускал через них пальцы. Царапины покрывают его лицо. Их вид разрывает мне сердце. — Как ты вошла? — спрашивает он.

Я знаю, что он не в том состоянии, чтобы рационально мыслить.

— Малыш... твоя дверь была не заперта.

Кобейн направляется вниз по коридору.

— Я... так было? — он кивает. — Так и было.

Он стоит ошеломлённый, просто трясет головой, пока Кобейн облизывает его пальцы.

— Я... — он поднимает руку, чтобы провести по лицу, и я замечаю его костяшки — порезанные и расцарапанные, все в ссадинах, вероятно от того, что он слишком часто сегодня утром мыл руки пытаясь смыть ощущение её крови с них.

Я опускаю свои ключи в карман, прежде чем окидываю взглядом его кухню. Кровь повсюду. Отпечатками рук испачкана стена внизу. Он ничего не убрал. *Какого хрена. Насколько же он ленив? Боже.*

— Я эм... я, эмм, я... — и он начинает расхаживать. Вперёд-назад, вперед-назад, половицы скрипят под его весом, и Кобейн следует за ним, поджав свой хвост, как маленькая грустная тень.

Я глазею на ноги Эми, торчащие из-за угла шкафчиков. Темная кровь растеклась по полу и впитывалась в цемент.

— Джастин... — я медленно поднимаю на него взгляд. Его глаза наполнены слезами, и вот оно. Этот момент, когда он ломается. Когда он понимает, что я буду здесь с ним, когда вся эта небольшая херня закончится. Когда он осознаёт, что я тот человек, которому он может доверять. Его вторая половина. Когда он понимает, что он больше не игрок в этой игре, а пешка, всего лишь роль, которую я буду заставлять его играть по моей прихоти, чтобы сделать правильную историю. — Я думаю, что сделал что-то действительно плохое, — бормочет он и показывает в сторону кухни.

Выдыхая, я набираюсь смелости.

— Всё хорошо. Всё хорошо. Мы просто должны убрать это, — я киваю и направляюсь на кухню, тщательно переступая через лужу крови.

— Убрать это? — Джастин появляется из-за угла. — Убрать это? — повторяет он снова.

Я дергаю дверь кладовой, открываю ее и подхватываю швабру, совок и чистящие средства.

— Да, Джастин. Убрать это. Что же ещё мы должны сделать? Просто оставить это здесь?

— Я...

*Хватит уже бормотать и спотыкаться в своих словах. Е*ать!*

— Послушай, я не хочу ничего знать, — говорю я. — Я не должна знать, я просто хочу, чтобы это исчезло.

— Почему ты делаешь это? — он подходит ближе ко мне. — Мариса, я... — он смотрит в никуда. Его грудь рвано вздымается и опадает. Он делает ещё один шаг, прежде чем становится прямо передо мной. Его красивые голубые глаза утопают в слезах, и он медленно и нежно кладет голову на моё плечо. Самое печальное, самое отчаянное рыдание срывается с его губ, шепча мне в ухо.

— Я не хочу быть таким.

— Всё хорошо. Всё хорошо, — я пропускаю свои пальцы через его волосы, чтобы успокоить его. В конце концов, есть формула любви, понимаете. Людей связывают трагические события, *и вот мы здесь, Джастин. Мы. Здесь*.

— Было так много крови. И она просто выглядела... — его слова тонут в сильном рыдании. И всё, что я могу сделать, — это обнять его. Успокоить его. Поскольку сколько из его приятельниц по траху обнимали его, когда он плакал? Я знаю, что ни одна из них не нянчилась с ним в такой ситуации. Ни у одной из них не было его ребёнка в животе, растущего и питающегося.

Я отклоняюсь назад и обхватываю его лицо обеими руками, вынуждая его посмотреть на меня.

— Мы все делаем ошибки, — я сглатываю, моё сердце сжимается и с гордостью цокает как у клайдесдальской лошади (*прим. английская порода лошадей-тяжеловозов*).

— Я даже не помню, как пригласил её, но всё же я это сделал. Это было прямо здесь в моём телефоне. Я отправил ей смс и попросил прийти. Я не должен был, — его подбородок падает на грудь, и он трясёт головой. — Я просто...

Видишь? Теперь ты начинаешь понимать, Джастин.

— Посмотри на меня, — произношу я, пока провожу руками вниз по его суповой челюсти, покрытой жесткой щетиной. Я пристально смотрю ему в глаза. — Я люблю тебя. Любовь побеждает всё, верно? — я чувствую, как покраснели мои щёки. Моя грудная клетка поднимается, а его глаза плавятся как воск. Как податливый пластичный воск.

Моя грудь тяжело поднимается от печали и счастья, от больной и извращенной эйфории, и когда я целую его, он мгновение колеблется. Он дёргается назад, но когда я второй раз провожу своим языком по его губам, он обрушивается на меня. Его руки зарываются в мои волосы: дёргая и потягивая в духе истинного Джастина. И он плачет, цепляясь за меня, и это грёбаное электричество, которое никто больше не познает. Я думаю, что это маленько соглашение изменит всё. Для меня. Для него. Для нас.

Глава 42

Джастин

«Провоцировать» — *Aesthetic Perfection*³⁵

Прошли часы. Несколько часов, что мы убирались. Мариса набросила простыню на тело Эми, и это помогло. Ведро за ведром, мы вычищали и отирали мою кухню. Наконец, Мариса поднимается с колен и вытирает пот со лба, прежде чем снова бросает взгляд на простыню.

— Дерьмо, ладно, — говорит она. — Мы должны переместить её в ванну.

— Что?

³⁵ музыкальный исполнитель

— В ванну. Мы должны положить её в ванну. Если ты не хочешь, чтобы снова был бардак на кухне.

— Но почему...

— Ладно, Джастин, что ты предполагаешь сделать с телом, а? Я имею в виду, ты же живешь в самом центре бл*дского Манхэттена. Ты думаешь, что можешь просто пойти и вынести труп через переднюю дверь, бросив его в мусорный бак «Рыбной хижины»?

Я таращусь на простыню, пропитавшуюся кровью, и снова хочу всё бросить. Я чувствую, как мои внутренности затряслись и закрутились, паника прокатывается через меня, сначала медленно, а затем она превращается в полноценное цунами, которое заставляет меня схватиться за стену, чтобы устоять. Это не мертвое тело под той простыней. Я не убивал Эми. Я не такой человек. Несомненно, я пишу иногда о чём-то долбанутом. Кровь и кишki, похищения, но я не из тех людей, о которых пишу в своих книгах. Нет. Конечно, были времена, когда я волновался, что слишком вживался в персонажи, был слишком одержим пониманием их душ, их усилиями, но всё это — часть искусства. Я не персонаж романов Кинга. Я не один из тех сумасшедших авторов, которые так оторваны от реальности, что сразу же убил кого-то, едва отключившись. А затем я снова смотрю на простынь, и огромный ком образуется у меня в глотке. И вот он я — прижимающийся к стене, неспособный оторвать пристальный от этой простыни в форме бугра. Я сползаю на пол, подгибаю колени и прячу лицо в ладонях.

— Джастин, извини, мне просто... этот беспорядок пугает меня, и теперь я причастна к этому, потому что люблю тебя, правда, но мы должны сделать что-нибудь. Быстро.

Я поднимаю голову и пристально смотрю на Марису. На красивую сладкую Марису. На женщину, которую я действительно не заслуживаю, поскольку что, если я сумасшедший? Разве сумасшедшие люди всегда знают о своём безумии? Поскольку если вы осознаёте, что вы сумасшедший, вы — не сумасшедшим, верно? Знание того, что вы сумасшедший, делает вас более нормальным, так что, возможно, я и безумен, поскольку так не думаю. Как ещё всё это можно объяснить? И, возможно... возможно, я просто должен сдаться. Сообщить полиции, что Мариса не имеет к этому никакого отношения, что я вынудил её помочь мне убраться, когда она пришла в мою квартиру.

— Джастин? — она щёлкает пальцами перед моим лицом, и я моргаю.

— Да?

Она возвращается на кухню, наклоняется, сдергивая простынь и берётся за запястья Эми.

— Давай. Возьми её за ноги, я не могу нести её одна.

Я медленно встаю, мои ноги трясутся. Сердце колотится в груди, пульсируя в висках, пока тонкий слой пота покрывает мою кожу.

Я смотрю вниз на побледневшие пальцы ног Эми, которые выглядывают из-под края простыни, и тяжело сглатываю. Я наклоняюсь и хватаю её, но отрываю руки в ту же секунду, как только они прикасаются к её липкой коже.

— Е*ать, — произношу я между глубокими вздохами.

— Это просто мёртвое тело, Джастин. Поторопись, чёрт возьми. Ты не можешь думать об этом, просто... просто возьми её и давай уже пойдём.

И я *tak* и делаю. Я думаю о том, как быть ребёнком и смотреть через окно клетки зоопарка, наблюдая, как обезьяны качаются на маленьком фальшивом дереве, борясь за высущенный плод, который смотритель бросил одной из них. Я не знаю почему, но это то, о чём я думал, и прежде чем я понимаю — *с резким глухим стуком* тело приземляется в ванну, и я больше не с обезьянками. Я возвращаюсь обратно в мои дорогостоящие апартаменты на Манхэттене с телом мёртвой девочки в моей когда-то чистой ванне.

Глава 43

Мариса
«Чужой» — Bush³⁶

Требуется 6,5 часов, чтобы расчленить человеческое тело и смыть его в унитаз. Вы не сможете найти это в Google. Лицо Джастина серовато-зелёное, и он резко рухнул у стены ванной возле раковины. Его дважды тошило. Я блевала лишь раз. Бросаю последний кусок останков в туалет и вспыхиваю, наблюдая за ужасным водоворотом в водостоке, прежде чем он исчезает, чтобы его больше никогда не увидели. *Процай, Эми Смит — простушка-банная-Джейн. До свидания.* Эд продолжает писать мне о встречи с ним. *Пошел на х*р, Эд.* Я здесь посередине развязки, и у меня нет времени на кофе с тобой и твоими рыжими волосами.

— Хорошо, — произношу я, делая глубокий вздох, пока поднимаюсь на ноги, — теперь мы должны убрать остальную часть квартиры, ванную и туалет, а затем мы должны поехать куда-нибудь к океану. Выбросить одежду и... — я наклоняюсь, подбиравая грязную ножовку, — ...это. После того, как мы отмоем её, конечно же.

Джастин смотрит сквозь меня, его голова немного подёргивается туда-сюда. Меня немного беспокоит это, возможно, для него всё это было слишком. В смысле, для меня это тоже не было прогулкой в грёбаном парке, но, по крайней мере, я знаю: это для общего блага. Джастин же думает, что он хладнокровный убийца. Благословите его.

— Малыш, всё хорошо. Некоторые вещи просто случаются, и если ты не можешь вспомнить что-то, ну, в общем, как можно говорить, что это не она напала на тебя первой? — слабая надежда расцветает на его лице, когда он смотрит на меня. — Я имею в виду, ты не пропагандируешь насилие и жестокость, и ты не злой. Ты — не убийца. Ты всего лишь пишешь о них и умудряешься вприснуть немного любви туда, — я открываю дамскую сумочку и вытаскиваю мусорный мешок. Один из тех, с ароматом ванили, которые так хорошо пахнут.

— НЕТ. В этом нет смысла...

— Люди ломаются. Ты находился в стрессовом состоянии, — говорю я, в то время как сворачиваю её одежду и бросаю в небольшой белый мешок. — Мы просто, понимаешь, двигаемся вперёд.

— Я просто не знаю, что сказать тебе... тебе... — он трясёт головой. — Ты никогда не должна была быть втянута в это.

Я пожимаю плечами, пока завязываю узел на полиэтиленовом пакете.

— Каждая история любви нуждается в широком жесте.

Он улыбается. Впервые с тех пор, как #КлассноПровожуВремяСЭми превратилась в #РасчленениеКлассноПровожуВремяСЭми, он улыбается.

— Иди сюда, — говорит он, и я это делаю. Я бросаю мешок на пол и направляюсь к нему, опускаясь на колени. Его пальцы скользят по моей челюсти, так сладко зарываясь в мои волосы, что я абсолютно уверена — они в крови. Я смотрю в его суженные голубые глаза цвета океана и вижу, как в этот момент в них появляется озарение. Напряжение возрастает, моё сердце колотится. Да, Джастин. Вот оно. Прямо здесь, независимо от того, насколько неправильно это ощущается...

— Я люблю тебя, — шепчет он так эмоционально, что у меня земля уходит из-под ног. Это статическое электричество гудит и щёлкает, раздуваясь до тех пор, пока я не уверена, что оно охватывает половину Манхэттена. Затем он целует меня с почтением пастыря, совершающего свой последний ритуал. Поскольку это любовь. Это пассаж. Это наша история — испорченная, извращенная и совершенная.

³⁶ музыкальный исполнитель

— Я тоже люблю тебя, Джастин, — я вдыхаю его дыхание. — Я люблю тебя, а теперь дай мне её телефон.

Улыбаясь, я стою на берегу Гудзонского залива и печатаю пост: «*Иногда вы просто хотите убежать от своих проблем. Пуф. Бесследно исчезнуть*». Ветерок оставляет лёгкую рябь на воде, и я делаю глубокий вздох солёного воздуха. Дело в том, что они будут смотреть её посты на Facebook. Они увидят, что она написала это во вторник 13-ого марта в Нью-Йорке в 4:46:43. Они увидят, что вчера вечером она отправила сообщение Джастину, но они также увидят его сообщения, отправленные сегодня утром с вопросами, что с ней случилось. И они вряд ли когда-нибудь найдут её.

Я роюсь в своей сумочке, вытаскиваю салфетку для рук и тщательно вытираю её телефон, прежде чем бросить в реку. *Всплеск*. И это конец. Я горжусь собой и тем, как замела наши следы, Джастин. *Правда*. Ты видишь — вот, где действительно удобно иметь творческий ум писателя. Когда вы пишете извращенные вещи, как я, это не так странно — создавать историю, которая включает в себя такие вещи как: «*Наибыстрейший способ отравить кого-то. Ножовку. Как скрыть убийство. Как отмыть кровь от цемента. Или то, с каким звуком нож разрезает кожу*». Я практически хочу запостить это на Facebook, хохоча пока буду писать:

#ЖизньПисателя

#ВсеТёмныеСлова

#ПроцайФелицияБолееИзвестнаяКакКлассноПровожуВремяСЭми.

Жизнь прекрасна. Да, так и есть. Погода идеальна. Нет ни одного облачка на небе, и я единственная и неповторимая для Джастина Вайлда. Я — его доверенное лицо. Хранительница его секретов. Я — предмет зависти каждой женщины в нашем небольшом книжном мире. Мой телефон пикирает. Снова Эд настаивает на кофе. В этот раз он говорит, что он знает, в какой кофейне я всегда бываю, и что по возможности он будет меня преследовать. Ладно, Эд, ты тихий романтик, не так ли? Но ты не добьешься меня, поскольку ты не моя вторая половина. Я не связана с тобой кровью, Эд, нет, не связана. Я связана с Джастином.

Глава 44

Мариса
«Пиф-Паф» — 2 Cellos, Sky Ferriera³⁷

Я стою у стойки в кофейне, ожидая, когда бариста закончит с моим заказом. Прошло две недели с тех пор, как #КлассноПровожуВремяСЭми покинула этот мир, и Джастин не так уж и хорошо всё это воспринял. Я понимаю, на самом деле понимаю. Травмирующие события накрывают тебя, ну, на самом деле, в конце концов, у меня же был нервный срыв, когда Джон обманул меня с той грёбаной блондинкой. И потом, когда я убила его, *ups*, видите ли, мне не следовало признаваться в этом, но я это сделала, ну, и ладно, я ведь не из тех, кто убивает. Пришлось обставить всё как самоубийство, которое жёстко отразилось на мне, хотя, на самом деле, оно заставило меня переступить черту, и я как будто сорвалась от горя. Паранойя. Была вся на иголках. Это никогда не было... забавным, но как же легко избежать наказания за убийство, а когда вы сможете оправдать это у себя в голове — дело в шляпе. Проблема здесь заключается в том, что я не знаю, как заставить Джастина оправдать убийство Эми, потому что он не видел, какую угрозу она представляла для нашего счастья.

³⁷ музыкальные исполнители

Он просыпается по ночам весь в поту, крича, а иногда и плача. Он бродит. А что касаемо секса? Забудьте об этом. У него даже не стоит. Он настолько озабочен тем, что сделал... всё ходит вперёд-назад, вперёд и назад, постоянно задавая вопросы, пытаясь собрать кусочки головоломки, которые никогда не соберутся. А затем, ну, конечно же, он отменяет все свои автограф-сессии — и это здорово. Но ведь так и было задумано, верно? Чтобы избавиться от всех этих ужасных отвлекающих факторов в нашей жизни...

Кто-то налетел на меня, сбивая меня с мысли.

— Простите.

Я оборачиваюсь, и моё сердце начинает стучать, как лёгкий летний дождь по жестяной крыше. Я смотрю в синие глаза и на эту сладкую улыбку.

— Ох, — удается пискнуть мне, — ничего... Эд.

— Говорил же, что найду тебя? — ухмыляется он. Я чувствую, как глаза баристы сверлят меня, потому что это Эд — выдающийся певец. И он стоит в этой маленькой кофейне, улыбаясь *мне*. — Когда выходит твоя следующая книга?

— Я... эм... я эмм... — с трудом сглатываю, мои щёки горят. Меня качает из стороны в сторону. Он такой симпатичный, что я просто хочу взять его за руку, вывести из этой кофейни и направиться в Центральный Парк, чтобы он там пел мне сладкие песни о любви. Эд стоит передо мной в ожидании. — Ух... у меня ещё пока не назначена дата релиза.

— Боже, ты держишь меня на иголках. Я действительно обожаю эту историю, — он берёт свой кофе у баристы. — Я... эмм... написал песню, основанную на ней.

— Правда? — мне хочется хлопать, кричать и спрашивать, но я не буду.

— Ага, ты знаешь, я, ну... с удовольствие спою её тебе, — он улыбается, и моё предательское сердце в экстазе. — Я спою её здесь, хочешь?

— Ты... — маленький вздох срывается с моих губ. — Ты серьёзно? О, Боже, я бы с удовольствием послушала.

Он оглядывается на баристу.

— Ты не против, да?

Она качает головой, ошеломлённое выражение буквально приклеилось к её лицу. Я уверена — она ненавидит меня, и так должно и быть. Я трахаю Джастина Вайлда и Эда... — одного из *моих* фанатов. Я — удачливая сучка. Моё сердце доверху наполнено ожиданием и возбуждением. Два фаната творений друг друга. *Это превращается в идеальную историю любви, да, Джастин? Не так ли, Эд?* Меня накрывает приступ вины, причиняющий душевные муки, когда я думаю о Джастине, сидящим в своей квартире, ожидая свой карамельный макиато, который становиться всё холоднее с каждой секундой.

Эд прочищает горло и улыбается, демонстрируя свои сладкие ямочки, когда это делает... а затем он поёт: «*Любовь... м-м-м... сумасшедшая, сумасшедшая любовь, моя дорогая. Прогулка вдоль путей, моя дорогая, с моей ненормальной любовью...*»

Он поёт наипрекраснейшую лирическую песню, и вся кофейня застыла в гипнотическом трансе от звука его голоса. Некоторые люди снимают видео на свои телефоны, и я борюсь, чтобы сдержать свои чувства. Мой щёки болят от того, как сильно я улыбаюсь. Моё сердце трепещет, как крыльшки колибри, а когда он заканчивает, всё, что я могу сделать: броситься обнимать его и поцеловать — такой дежурный поцелуй. Но когда я целую его тёплые сладкие губы, он целует меня в ответ. Люди аплодируют и свистят, и это как момент из кинофильма — совершенный и незапланированный. Спонтанный.

— Я выступаю в городе, и нам следует затусить, — он улыбается, вытаскивает свой телефон из кармана джинсов и протягивает мне. — Дайте мне свой номер, и я позову, — он подмигивает, и я таю. Я быстро набираю свой номер и отдаю ему телефон. — Отлично, до встречи, Мариса.

И он уходит, и каждый наблюдает, как он идет. Я успокаиваю себя и выдвигаюсь из кофейни с моим ванильным латте и карамельным макиато Джастина.

Когда я открываю дверь в квартиру Джастина, он по-прежнему валяется на диване, голова Кобейна лежит на подушке.

— Эй, малыш, я принесла твой кофе, — произношу я, пересекая гостиную. Он поднимает взгляд и улыбается — эти фиолетовые круги под его глазами стали даже больше, чем когда я уходила.

— Мариса. Бл*дь... Я этого не вынесу. Я хочу, чтобы меня арестовали, — он садится, подгибает колени и запускает руки в волосы. Кобейн фыркает и укладывается на пол. — Я сяду в тюрьму.

— Нет. Прошло две недели. Они допросили тебя, и ты справился. Ты даже не подозреваемый, — я отдаю ему кофе, но он всего лишь слабо удерживает его. Я продолжаю смотреть на крышку, ожидая, когда же прольётся кофе.

— Это во всех новостях, — он трёт лицо рукой. — Сейчас это во всех новостях.

— Так и будет. Она ведь пропала. И они никогда не найдут её. Сейчас она смешалась с кучами мочи, говна и использованных презервативов.

Он впивается в меня взглядом.

— Я сумасшедший?

— НЕТ.

— Я чувствую себя сумасшедшим.

— Я знаю.

И я, правда, знаю, но не скажу ему об этом. Я хочу рассказать ему. Что я это сделала, что я использовала его как кукольник свою е*аную маленькую марионетку, дёргая за ниточки так, чтобы просто поднять его рук и убить #КлассноПровожуВремяСЭми. Но он не поймёт, что я это сделала только потому, что так сильно его люблю.

Я знаю, что он мучает себя, думая, что он — чудовищный убийца, но в действительности, если вы доберётесь до самой сути всего этого, он всегда относился к одной из разновидности убийц. Он вырезал сердца всех тех девочек, которых трахал на своём пути, разбрасываясь обещаниями, как королева красоты разбрасывается шоколадом «Мистер Гудбар» с проклятой платформы на колесах на Рождественском параде.

— Я просто... — произносит он, беря мою руку в свою. — Я не знаю, что я буду делать без тебя. Ты... — он качает головой, и его глаза смотрят вниз, — ты слишком хороша для меня.

— Я люблю тебя, Джастин.

Он тянется и кладёт свою руку на мой животик, прищуривая глаза.

— Я тоже люблю тебя, — шепчет он. И мне кажется, что он принял всё это сейчас. Меня, себя и младенца. — Ты никогда не сможешь уйти от меня, Мариса.

— Я и не собираюсь, — кладу руку поверх его. — Мы не уйдём.

И я улыбаюсь, думая в своей голове: «Шах и мат», — но что-то... что-то не ощущается правильным. Словно я фальсифицирую этот «шах и мат», поскольку действительно ли я победила? Теперь он меня любит, он видит, насколько я особенная и как сильно его люблю. Скольким я пожертвовала... но всё же что-то не так со всеми этими мучениями. Мой телефон гудит. Динь-линь-дилинь. Я смотрю вниз на текст: «Сегодня вечером в 8 в Центральном Парке? XX Эд. Кстати, твои губы умопомрачительные ;)».

Внутри меня что-то напрягается. Что-то типа разъяренного роя пчёл в моём животе. Мне следует отказаться... Я смотрю на Джастина, на моего печального сломанного Джастина, и чувство вины обрушивается на меня в полную силу. Несомненно, он сбежал и погружался по самые яйца в девочек, когда мы были вместе, но мы никогда не были вместе, как сейчас.

Возможно, это опьяняющий натиск, гудящий внутри меня, это ощущение быть отчаянно желанным более чем одним человеком, и именно поэтому Джастин так поступал. Но я не такая. Я не обманщица, и Бог свидетель, что мы не нуждаемся в двух

королях на этой доске, так что я выключаю звук, переворачиваю свой телефон экраном вниз и ложусь на диван.

— Полежи со мной, — прошу я Джастина. Его лицо смягчается, и он идёт ко мне, кладя свою голову на мою грудь, туда, где бьется сердце. Я надеюсь, что он слышит, как оно бьётся для него, как ускоряется биение лишь от его прикосновения. — Всё будет хорошо, — шепчу я, пропуская свои пальцы через его волосы. — Каждый совершает ошибки.

— Я просто хочу вспомнить, почему я это сделал.

— Это ничего не изменит, и, кроме того, всё происходит не просто так. Следовательно, была причина тому, что она должна была умереть... — я вздыхаю, поскольку, возможно, этоозвучало слишком самоуверенно... — Я уверена, так и было, — пятый элемент... — Честно, я думаю, ты слишком вжился в свои персонажи. Эта книга, над которой ты работаешь, — я качаю головой, — всё так запутано, малыш. Я имею в виду, разве ты не читал «Сияние» (прим. «Сияние» — культовый роман Стивена Кинга)?

— Ага...

— Ты — Джек Торренс, — смеюсь я.

Но всё, что он делает, это впиваются в меня взглядом.

— Это была гостиница, которая овладела им, а не писательство.

Я закатываю глаза.

— Я хочу сказать — то же самое произошло и с тобой.

— Я просто хочу, чтобы всё прекратилось, — он фыркает и кладёт свою руку обратно мне на живот. Мы лежим в тишине в течение нескольких минут, и я смотрю на него. Я вижу, как гудит его мозг, как его мысли гонят его к краю безумия. Я знаю. Они загоняли меня туда же, и это вообще не милое местечко.

— Я надеюсь, что это мальчик, — произносит он. — Если это будет мальчик, мы сможем назвать его Гейдж? Гейдж Грин Вайлд?

Моё сердце трепещет, а грудь раздувается от гордости.

— Мы сможем назвать его так, как ты захочешь, малыш, — отвечаю я. — Как захочешь.

Даже если твоя настоящая фамилия и не Вайлд...

Глава 45

Джастин

«Человек» — *Rag'n'Bone Man*³⁸

«Я не могу двигаться. Я хочу кричать, приказать человеку, удерживающему меня, остановиться, но не могу. Мои руки поднимаются, хотя я велю им не делать этого. Лезвие ножа блестит, а затем...»

Полицейская сирена ревёт за окном, и я подскакиваю с дивана на ноги. Холодный пот струится по моей коже, сердце колотится. Я спотыкаюсь, но удерживаю себя, хватаясь за кофейный столик. Кобейн садится на своей лежанке — уши подняты. Он воет и лает из-за оглушающего шума, я мчусь к окну убедиться, что они приехали не за мной. Я смотрю, как небольшие вспышки красных и синих огней сильно отражаются от зданий, пот струится вниз под воротник моей рубашки. Полицейская машина заворачивает за угол, колёса визжат. Огни исчезают вместе с вопящей сиреной, и я выпускаю дыхание, которое удерживал. Кобейн гавкает в последний раз, а затем укладывается обратно на лежанку.

³⁸ музыкальный исполнитель

Мой разум не отдыхает. Ни днем, ни ночью, ни ночью, ни грёбаным днём, всё, что я могу сделать, — пытаться соединить частички того, что произошло той ночью. Я помню, как пришла и ушла Мариса, а затем... ничего, кроме расплывчатых воспоминаний меня, ножа и тонны дермовой крови. Я едва сплю, поскольку мне снятся сны об этом, когда всё же получается заснуть. Я прислоняюсь лбом к стеклу, глядя на шумную улицу, желая, чтобы я был тем человеком, каким я думал, что был. Нормальным. Но, в действительности, какой писатель абсолютно нормален? Я имею в виду, у нас же есть голоса внутри наших голов, нам просто платят за то, что мы выпускаем их на бумагу.

Я отворачиваюсь от окна и брошу по квартире. Размышляя. Размышляя. Размышляя. Это ощущается, как будто моя голова постоянно раздувается, становясь всё больше и больше с каждой несвязной мыслью, что я запихиваю внутрь. Я просто жду, когда она лопнет. *Бах*. И мой мозг покроет всё эти грёбаные стены. Если бы у меня был пистолет, я, скорей всего, сейчас вышиб себе мозги.

Я подхватываю мой MacBook, сажусь на край дивана и открываю документ Word. «*Любить — это безумие, правда, так и есть. И это сделало меня сумасшедшим. Одержанность. Обладание. Всё, чего я хотел, была она. Только она. Всё, чего я хотел, — идеальную историю. Так что ты поймёшь, меня, дорогой читатель, почему я должен был убить его. Она была моей и была нитью, соединяющей хребет нашей книги с кровью и костями. Любовь покупается и оплачивается жизнями...*»

Я пишу до боли в пальцах, пока день не исчезает в ночи. Мысли о крови и смерти кружат в моём мозгу, как великолепный ветер. Я пишу, пока строки между вымыслом и реальностью становятся настолько размыты, что я не могу сказать вам, где вымысел, а где нет. И это очищает. Это прекрасно, однако что за чудовище будет думать, что дермо, подобное этому, прекрасно? Повесив голову, я царапаю пальцами кожу под волосами. Я не чувствую безопасности внутри своей головы. Безумие... Я думаю, что это чувство — безумие. Возможно, я должен быть благодарным, поскольку это не то качество, в котором большинство писателей находят свою наиболее прибыльную музу, а в части чрезвычайного хаоса, уходящего далеко от безумия? Льюис Кэрролл? Не говорите мне, что этот ублюдок не придерживался линии клинического безумия, грёбаные мюзинки в мюзике и Чеширский кот (*прим. персонажи стихотворения «Бармаглот» Л. Кэрролла, входящего в повесть-сказку «Алиса в Зазеркалье»*).

Я отставляю, компьютер в сторону и, не сильно задумываясь, иду на кухню, но замираю в ту же секунду, когда мои голые ноги прикасаются к плитке пола на кухне. Эта комната преследует меня. Я не хочу видеть изображение той простыни в форме бугра. Отпечатки рук на стене... Я закрываю глаза, пока держу свой путь к холодильнику, чтобы взять пиво, открывая их только тогда, когда ощущаю ручку из нержавеющей стали под ладонью, и дергаю за неё, открывая дверь. Тусклый свет мигает. Я захватываю последние две бутылки пива и закрываю дверь. Держу свои глаза закрытыми, пока не ощущаю древесину под ногами, а затем вытаскиваю телефон из кармана, чтобы написать Марисе, что мне нужно больше пива. Звук рингтона «Шервудский лес» ревёт со стороны моего дивана. *Класс, она оставила свой телефон*. Я вылавливаю его из-под подушки, и он опять издает звуковой сигнал. Экран зажигается и появляется маленький пузырёк с текстом. «*Я в Центральном Парке. Приходи ко мне. ХХ Эд*».

— Ублюдок! — ору я, хватая её телефон. И я листаю сообщения. «*Твои губы умопомрачительные*». Она не лучше, чем Мередит. Она бросит меня. Я сильно провожу ладонью по волосам. Делаю глоток пива. А Эд снова пишет. «*Около Бой Бридж*».

Aх ты, говнюк!

Беру её телефон, хватаю жакет, прежде чем вылетаю из квартиры, прямо через кухню и сразу к подземке, которая высаживает меня на 72-ой Улице.

Я машу человеку, продающему поездки в карете, пока торопливо иду по улице и направляюсь вниз по лестнице. Спрыгиваю с тротуара. Сухая трава скрипит под моими ботинками. По извилистой тропинке, идущей через парк, близко друг к другу идут пары... поцелуи, смех. И я закипаю. Сначала Крис Тэлон, а теперь этот членоголовый по имени Эд. Я не уступлю парню по имени Эд. Эд хочет погрузиться по самые яйца в неё. Это моя работа. Я не потеряю её, потому что люблю, и она ждет моего ребёнка, и она, бл*дь, знает, что я убил кое-кого. Я не потеряю её из-за какого-то придурка. Нет. Я лучше! *Пошёл на х*р, Эд!* Нет, она повязана со мной. Любовь есть любовь. И с этого момента обещания есть обещания, чёрт подери, Марису с одним «с». Ты принадлежишь мне, пока смерть не разлучит нас.

Я всё ближе приближаюсь к Боу Бридж, тьма углубляется и толпа редеет. Эд и понятия не имеет, с кем решил связаться сегодня ночью. Джастин Вайлд. Писатель. Убийца. Любовник.

Я останавливаюсь как раз перед самим поворотом на тропинку и подбираю камень. Большой, гладкий и круглый камень, готов поспорить он — как черепушка Эда. Я держу его близко к боку, мои пальцы становятся скользкими от пота, в то время как я всё приближаюсь к основанию моста. Сверчки замолкают, когда я делаю шаг на лужайку. Я уже убил одного человека, что поменяется, если я убью ещё одного? Мой билет в один конец в ад уже проштампованный. Возврату и обмену не подлежит. Если честно, я просто делаю то же, что и любой другой парень на моём месте, если его бы не волновали последствия. Все мы животные внутри. Скалящие зубы с пеной от бешенства. Я просто сорвался с поводка, вот и всё. Безумие... меня захватило безумие, циркулирующее во всех нас. Я — Льюис-матерь твою-Кэрролл, а Мариса — моя Алиса, а этот Эд — это грёбаный Белый Кролик, который пытается соблазнить её глубокой тёмной дырой.

Я могу слышать, как вода плещется о цементный фундамент красивого моста. И там, у кромки воды, в потёмках стоит одинокая тень. Красно-оранжевый всполох сигареты становится ярким, когда он вдыхает. Медленный поток серого дыма плавает вокруг его головы. Ярость прожигает меня. Гнев. Страх. Ревность. Я ощущаю себя примитивным пещерным человеком на охоте, который готов убивать и утащить мой ценный приз обратно в пещеру. Возможно, я повешу голову Эда над моим камином, как напоминание для Марисы, что она принадлежит мне. В конце концов, я потерял всё. Мою сделку с издательством, моих фанатов, мою способность писать приличные грёбаные предложения. Чёрт, как оказалось, я даже потерял моё здравомыслие? Но, прежде всего, я люблю её, чёрт возьми, а она любит меня. Он шевелится. И сейчас голубая дымка освещается экраном телефона, который он держит в руке. Он делает ещё одну затяжку сигареты, и телефон Марисы звонит. Я даже не вытаскиваю его из моего кармана.

— Эд? — произношу я, когда становлюсь прямо за ним.

Он поворачивается. Я едва вижу тень его лица, прежде чем бью его сбоку по голове камнем. Раздаётся противный треск, и он падает на землю, как тяжелый мешок. *Глухой стук*. Просто для верности я поднимаю камень и бью его по черепу снова, и на этот раз... треск и звук брызг... немного крови попадает на мою рубашку. *Класс*. Вздыхая, я бросаю со всплеском камень в озеро, затем выуживаю его бумажник из кармана штанов, поскольку грабежи с применением насилия постоянно происходят в Центральном Парке. А затем ухожу, напевая «Счастливы вместе» по пути, чтобы прикупить немного пива, потому что именно так у нас и будет. Счастливы вместе, е*аная Мариса.

Ты можешь и поиграть с игроком, моя дорогая, но осмелившись ли ты убить убийцу.

Я добираюсь домой, бросаю бумажник этого у*бка на столешницу, ставлю упаковку пива, беру одну бутылку и поднимаю её вверх. Два человека. Теперь я убил двоих, и задаюсь вопросом, когда же это прекратится? Я приканчиваю своё пиво, а затем ещё одно и ещё, бутылки выстраиваются в совершенную линию около дивана. Моё зрение размыто алкоголем. Я вытаскиваю свой телефон из кармана и пишу Марисе. «Шервудский лес» ревёт в моём заднем кармане, и я закатываю глаза. *Всё верно*. Эд... Я ложусь назад,

забрасывая подушку под голову, и закрываю глаза, чтобы получить большее количество снов: о крови, ножах и криках, и... и о сладком убаюкивающем голосе Марисы, что шепчет в моём ухе: «*Всё, что я хочу, — идеальную историю*».

Мои глаза тут же распахиваются.

— Мариса... — мураски покрывают мою кожу. Волосы встают дыбом, озноб ползёт по всему телу. Я заставляю себя делать вдох и выдох, а глаза зажмуриться, и всё встает на свои места и приобретает смысл. Изображение в моём мозгу проигрывается как какой-то нездоровий ролик немого кино. Только я — не Чарли Чаплин, а Эми — не Клара Боу. Это всё не вымысел, где плохие парни удирают. *Или всё же это он?*

В панике я сажусь, сбивая бутылки с пивом, когда мчусь к двери и запираю её. Я опираюсь о стену, мой мозг потрясён. Я вытаскиваю телефон из кармана и набираю 9-1... но *стоп*. Что я, чёрт возьми, делаю?

«Да, офицер, моя девушка, ох, подождите, моя беременная девушка как-то убила в моей квартире эту девочку, которую я подцепил, чтобы переспать, пока я был... ладно, я не помню, что делал, но я уверен, что это именно она убила эту девочку...»

— Как она сюда попала?

Ладно, я не знаю.

— Вы отправили ей смс.

Хорошо, но...

— И где же тело?

Ух, ну, в общем, мы своего рода расчленели его, смыв в унитаз кусок за куском.

— То есть Вы помогали ей?

Хорошо, я имею в виду...

— Почему Вы не позвонили раньше?

Ух...

И почему бумажник Эда у Вас на столешнице?»

*E*ать!* Я отталкиваюсь от двери и хватаю ещё одно пиво. Я брожу и пью. Пью и брожу, и верный Кобейн следует позади меня, тяжело дыша и виляя хвостом, поскольку он понятия не имеет, как нас поимели.

Мариса... о... Мариса... В смысле, вот дермо, она убила девочку и подставила меня. Она — пи*данутая, но я должен отдать ей должное: *она — e*аный гений*. Я не смог бы придумать лучшую историю. Не смог бы. Эти повороты, которыми мог бы гордиться сам Кинг. Одержанность. Она одержима мной, сходит по мне с ума так сильно, что убила кое-кого. И на этой мысли мне понадобилась секунда, чтобы поправить мой вставший член. Я хочу сказать, разве вы не видите красоту в этом деръме? Она убедила меня, что я убил Эми, и всё потому что... она ревнивая, грёбаная сумасшедшая, сходящая по мне suma. Она. Мой член с каждой секундой становится всё твёрже. Настолько больная, и оказалось — это так горячо. Мариса не любит меня, здесь кое-что большее. Она никогда не бросит меня. Она не сможет бросить меня.

Мои глаза останавливаются на бумажнике Эда на столешнице, на крошечных пятнышках крови на моей рубашке... *дермо*, я тоже не смогу бросить её. Что же происходит, когда два человека, одержимые идеей любви, находят друг друга и танцуют запретный танец? Они становятся помешаны на мыслях друг о друге.

Теперь я смеюсь, как маньяк, опираясь руками о столешницу на кухне и делая глубокий вдох.

— Дермо, — произношу я, вставая и сильно хлопая по бумажнику Эда. А затем гогочу. Конечно, Ромео и Джульетта — это великая история любви, но грёбаные Харли Куинн и Джокер — это тот вид историй любви, который грандиозен на всех уровнях. И хотите знать, почему? Поскольку любовь мимолетна, это — эмоция. Нечто, над чем вы пророните слезу-другую. Одержанность — это то, из-за чего вы прольёте кровь. Одержанность превосходит любовь в любой-ёбанный-день.

Глава 46

Мариса

«Команда мечты» — Niykee Heaton

Кассирша пробивает последний продукт — пиво Джастина. Она не говорит мне итог, так как слишком занята, печатая что-то в своём телефоне. Мне хочется заорать на неё, но я этого не делаю. Я смотрю на сумму на кассовом аппарате, вставляю свою карту в чипридер, и когда раздаётся звуковой сигнал, вытаскиваю её, самостоятельно выхватывая чек из принтера.

Колокольчик магазина звенит, когда я выхожу в прохладу вечера. Я не могу прекратить думать о том, что он хочет назвать ребёнка Гейдж. И о том, как идеально мы подходим друг другу. Я счастлива, что его ложь не была ложью. Он любит Кинга и Паттерсона... Какой-то стариk всего в миллиметре обхехал меня на велосипеде с крошечным плюшевым медвежонком в корзинке. Он поёт: «Эй, эй, мы — обезьяны», — и я рада, что не безумна, как он. Я безумно влюбленная, но не сумасшедшая.

Я поправляю пакеты с продуктами в руке и направляюсь к квартире, пение сумасшедшего человека всё ещё навязчиво плавает в ночном воздухе. Я не могу ничего поделать и разыгрываю свою жизнь с Джастином. Когда пройдёт немного времени, когда он отпустит ситуацию с Эми, мы напишем вместе книгу. И это будет бестселлер с удивительной концовкой. Мы будем стареть, расти маленького Гейджа и проводя лето в Хэмптонсе. Мы будем давать интервью Эллен, и она будет смеяться и хлопать в ладоши от нашей маленькой истории любви. Каждый будет. И все эти девочки, которые знают, на что это похоже — чувствовать его внутри себя, ну, в общем, они будут плакать, поскольку они не узнают, на что это похоже — носить его ребёнка. Они не узнают, на что похоже проводить каникулы с ним в Хэмптонсе, или каково это — писать с ним книгу, или как прожить с ним всю жизнь. НЕТ, потому что для этого предназначена я. Я — его грандиозный финал. Я сыграла в игру правильно. Я обыграла игрока. И отныне слухи утихнут. Прекратятся здесь...

Я вбиваю код доступа. Замок щёлкает, я захожу в лобби и иду прямо к лифту. Вот как всё будет происходить с этого момента. Я приношу продукты, готовлю обед. Дверь скользит, открываясь, и я делаю несколько шагов к двери его квартиры, отпираю её и захожу внутрь. Чувствую чеснок, базилик и немного лимона. Свет выключен, играет музыка, рассеянное мерцание свечей танцует на стенах.

— Привет, малыш, — пою я, пока ставлю продукты на столешницу.

— Привет, милая. Я подготовил обед.

— Бау, малыш, — разбираю замороженные продукты и кладу их в морозильник, захватываю пиво, делаю глоток из горлышка по пути в столовую. — Ты хочешь кое-кого соблазнить... — и я теряю дар речи, когда оказываюсь в дверном проёме. Джастин сидит во главе стола с гнусной улыбочкой на лице, одной рукой прикрывая что-то лежащее на столе.

— Забыла свой телефон? — спрашивает он, уставившись на мой телефон, лежащий на краю стола.

— Мм, да... я... мм... видимо, да.

— Ага, — говорит он. — Пытался тебе написать, что у меня кончается пиво, — я поднимаю открытое пиво и вручаю ему. — Боже, ты идеальна, — он делает быстрый глоток. — Ах, — вздыхает он, — Эд писал тебе.

Моё сердце останавливается, тяжело ударяется, замирает и снова бьётся.

— Да...

— Ага, — он делает ещё один глоток пива, а затем ухмыляется. — Ты знаешь, — произносит он, — возможно, я должен быть тем единственным, кто будет умолять не заставлять меня ненавидеть тебя, да?

— Джастин... — непонятное чувство ползёт по моим венам, как ледяная вода.

— Всё хорошо. Все мы делаем ошибки, верно, Мариса? — он смеется, и этот смех, кажется, скоро взорвёт эту маленькую комнату. — Я впечатлён. Великий Эд... Ты высоко метиши, ничего не скажешь...

— Это не...

— Не имеет значения, чем это не было, Мариса. Важно только то, чем это не будет, — он поднимает руку с того, чтобы он ей не прикрывал, и бросает это мне. Я ловлю изношенный кожаный бумажник и переворачиваю его. А там бедный Эд, улыбающийся со своей идентификационной карты. Джастин поднимает бутылку пива к губам, и я замечаю маленькие брызги крови на его рубашке. — Ты не можешь бросить меня, — произносит он, и его глаза сужаются, опасно мерцая. — Я не позволю тебе. В конце концов, я сумасшедший.

Моё сердце хочет взорваться. Оно быстро бьётся, и я улыбаюсь.

— Что ты сделал, Джастин? — спрашиваю я, немного перебарщивая с энтузиазмом.

— Я, бл*дь, убил его.

Моё сердце замирает и переходит от возбужденного легкого постукивающего танца к всё ускоряющемуся ритму.

— Ты убил, Эда?

Он поднимает своё пиво в воздух, как будто произносит тост, затем делает большой глоток.

— Ты, бл*дь, моя Мариса. На-бл*дь-всегда.

— Ты безумен, — шепчу я, медленно продвигаясь к нему.

— Такой же, как и ты. Мы оба — сумасшедшие, — он отодвигает назад стул, и тот врезается в стену, прежде чем падает на пол. — Скажи мне, Мариса. Скажи мне... это ведь ты убила её.

Движение его руки стремительное. Так гадюка бросается на свою жертву. Он хватает меня за волосы и так сильно тянет за них, что я могу почувствовать, как каждый волосок вырывается от корня.

— Я... — тяжело сглатываю. — Я люблю тебя.

— Ты убила её, — он прижимает меня к стене. — Зарезала её на хрен.

Мои лёгкие сжимаются, страх обволакивает меня, поскольку эти его голубые глаза мерцают безумием. Он достиг края и пал.

— Скажи мне, Мариса, — шипит он моё имя, когда бьёт меня головой о стену. Его лицо приближается всё ближе, пока не остаются считанные сантиметры от его губ до моих. — Признай это, — его тёплые губы прижимаются к моим. Я смотрю на него и улавливаю небольшой намек на садистскую улыбку, касающуюся уголка его глаз.

— Мы оба сделали это, — пытаюсь я.

— Нет.

— Я сделала это ради тебя.

И его губы врезаются в мои, пальцы запутываются в моих волосах.

— Боже, это так, бл*дь, горячо, — его язык ласкает мой, руки захватывают моё платье, и он рвёт лямки, гладя ладонью мою грудь. — Скажи мне снова, что ты сделала это.

— Я убила её.

Его язык скользит по моему горлу, в то время как он стаскивает джинсы вниз по бедрам, зажимая в кулак член и в следующую секунду отпуская.

— Почему? — выдыхает он напротив моей плоти.

— Потому что люблю тебя.

— Е*ать, — стонет он, затем вонзает зубы в мою кожу, его руки грубо скользят под моей юбкой. — Ты — больная сука, — он дергает мою голову назад и захватывает нижнюю губу зубами, кусая. — Моя больная сука.

У меня перехватывает дыхание, когда он снова бьёт меня головой о стену. Он грубо целует мою челюсть, прикусывая её. Его другая рука-змея ползёт по моей груди вверх и хватает меня за подбородок, сжимая его. Он заставляет меня посмотреть на него. Он переводит взгляд от моего рта к глазам, прикусывая свою нижнюю губу с глубоким стоном.

— Я говорю серьёзно, Мариса, — он задирает моё платье и трёт меня пальцем, прежде чем толкается им внутрь. — Навсегда. Ты никогда не бросишь меня, — он смеётся. — Ты — мой маленький монстр, — его зубы скользят по мочке моего уха. — *Детка*.

Эпилог

Мариса

«Счастливы вместе» — *Spin*³⁹

Воздух наполняют шум и суета: писатели сражаются со своими баннерами, вскрывают свои коробки и бросают книги на столы. Гейдж шевелится на моих коленях, хлопая по моей руке, прежде чем дотягивается своей пухлой маленькой ручкой до стола и хватает серебряный маркер, незамедлительно таша его в рот.

— Гейдж, тебе это нельзя, — сладко произношу я, одновременно тянусь к сумке с подгузниками и вытаскиваю оттуда его панду. Он визжит, когда видит её, и вырывается из моей руки.

— Дерьмо, — бормочет Джастин. Наш баннер практически падает на него сверху, прежде чем он устанавливает стенд на место. — Дешёвый кусок дерьяма, — Джастин смотрит на меня, затем на Гейджа, улыбается и делает глупую морду.

— Папапапапапа, — лепечет Гейдж и протягивает медведя Джастину. Джастин усмехается и забирает его у меня, удерживая в воздухе и целуя в живот.

— Ты любишь, когда папа целует твой животик, не так ли? — смеётся Джастин. — Конечно же.

Улыбаясь, я наклоняюсь, чтобы подхватить ещё одну стопку книг. Скользя по взгляду по названию, пока раскладываю их на столе: «Слухи» — бестселлер №1 по версии «Нью-Йорк Таймс», авторы Джастин и Мариса Вайлд.

— Пять минут до открытия, — выдаёт организатор.

Прошло почти два года с тех пор, как Тори утонула в той ванне, почти два года с тех пор, как #КлассноПровожуВремяСЭми исчезла, вероятней всего, она была похищена сексуальной индустрией и продана в Мексике... по крайней мере, так говорится в бумагах. А бедный Эд... два года прошло с тех пор, как его красивая музыка была небрежно вырвана из мира бродягой, просто ищущим быстрой наживы.

Два года исполняющихся грёз и наполненных любовью. Джастин и я счастливы и влюблены. У супружеских пар есть свои темы, но мы буквально приговорены к нашей любви. Связанной и купленной ужасными вещами. Ужасными Преужасными Очень Плохими Вещами. У нас есть тайны, о которых никто никогда не узнает. Связь такая глубокая, что никто не может надеяться разорвать её. Мы крайне и бесконечно безумны друг для друга. Я убила за него, а он убил за меня, и если это не определение истории любви, то я не знаю, что же тогда ещё.

³⁹ музыкальный исполнитель

Двери в бальный зал с грохотом открываются, и толпа людей вваливается через них. Перед нашим столом быстро формируется очередь, и хотя женщины всё ещё могут стоять ему глазки, они не прикасаются к нему. Они не целуют его. Поскольку он больше не игрок. Он больше не в игре. Все охи и ахи направлены на Гейджа. Все женщины хотят поддержать его. Они все говорят нам, какой красивый у нас ребёнок, и я знаю, о чём они думают: этот Джастин трахает её, именно так Гейдж и попал сюда... они думают о том, насколько же завистливы они, потому что у меня он есть, а у них нет. Они видят, насколько красиво получается, когда у нас есть секс...

— Вы двое — такая прекрасная пара, — говорит женщина, стоящая у края стола, в то время как вручает мне копию нашей книги, чтобы я расписалась.

— Спасибо, — я подписываю книгу и передаю её Джастину. — Это так мило с вашей стороны.

— Пожалуйста, дорогая. И, могу я просто сказать, это так освежает — видеть двоих, настолько влюблённых друг в друга, — она улыбается и забирает теперь уже подписанную Джастином книгу, прижимая её к груди. — Это моя любимая книга. Она такая испорченная и сумасшедшая, но те двое принадлежат друг другу, правда. Это была идеальная концовка.

— Благодарю, — говорит Джастин.

И это была идеальная концовка, я удостоверилась в этом, не так ли, Джастин?

— Я понятия не имею, как вы двое это придумали, — произносит она, — однако вы сделали это. И просто продолжайте в том же духе.

Когда она уходит, Джастин смотрит на меня и ухмыляется.

— У нас *дикое* (прим. тут игра слов. *Фамилия героев Wild* — дословно «дикий») воображение, да, детка? — он убирает прядку моих волос за ухо, прежде чем целует меня.

— Оххх, — несколько людей в очереди падают в обморок. Чёрт, я сама в обмороке.

— Два человека одержимые идеей любви, — произносит он, его яркие голубые глаза смотрят в мои, — это как грёбаный огонь, не так ли?

— Что вроде того, — я улыбаюсь Джастину.

Он смеется, и, о Боже, я люблю этот хриплый смех. Гейдж тянется ко мне.

— Хочешь забрать его?

— Конечно, — я улыбаюсь, пока забираю Гейджа к себе на колени, целуя его в макушку. Сладкий аромат детского шампуня обволакивает меня с каждым нежным поцелуем.

Визитка приземляется на стол передо мной, и я поднимаю взгляд. Там парень в ярко-красной бро-майке, стоит и улыбается.

— Как жизнь? Я — новая модель. Томми Томас. Просто пытаюсь представиться всем симпатичным леди, — он подмигивает, смеясь. — Мне очень понравится быть на твоей обложке, солнышко.

Он уходит, и Джастин прочищает горло.

— Хочешь быть на обложке или частью истории? Мудак... — Джастин смотрит на меня, его глаза дико мерцают. — Я тут думаю об истории модели, которая встретит свою безвременную кончину от рук больного автора. Это будет бестселлер, не так ли?

Я перемещаю Гейджа на своих коленях и смеюсь, прежде чем наклоняюсь, чтобы поцеловать Джастина.

— Ты же знаешь, что я нахожу горячим, когда ты угрожаешь кровопролитием, защищая мою честь, малыш.

Они говорят, что любовь — это форма безумия, и я должна согласиться. Мы не просто два человека, одержимые идеей любви. Нет, мы одержимые идеей о романтизированной версии безумия, желая выйти за пределы, чтобы обрести своё «долго и счастливо», независимо от того, насколько испорчено это может быть.

Я люблю тебя Джастин. Мы — статическое электричество. И тебе просто повезло, что я не убила тебя.

Альтернативная концовка

У меня было примерно шесть различных концовок этой книги. И у меня действительно есть ужасная привычка сначала писать концовки. Как бы сильно я не любила вот эту...

Я должна была подарить им НЕА (долго и счастливо).

Xx Стиви

Старая автомагистраль пуста. Ранние утренние лучи солнца ярко блестят на бесконечных полях. Через час мы будем в маленькой хижине глубоко в лесу. Небольшая хижина Джастина, купленная для нас, и которую мы разделим, поскольку, видите ли, он наконец-то осознал, что мы принадлежим друг другу. Только мы. Вместе.

Это странная маленькая хижина с высокими просмоленными потолками и большим окном от пола до потолка, которое выходит на хребет горы Аппалачи. Тут есть маленькое крыльце, где мы будем каждое утро сидеть и пить наш кофе, болтая о сюжетах наших самых новых трудов. И, в конечном счете, держу пари, мы напишем одну книгу вместе. Возможно, это будет наша история. История любви. Идеальная красивая история любви.

Я опускаю крышу на винтажном «Мерседесе» Джастина 1967 года, солнце сверкает на красной коже и хроме рулевого колеса.

— Я не могу дождаться, чтобы прожить оставшуюся часть нашей жизни вместе, малыш. Я действительно не могу, — говорю я, потягиваясь и переплетая свои пальцы с его.

Крыша щёлкает, и ветер развеивает мои волосы. Я сдвигаю вниз на глаза солнечные очки от Chanel, жалея, что не додумалась купить один из тех шарфов с цветочным принтом, чтобы перевязать волосы. Этот момент мог бы выглядеть как в классической истории любви, которую я думала, что сделала.

— Ты счастлив? Это жизнь, которую ты всегда хотел? — спрашиваю я, но он ничего не отвечает.

Я смотрю на него и улыбаюсь. Он выглядит таким идеальным. Пробивающаяся щетина разрезает идеальные линии его лица. Его густые волосы, которые я так люблю пропускать через пальцы, раздувают ветер. И он всё ещё так совершенен.

— Тебе не следует говорить что-либо, дорогой. Я знаю, что тебе нравится. Ты сказал, что я — всё, что ты когда-либо хотел. Ты сказал, что было что-то особенное во мне, и я была другой. Я не верила тебе тогда, однако как же я верю тебе теперь. В конце концов, ты же не лжец.

Я сжимаю его руку — пальцы холодные и твёрдые.

— О, у тебя что-то на лице, — шепчу я, прежде чем облизываю палец и стираю крошечную каплю крови с его щеки. — Вот так. Идеально. Как всегда.

А он всё ещё не произнёс и слова. Его губы — это прекраснейший оттенок синего, его загорелая кожа теперь бледна. И вот теперь, Джастин, теперь игра окончена. Шах и мат, любимый. Король мёртв. Но какая у нас будет замечательная жизнь. Только мы вдвоём. Одни в нашей маленькой хижине в лесу.